

STORY

июнь '16
№ 6 (92)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ
[STORY]

Шарапова: «Нельзя быть теннисисткой и матерью Терезой одновременно и делать всех счастливыми»

Мария Шарапова

Воздушная, прекрасная, стонущая, железная

Искательница Арбатова

Нашедшая место, где человек обретает себя

Режиссёр Астрахан

Как через 20 лет семейной жизни любить жену. Свою

Колдун Дювалье

Превративший в зомби соотечественников

16+

EST. KORRES 1996

НАТУРАЛЬНЫЕ ГЕЛИ ДЛЯ ДУША

обогащены активными растительными экстрактами
БЕЗ ПАРАБЕНОВ_БЕЗ СИЛИКОНОВ_БЕЗ ФТАЛАТОВ

Реклама в Европе - Холдинг - тел. (495) 771-60-01/02/03

EST. KORRES 1996
Guayaba
Goyave
Guava
Guayaba
Απόλλοτρο
Showergel
Gel Douche
Duschgel
Gel de Ducha
87.5%
Natural content - Contenu naturel

EST. KORRES 1996
Water Lily Blossom
Fleur de Nymphéa
Wasserlilieblüte
Flor de Nenúfar
Απόλλοτρο
Showergel
Gel Douche
Duschgel
Gel de Ducha
87.5%
Natural content - Contenu naturel

EST. KORRES 1996
Αμπέλι Σαντορίνης
Santorini Vine
Vignes de Santorini
Santorini Weinrebe
Vitis de Santorini
Απόλλοτρο
Showergel
Gel Douche
Duschgel
Gel de Ducha
86.7%
Natural content - Contenu naturel

EST. KORRES 1996
Βασίλικός Λεμόνι
Basil Lemon
Basilic Citron
Basilikum Zitron
Albahaca y Limón
Απόλλοτρο
Showergel
Gel Douche
Duschgel
Gel de Ducha
87.5%
Natural content - Contenu naturel

WWW.KORRES.COM

ИЛЬ ДЕ БОТЭ

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ КРАСОТА

iledebeaute.ru

О твёрдых бицепсах и твёрдых принципах

По пути в редакцию я часто встречаю Ленина, Сталина и Горбачёва. Они сидят на лавочке, курят, пьют пиво и ведут задушевные беседы друг с другом, наверное, о том, как им ещё раз обустроить Россию. Иногда они пристают к туристам, глазеющим на московские достопримечательности, принимают плакатные позы и фотографируются с ними на память. Ленин без уныния и лени тычет кепкой в объектив, Сталин, отбросив сигаретку, поспешно вытаскивает из-за пазухи трубку, Горбачёв делает нарочитый импортный «чи-и-из».

В одно нежное летнее утро к троиче известных на весь мир политиков примкнул никому не ведомый индеец. Не с первой попытки я опознала в нём Гойко Митича, вернее, его собирательного киногероя. Пенсионерскому сидению на лавочке и вялому приставанию к прохожим вождь краснокожих предпочёл полную неожиданностей и опасностей жизнь улицы. Бывало, идёшь в редакцию, а откуда-то сверху раздаётся знаменитый когда-то на весь соцлагерь боевой клич. Это кумир 70-х влез на строительные леса ремонтируемого здания, демонстрируя прохожим изломы своего рельефного молодого тела. В отличие от обленившихся на свежем воздухе партийцев свободолобивый сын прерий окунулся в гущу народа и стал держать в гуще речи. О том, что в 70-е годы прошлого века, когда идейно чуждые нам Шварценеггер и Сталлоне ещё не заполнили своей мышечной массой экран, у нас уже был свой герой – с твёрдыми бицеп-

сами и не менее твёрдыми принципами. Ещё говорил о том, что для американцев индеец всегда был бельмом на глазу и пером в заднице. Не зря же гласит народная ковбойская поговорка: хороший индеец – мёртвый индеец. А для россиян, напротив, это самый идеологически близкий народ, которому тоже нечего терять, кроме своих томагавков. Ещё рассказывал поучительную историю о том, как после просмотра фильма «Сыновья Большой Медведицы» индейцы племени дакота-сиу по примеру экранных собратьев встали на тропу войны. Полтора месяца потом американские спецслужбы и военные восстанавливали конституционный порядок на местах. После чего ФБР сделало вывод: во всём виноват лично Гойко Митич... «Да-да, я давно говорил, что из всех искусств для нас важнейшим является кино», – подал голос с лавочки Ленин.

Но однажды мужественный и справедливый вождь семинолов исчез. Исчез неожиданно, как и появился. И думается, не затяжные осенние дожди стали тому причиной и не знаменитая статья УК РФ № 282 о разжигании, а сытые и безучастные прохожие, не способные больше увлечься идеями справедливости и всеобщего братства.

Главный редактор
Елена Кузьменко

STORY

Главный редактор

Елена Кузьменко

Главный художник Инга Мачан

Фоторедактор Светлана Навроцкая

Зам. главного редактора Майя Чаплыгина

Редактор Наталья Смирнова

Корректор Наталья Камышанская

Секретарь редакции Мария Дембицкая

Над номером работали

Мария Арбатова, Марина Бойкова,

Наталья Дьячкова, Светлана Иванова,

Максим Кантор, Ирина Клёнская,

Екатерина Корнеева, Ирина Кравченко,

Александр Никонов, Илья Носырев,

Инна Садовская, Ольга Филотова

Издатель Елена Каякина

Распространение

Александр Магатаев, Георгий Григорян

Реклама Марина Теран

Маркетинг Марина Цховребова

PR Ольга Егорова

Производство Александр Бутузов

Преппрес Евгений Гольдштейн

Адрес редакции

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 12, стр. 3

тел.: (499) 962 8035, redaktor@story-mag.ru

Учредитель ООО «Стори мэгэзин»

Генеральный директор Галина Светличная

Совет директоров

Анатолий Сосновский (председатель),

Тим Шевцов, Елена Каякина, Елена Кузьменко

Бухгалтерия Дарья Вайгачева

Юридическое сопровождение

Алина Топорнина

Адрес учредителя

119048, г. Москва, ул. Ефремова, д.15/22, пом. 014П

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе

по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи

и охраны культурного наследия в 2013 г.,

свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59269

от 04.09.2014 г.

Отпечатано в типографии

ООО «Первый полиграфический комбинат»

Распространяется по всей территории России

Тираж 219 300 экз. Цена свободная

Выход в свет 25.05.2016 года

Фото на обложке:

Angela Weiss/Getty Images Russia

Редакция журнала не несёт ответственности

за содержание рекламных материалов.

Любое воспроизведение материалов

и их фрагментов возможно только с письменного

разрешения ООО «Стори мэгэзин».

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Содержание

4 Переписка. Письма читателей

◎ ГЛАВА 1. Кто, где, когда

6 Коварный месяц. Июнь

В этом месяце студент Михаил Лермонтов загремел в армию, французский король Карл VI окончательно сошёл с ума, экс-президент Горбачёв спел песню своей любви, а поэт Высоцкий с ней распрощался

10 Однажды...

Чулпан Хаматова осознала, что бывает, когда тебе дарят маленькую собачку, а Виктор Раков – что с морем шутить неправильно

22 Викторианский период. Виктория Токарева Невезучая Фима

24 Жизнь удалась. Валерий Попов

Посевная

26 Между прочим. Татьяна Устинова

Мы стараемся

28 Линия отрыва. Вера Павлова

Петушок или курочка?

◎ ГЛАВА 2. Личное дело

30 Обстоятельства жизни. Перезагрузка

Диана Арбенина решила, что коли уж становиться старушкой, то лучше – весёлой и довольной. Такой, у которой жизнь состоялась. А что это значит, когда «жизнь состоялась»?

38 Чудные люди. Хозяйка гостиницы

Странные они, эти владелицы французских замков российских кровей. Зачем они уезжают на родину из Бургундии? Может, потому, что в их родном языке есть старинное слово «подвиг»?

44 Отпечатки. Железная красота

Почему Мария Шарапова – легенда спорта на все времена? Она великая спортсменка? Нет. Она роскошная красотка? Нет. Она умна не по годам или сердобольна, как мать Тереза? Нет, нет и нет. А тогда в чём дело?

◎ ГЛАВА 3. Отгадки

58 Притча. Повелитель бабаев

Как жители Гаити превратились в зомби? Так ведь чтобы испортить целый остров, достаточно всего одного колдуна. А ещё проще, если этим колдуном окажется сам президент

70 Легенда. Белый генерал

Отважный генерал Михаил Скобелев воевал, как доблестный крестоносец, но над чем же он рыдал, как младенец?

80 История живописи. Ангелы гостиничных номеров

Жизнь Бальтазара Клоссовского прошла на фоне страшных трагедий века. Но на его холстах всё исключительно красиво. Неужели можно оставаться салонным живописцем и в лихие времена?

94 Мой... Булгаков

За что режиссёр и актёр Сергей Юрский любит Михаила Булгакова? Например, за то, что вместе с ним пережил «пражскую весну»

◎ ГЛАВА 4. Опыты любви

100 Роман с продолжением. Азарт

Главы, в которых корабельная команда, разбившись на пролетариев, идеологов и одну богемно-нарициссическую личность, вступает в отчаянную схватку за рулевое колесо

108 Семейные тайны. Папа Астрахан

Жил-был мальчик Дима Астрахан, и был он пятым, самым младшим сыном в семье. А потом вырос и сам завёл шестерых детей. Хотел своего папу перегнуть? И не думал... Это всё девушки виноваты, это всё они довели парня до цугундера

116 Неформат. Зебра

Однажды начальник южных российских колоний генерал Инзов приказал ссыльному поэту Пушкину отыскать в степи цыганский табор, надуривший генерала, и вернуть его, инзовские деньги. Но деньги почему-то не вернулись. Да и поэт тоже

◎ ГЛАВА 5. Люди и вещи

124 Вещь. Путник из страны «Театр»

Сколько режиссёр Роберт Стуруа ни раздаривает квартиры, картины и рояли, вещи его любят. Может, он добрый волшебник?

130 Путешествие. Место силы

Однажды последовательница индийского гуру поехала в Россию искать храм обезьянобога Ханумана. И что вы думаете? Нашла неподалёку от Омска. Туда теперь люди ездят просветляться, о чём и поведала Мария Арбатова

136 Угощение. Гладиатор, бориц и сало

Чтобы почувствовать себя гладиатором из Фракии, возьмите свёклу и сварите бориц. Великий воин Спартак именно так и питался

140 Гороскоп. Правдуроб

Близнецы – люди стеснительные. Критик Белинский, например, не любил ходить в гости, отговариваясь тем, что у хозяев вследствие его визита могут быть неприятности. И ведь как в воду глядел. Были неприятности, да ещё какие

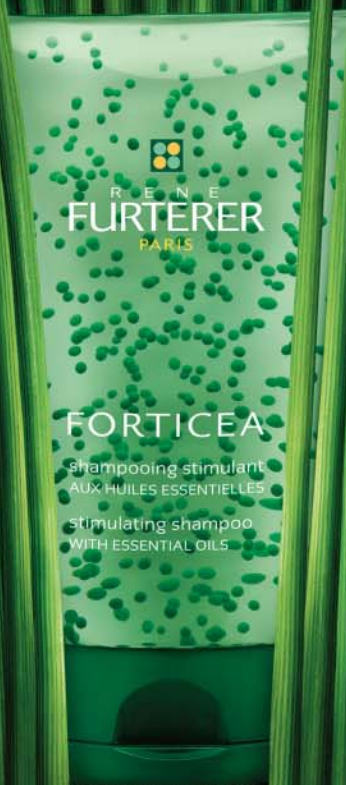
Реклама. Рекламодатель ОАО "Единая Европа - Холдинг", тел. (495) 771-60-01/02/03. Шампунь Фортисеа

R E N É
FURTERER
PARIS

FORTICEA

Стимулирующий шампунь
от выпадения волос

www.renefurterer.com

Pierre Fabre

ИЛЬ ДЕ БОТЭ

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ КРАСОТА

iledebeaute.ru

Переписка

Гений места

Эдуард Тополь даже про мрачный и не особенно-то гостеприимный Стокгольм написал изысканно и изобретательно. Захотелось снова поехать в Швецию! И ещё стало интересно, а так ли уж нужно писателю лично лицезреть место действия, где должен разыгаться сюжет его очередного романа? И как часто писатель Тополь устраивает себе такие «путешествия со смыслом» – для достоверности, как я понимаю, описываемых в его книгах событий?

С уважением,
Валентина Серых

Отвечает ЭДУАРД ТОПОЛЬ

Уважаемая Валентина! Спасибо за комплимент. Моя первая профессия – журналистика, и потому я до сих пор держусь в своей работе за факты и детали, которые сам могу пощупать и увидеть. Как видите, то, что рассказал мне Михаил Казиник о Ленине в Стокгольме, нигде не вычитаешь, он это узнал из старых шведских газет. И в романе «18+ , или Последний аргумент» я провёл свою героиню именно тем маршрутом, по которому прошёл сам по Стокгольму.

Да, я стараюсь слетать и съездить в те места, которые описываю в своих книгах. Точнее,

Приз за лучшее письмо – аромат Santal Cardamome (парфюмерный дом Fragonard) – вручается Валентине Серых

я своих героев отправляю туда, где побывал сам, – в сибирскую и заполярную экзотику, в Среднюю Азию, в США, в Израиль, в европейские города и т.д. При этом бывают и любопытные казусы. Герой моего романа «У.» – чекист на пенсии. Но как я мог описать нынешнее КГБ-ФСБ, не побывав там? Ну, нашёл своего читателя и в этой организации и попросил сводить меня туда на экскурсию. Он договорился с начальством, меня туда провели, приняли на очень высоком уровне, показали кабинеты, коридоры, столовую, где цены просто смешные (я втихую унёс меню и процитировал в романе). И вот сижу в кабинете одного из руководи-

телей, на столе коньяк, фрукты, за столом несколько генералов. Рассказывают смешные истории, политические анекдоты. А я чувствую себя не в своей тарелке и говорю: «Господа, мне неловко говорить об этом, но всё-таки скажу. Я ведь автор «Красной площади», а вы тут при мне говорите всякое...» «Не беспокойтесь, – отвечают, – вашу «Красную площадь» читали в этом кабинете назавтра после того, как она вышла в Лондоне на английском».

...А в романе «Чужое лицо» действие происходит на советской подводной лодке, туда я, конечно, попасть не мог, поскольку жил в то время в Нью-Йорке. Как быть? Через «Дом свободы» нашёл двух советских подводников-беглецов, пригласил их в гости. Конечно, запасся ящиком водки. Мы её выпили за пять дней, они мне на магнитофон наговорили массу интересного – например, как развлекаются подводники во время автономного плавания. Никогда не догадаетесь – тараканьями бегами! Выдумать такое невозможно, зато можно прочесть в «Чужом лице».

Поэтому газета «Нью-Йорк таймс» тогда написала, что Тополь пишет не fiction, а fact-tion.

Извините, расхвастался. Всех благ и – приятного чтения. ☺

Уважаемые читатели!

ТЕПЕРЬ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА STORY, В РАЗДЕЛЕ «МАГАЗИН», ВЫ СМОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ КНИГИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ:

Максим Кантор «Чертополох», художественные эссе
Ираклий Квирикадзе «Мальчик, идущий за дикой уткой», очерки о жизни и кино
Екатерина Маркова «Каприз фаворита», психологическая проза
Дмитрий Лиханов «Жанры жизни», очерки и расследования

Подробности на сайте: www.story.ru

I

ГЛАВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

*В которой актриса
Марина Влади, не церемонясь,
пускает с молотка святыни **с.6***

.....

*а студент-ботаник Лермонтов
устраивает выволочку московской
профессуре **с.8***

Июнь

11 ИЮНЯ 1980 Высоцкий написал последнее стихотворение

В тот день он улетал в Москву. После лечения в парижской наркологической клинике, после тяжёлых объяснений с женой... Отношения с Мариной – на грани разрыва, в России ждёт молодая пассия. Но на почтовой открытке французского турагентства Высоцкий пишет стихотворение, посвящённое именно Влади: «Мне меньше полувека – сорок с лишним, \ Я жив, двенадцать лет тобой и Господом храним. \ Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, \ Мне есть чем оправдаться перед Ним». Этот кусок картона с неровными строчками хранился в архиве Марины Влади вместе с другими веща-

ми, связанными с Высоцким. Когда в конце прошлого года вдова объявила, что выставляет на аукцион посмертную маску, некоторые другие предметы и эту рукопись, публика вздрогнула – как можно, ничего святого! Марина терпеливо объясняла журналистам: она продаёт дом и перебирается в квартиру, где мало места, поэтому расстается со многими вещами, не только с теми, что связаны с Высоцким, и желание заработать здесь ни при чём. Но людям захотелось большей ясности. («А из зала мне кричат: «Давай подробности!») И актриса призналась: материальное для неё не имеет значения, а то, что имеет, – память – останется с ней навсегда. И добавила фразу, которая окончатель-

но прояснила вопрос: «Мне бы хотелось перевернуть страницу и, как говорится, «нырнуть в будущее». И это в семьдесят семь лет, похоронив близких людей, живя одними лишь воспоминаниями!..

Она поменяла жизнь кардинально, и судьба, похоже, одобрила «перезагрузку» – Марина Влади вновь много и успешно снимается. А почтовая карточка со стихами, за которую на парижском аукционе планировали выручить десять – пятнадцать тысяч евро, была приобретена за двести тысяч. Её купил российский бизнесмен, поклонник Высоцкого.

«Тот, кто оглядывается на своё прошлое, не заслуживает будущего».

[Оскар Уайльд]

16 ИЮНЯ 2009 Михаил Горбачёв записал диск

Приближалась десятая годовщина со дня смерти супруги экс-президента СССР. Шла подготовка к благотворительному вечеру Фонда Раисы Горбачёвой в Лондоне. Идея записать диск и выставить его на аукцион пришла в голову Андрею Макаревичу. Мысль была смелая – спеть семь любимых романсов первой леди должен был сам Михаил Сергеевич. Подобного опыта у него, естественно, не было, пел он до этого только в домашнем кругу. Однако Горбачёв согласился. И под аккомпанемент Макаревича исполнил соло удивительно задушевно. Правда, судить об этом широкая аудитория могла лишь по одному романсу, выложенному на YouTube. Диск не предназначался для продажи, и целиком его услышали немногие – ближний круг и те, кто приобрёл его на благотворительном аукционе. Тогда собрали почти два миллиона фунтов стерлингов, которые были направлены в помощь детям, больным лейкемией. Из них 170 тысяч выручили за диск. Говорят, Михаил Сергеевич остался суммой доволен.

Надо сказать, он не единственный среди сильных мира, кто после ухода любимой жены совершал впечатляющие поступки. Все знают Тадж-Махал. Но в мире есть ещё один дворец с похожей историей – Шарлоттенбург, «немецкий Версаль». Им король Фридрих Вильгельм I увековечил память о своей жене Софии Шарлотте. Причём – вот ведь немецкий характер! – заранее оговорил план работ с умирающей королевой. А бывший президент Пакистана Асиф Али Зардари в память о своей жене Беназир Бхутто, погибшей от рук террористов, завещал своё тело для трансплантации органов. Мол, супруга отдавала себя без остатка людям, значит, и я должен!

«Поначалу он робел. Но я его утешал и говорил, что у него всё хорошо получается. И если даже что-то не получится, то есть технические средства, которые помогут исправить недостатки. К ним не пришлось прибегать, скажу я вам по секрету».

[А. Макаревич]

28 ИЮНЯ 1997 Майк Тайсон загадал загадку человечеству

В списке пятидесяти выигранных «Железным Майком» боёв нет боя с Эвандером Холифилдом. Однако он мог закончиться для Тайсона не просто поражением – позором. И сам боксёр, и его тренеры всячески подогревали интерес публики к предстоящему в Лас-Вегасе поединку: мол, Майк ещё сде-

лает фарш из этого выскочки, отнявшего у него чемпионский пояс по чистому недоразумению. На кону стояли все громкие титулы, которыми одаривали Тайсона («король нокаут», «крутейший на планете»), а вместе с ними и карьера. Вот почему Майк, почувствовав к концу третьего раунда, что вот-вот уткнётся носом в настил, пошёл на это зверство – взял и откусил сопернику ухо. Сначала кусочек правого. После чего рефери посчитал возможным поединок продолжить. Но вскоре и левое ухо Холифилда оказалось в челюстях экс-чемпиона. Кровь полилась рекой, бой остановили, Тайсона дисквалифицировали, но ринг он покинул не на носилках. Наоборот, к врачебной помощи пришлось обращаться

сопернику. Был большой скандал, но позорного проигрыша не случилось. Правда, это лишь одна из версий странного события. Поговаривали ещё, что жадный до денег Майк откусил ухо сопернику по контракту с крупной кондитерской фабрикой. Кондитеры ему за акт каннибализма хорошо заплатили, а потом, налепив печений а-ля «ушная раковина», радостно подсчитали барыши. Но гуляла ещё версия неправильной спортивной диеты. Мол, орга-

Якобы Эвандер несколько раз против правил ударил его головой по лицу. Но – не убедил!

«В жизни бойца всегда есть парень, который может дать ему пинок под зад».

[Анджело Данди, тренер Мохаммеда Али]

15 ИЮНЯ 1394 Королева Изабелла Баварская пустилась во все тяжкие

В этот день её супруг, король Франции Карл VI (Безумный),

низм борца, истосковавшийся по минералам, солям и прочим полезным веществам, так сработал. Ему срочно понадобились ушные хрящи! А Майк не виноват, он всего лишь лязгнул зубами по наущению «обмена веществ»... В общем, спорили долго и спорят до сих пор. Нельзя сказать, что Тайсон остался индифферентен к дебатам. Он тоже приводил свои резоны.

в очередной раз слетев с катушек, так в этом состоянии и остался. Он и раньше периодически не узнавал супругу, требуя, чтобы убрали подальше эту женщину, которая бесстыдно на него пялится, рвал в клочья одежду и закалывал некстати подвернувшихся поданных. Правда, придя в себя, ужасался, одаривал вдов и принимался за государственные

дела. А тут – всё. Полное затмение. О сластолюбии королевы начали поговаривать, когда она родила очередного ребёнка, уже съехав от безумца в соседний дворец. Из двенадцати детей лишь четверо были зачаты, пока король находился в относительно здоровом уме, остальные – в беспамятстве. Но историки всё равно сомневаются – с чего вдруг приличная женщина сорвалась с гвоздя? С особым рвением принялись мазать дёгтем её ворота, когда умер безумный супруг и на престол должен быть взойти их сын Карл VII. Тут-то пятидесятилетней вдове и припомнили всё: и деверя Людовика Орлеанского, и дворянина де Буа-Бурдона, и декольти ниже некуда, и зажигательные пирушки в ущерб казне. Кое-кому было очень на руку объявить Карла незаконнорождённым. Конечно, при такой-то матери откуда взяться законным наследникам? Эта свистопляска цели не достигла: Карл VII стал королём и разговоры о его происхождении, побушевав, затихли. Но королева так и осталась в истории вавилонской блудницей, что было канонизировано четыре с лишним века спустя романом «Изабелла Баварская» авторства Александра Дюма. Которого, кстати, ещё его современники упрекали за страсть к дешёвым эффектам в ущерб исторической правде.

«Нет для короны большего урона, чем с кем-нибудь случайно переспать. (Вот почему обречена корона, республика же можетстоять...»)

[Иосиф Бродский. «20 сонетов к Марии Стюарт»]

18 ИЮНЯ 1832 Лермонтов бросил Московский университет

Поэт Лермонтов был непрыстым студентом. На лекциях читал посторонние книги, на экзаменах дерзил профессо-

рам. Преподаватель изящной словесности Победоносцев однажды попытался осадить умника: «Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?» Ответ свидетелей потряс. «Это правда, господин профессор. Того, что я сейчас говорил, вы нам не читали, потому что это слишком ново и до вас ещё не дошло...» К этому студент Лермонтов прибавил, что знания свои он почерпнул из

колению («в бездействии составится оно»), и своему отечеству («страна рабов, страна господ»), и его властителям («свободы, геня и славы палачи»). Даже стихи о любви он начинал со слова «нет» («Нет, не тебя так пылко я люблю...»). Он вообще жил в остром конфликте с миром, предъявляя тому невыполнимые требования. Мир прогибаться не собирался, а поэт не собирался отступать. Страдал он от несуразной действительности невыносимо, но распла-

где и познакомился с Николаем Мартыновым. Спустя девять лет на Кавказе состоится их дуэль. Поручик Лермонтов выстрелит в воздух, майор Мартынов – в грудь навывлет. Предшествовала дуэли офицерская вечеринка с барышнями, танцами, флиртом и традиционными насмешками над «другом Мартышом». «...увидели Мартынова... у рояля, на котором играл князь Трубецкой. Лермонтов начал острить на его счёт, называя его *montagnard au grand poignard*

собственной библиотеки, снабжённой всем самым современным.

Да, звезду русской поэзии современники не любили. Воспоминания о Лермонтове смахивают на список обид, нанесённых по разным поводам самым разным людям. Поэт ведь только размялся на бесцветной московской профессуре, а потом вынес приговор и своему по-

чивались за его терзания все, кто оказался поблизости. Сказать, что насмешки переносили смиренно, было бы неправдой. С администрацией университета Лермонтову пришлось объясняться, после чего в списке студентов напротив его фамилии появилась запись: «Посоветовано уйти». Он написал прошение и ушёл. В том же году поступил в Школу гвардейских юнкеров,

(«горец с большим кинжалом»). Мартынов носил черкеску и кинжал. Когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово *poignard* раздалось по всей зале. Мартынов сказал Лермонтову: «Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах...»

[Из воспоминаний
Э.А. Клингенберг] ©

МАРИНА БОЙКОВА

Однажды...

Чулпан Хаматова оценила преданность

Я в детстве страшно умоляла родителей подарить мне кошку или собаку. Но у нас была однокомнатная кооперативная квартира, в которой жили я, мама, папа и младший брат. Кухня была крохотная, а когда вечером в комнате раскладывали все кровати, пройти по полу было просто невозможно, ходили по кроватям. Неудивительно, что ни о каких домашних питомцах и речи быть не могло. Это была мечта, тоска, боль... Но я была девочка упорная, поэтому попыток не оставляла – продолжала отвоёвывать право иметь домашнее животное.

Первое, что мне разрешили завести дома, – рыбок, аквариум стоял на подоконнике и никому не мешал. Потом был хомяк, Маня, настоящий друг. Следом родители расщедрились на кога, он был чёрный, я назвала его Бегемот, я тогда бредила «Мастером и Маргаритой». И вот, наконец, мне купили собаку, ризеншнауцера, Марту. За что я до сих пор им безумно благодарна. Это очень важно в подростковом возрасте. Когда появляется чувство незащищённости, ещё не выработалось адекватное к себе отношение и так ранит одиночество, когда кажется, что никто тебя не любит, ты всем безразличен, – тогда ужасно нужен четвероногий друг. Мне повезло, у меня была большая собака, которая могла рычать, пугать всех моих обидчиков – она меня действительно защищала. Потом было ещё несколько собак. Но когда появились дети, последнюю, ретривера, мама забрала к себе. Узнав об этом,

Женя Миронов тут же подарил мне собаку... Но. Она маленькая. Очень долго мне было сложно относиться к ней серьёзно. Ну как иметь дело с «комариком»? Как относиться? Но недавно я заболела, долго лежала не вставая. И тут этот комар, эта

собака-тире-насекомое проявила себя как настоящая большая собака. Она отказывалась пить, отказывалась есть – всё время проводила со мной. И я её не только зауважала, я её наконец по-настоящему полюбила.
Из разговора с И. Кленской

НИКА

ЮВЕЛИРНЫЕ ЧАСЫ И АКСЕССУАРЫ

Только
в фирменных
салонах НИКА

ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ

*Ювелирные часы
Mystery Joy от НИКИ –*

это настоящее буйство красок.

На их циферблате есть
ясное небо, нежные цветы
и разноцветные бабочки.
Mystery Joy точно знает,
каким будет ваше лето!

www.nikawatches.ru

Творческая пора

Эмалевый циферблат
Mystery Joy расписан вручную!

Сезон нежности

Ремешок Mystery Joy сделан
из мягкой натуральной кожи

Время цветения

Mystery Joy выполнены в фиалковом,
лавандовом, белом и черничном цвете

Белые ночи

На ранте и циферблате Mystery Joy
сверкают звездные фианиты

Однажды...

Виктор Раков научился выходить сухим из воды

Мне было года три-четыре, когда мы всей семьёй отправились в отпуск на море. Это вообще хорошая традиция – чтобы ребёнок не болел, вывезти его раз в год морским воздухом подышать, под южным солнцем

позагорать. Помню, чуть ли не в первый же день пришли на пляж, специальных зонтиков от солнца там не было, но

люди сами до всего додумывались: ставили четыре палки и натягивали на них простыню. Родители оставили меня

на берегу, а сами отправились купаться. И вот сижу я в гордом одиночестве под этой простыней, смотрю – в море торчит какая-то металлическая конструкция, люди на неё забораются, потом прыгают с неё... Я подумал-подумал и решил: чего сидеть, надо и мне тоже туда сходить, плюхнуться с верхотуры в море... И пошёл. Иду, шаг-другой, вода мне уже по грудь, а вот и по самое горло. Смотрю – до конструкции буквально полтора-два метра. Я делаю этот последний, как мне кажется, шаг и проваливаюсь под воду. Раз – и вода уже надо мной. И кадр – замедленная киносъёмка: я смотрю на эту воду и понимаю: надо что-то делать. Это сейчас так долго обо всём рассказываю, а тогда всё уместилось буквально в одно мгновение. Каким-то до сих пор непостижимым мне образом я развернулся под водой и попытался сделать шаг обратно. И мне это удалось! Я наступил на самую нижнюю ступеньку вышки, оттолкнулся и, вынырнув, смог глотнуть воздух. Когда пришёл в себя, понял, что был не прав, провинился и как бы родители не узнали... Поэтому быстренько-быстренько побежал на своё место – под простынку. К счастью, родители не заметили моего отсутствия. И ничего бы в своей жизни я не хотел изменить, переписать, даже детские ошибки... ☺

Подготовлено по материалам программы «Линия жизни».
Программу «Линия жизни» смотрите по пятницам в вечернем эфире телеканала «Россия-Культура»

АВТОМАТИЧЕСКИЙ БИОКАМИН FIRE LINE AUTOMATIC III САМЫЙ БЕЗОПАСНЫЙ В МИРЕ

planika
INTELLIGENT FIRE

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
СИСТЕМА
БЕЗОПАСНОСТИ

УСТАНОВКА В КВАРТИРЕ
БЕЗ ДЫМОХОДА

НАСТОЯЩИЙ ЖИВОЙ
ОГОНЬ

ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННЫЕ ОБЛИЦОВКИ ИЗ МРАМОРА И ДЕРЕВА ДЛЯ КАМИНОВ

БЕСПЛАТНЫЙ ВЫЕЗД

ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА

Реклама

Шоу-Рум Planika:

ГАЛЕРЕЯ ДИЗАЙНА

Санкт-Петербург, Московский пр-т, 111
2-й этаж, секция 4, +7(812) 925 00 19

Шоу-Рум Planika:

ТВИН СТОП
галерея интерьеров

Москва, 1-й Щипковский пер., д.4,
1 этаж, стенд А 27-28, +7(495) 226 52 53

8 (800) 100 93 73

(звонок по России бесплатный)

www.planika.ru

Толковый словарь...

Стивена Кинга

В ВДОХНОВЕНИЕ

Для меня не существует таких вещей, как вдохновение, настроение. Я всегда настроен что-нибудь написать. Но. Иногда рассказ сразу складывается це-

ликом – готовое произведение. Но чаще всего рассказы приходят ко мне в два этапа: сначала чашка, а потом ручка. Может так получиться, что ручка появится лишь через несколько

недель, или месяцев, или даже лет, поэтому у меня в голове есть маленький сундучок, набитый незавершёнными чашками, каждая – в умозрительной защитной упаковке, которую мы называем памятью. Какой бы красивой ни была чашка, идти искать ручку – пустое дело, приходится ждать, пока ручка возникнет сама. Я понимаю, это убогая метафора, но, когда речь идёт о литературном творчестве, почти все метафоры убоги. Я пишу книги всю жизнь, однако до сих пор очень слабо представляю, как идёт этот процесс. С другой стороны, я очень слабо представляю, как работает моя печень, но, пока она справляется со своими задачами, меня это устраивает.

Почти шесть лет назад я едва не стал свидетелем аварии на оживлённом перекрёстке в Сарасоте. Какой-то водитель-ковбой пытался протиснуться на своём грузовике в левую полосу, уже занятую другим грузовиком. Водитель, на чьё пространство посягали, нажал клаксон, послышался неизбежный визг тормозов, и два бензиновых мастодонта едва не столкнулись, разминувшись буквально на пару дюймов.

Водитель, стоявший в левом ряду, опустил стекло и поднял средний палец к синему небу Флориды в традиционном американском приветствии, столь же священном, как и бейсбол. Парень, который едва в него не впилится, ответил тем же и ещё, как Тарзан, застучал кулаками в грудь, что, по-видимому, означало: хочешь подраться? Потом на светофоре загорелся зелёный, другие водители принялись нетерпеливо сигналить,

и те двое поехали каждый своей дорогой, так и не вступив в схватку.

Этот случай заставил меня задуматься: а что могло бы произойти, если бы те парни вышли из машин и начали выяснять отношения прямо там, на Тамайами-трейл? Агрессивное поведение на дороге мы видим сплошь и рядом. К сожалению, «сплошь и рядом» не входит в рецепт хорошей истории. И всё-таки эта едва не случившаяся авария накрепко врезалась мне в память. Это была чашка без ручки.

Спустя год, может, чуть больше, мы с женой обедали в «Эпплби», и я увидел мужчину за пятьдесят, который резал на маленькие кусочки рубленую котлету для совсем пожилого джентльмена. Резал заботливо и аккуратно, а пожилой человек смотрел пустыми глазами поверх его головы. В какой-то момент старик, похоже, включился в реальность и схватил вилку и нож, вероятно, чтобы самому за собой поухаживать. Его спутник улыбнулся и покачал головой. Старик вернул нож и вилку на место и снова уставился в пространство. Я решил, что это отец и сын, и так у меня появилась она – ручка для чашки, а потом сложилась и вся история об агрессии на дороге.

3 ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

Полагаю, с возрастом большинство людей начинают всё чаще задумываться о том, что их ждёт по ту сторону, а поскольку мне уже давно за шестьдесят, я тоже об этом думаю. Ещё никто не посылал из царства мёртвых видеоролик с мобильного телефона. Понятно, что есть вера (и море книг о том, что «небеса существуют»), но она не нуждается в доказательствах по определению. По сути, всё сводится к двум возможным вариантам. Либо там ЧТО-ТО ЕСТЬ, либо там НИЧЕГО НЕТ. При втором варианте вопрос снимается сам

с собой, и обсуждать тут нечего. А при первом открывается поистине безграничный простор для фантазии, и хит-парад загробной жизни возглавляют небеса, преисподняя, чистилище и реинкарнация. А может, вы получите то, во что всегда верили. Не исключено, что мозг оснащён некоей встроенной программой, которая запускается, когда всё остальное выключается, и мы готовы сесть на этот последний поезд. Для меня рассказы переживших клиническую смерть являются тому подтверждением. Мне бы хотелось, как мне кажется, иметь возможность прожить жизнь ещё раз, будто в фильме с эффектом присутствия, чтобы снова испытать радость от хороших событий вроде женитьбы и нашего с женой решения завести третьего ребёнка. Конечно, мне пришлось бы пройти и через неприятные моменты (а их у меня тоже хватало), но разве они стоят того, чтобы отказаться ещё раз испытать восторг, охвативший меня при первом настоящем поцелуе, или упустить возможность не нервничать и действительно насладиться свадебной церемонией, которая прошла как в тумане?

Н ПРАВСТВЕННОСТЬ

Скользкая тема. Если я не понимал этого в детстве, то узнал, когда поступил в колледж. Я учился в Университете Мэна, еле сводя концы с концами на мизерную стипендию, государственные кредиты и летние заработки. В течение учебного года я подрабатывал мытьём посуды в Вест-Коммонс. Денег никогда не хватало. Моя мать-одиночка, старшая экономка в психиатрическом заведении «Пайнленд трейнинг сентер», высылала мне каждую неделю 12 долларов, что служило определённым подспорьем. Когда она умерла, я узнал от одной из её сестёр, что ей приходилось отказываться от посещения

парикмахерской и экономить на продуктах. По вторникам и четвергам она не обедала.

Уехав из кампуса и оказавшись за пределами Вест-Коммонс, я иногда воровал в местном супермаркете бифштексы и гамбургеры. Заниматься этим следовало по пятницам, когда в магазине было много народу. Однажды я попробовал стащить цыплёнка, но он оказался таким большим, что ни черта не помещался под курткой.

Потом распространился слух, что я могу выполнять письменные задания для студентов, оказавшихся в трудном положении. Мои расценки за эту услугу были плавающими. Если студент получал «отлично», мой гонорар составлял 20 долларов. За оценку «хорошо» мне платили 10 долларов. За оценку «удовлетворительно» все оставались при своих. За получение неудовлетворительной оценки я принимал на себя обязательство заплатить пострадавшему студенту или студентке 20 долларов. Я делал всё, чтобы мне не пришлось платить, поскольку не мог себе этого позволить. И я был хитрым. (Мне стыдно в этом признаться, но что есть, то есть.) Я не брался за работу, пока студент не предоставлял мне хотя бы одно из выполненных им самим заданий, чтобы я мог воспроизвести его стиль. Слава богу, мне не приходилось заниматься этим часто, но, когда жизнь заставляла, когда я сидел без денег и не мог позволить себе гамбургер и картофель фри в «Медвежьем логове» Мемориал-Юниона, я этим не гнушался.

На предпоследнем курсе я узнал, что у меня весьма редкая группа крови – первая отрицательная, ею обладает шесть процентов населения. В Бангоре имелась клиника, платившая 25 долларов за пинту такой крови, и я решил, что это отличный вариант. Примерно раз в два месяца я садился за руль

своего потрёпанного универсала (или, когда он ломался, что случалось весьма часто, ехал автостопом) и добирался из Ороно до клиники, где закатывал рукав. В те годы ещё ничего не знали про СПИД, бумага заполнялась гораздо меньше, а по окончании процедуры сдавшим кровь предлагался на выбор небольшой стакан апельсинового сока или маленькая порция виски. Будучи уже тогда неравнодушным к спиртному, я всегда выбирал виски.

Возвращаясь как-то после такой поездки на учёбу, я вдруг подумал, что если проституция – это продажа себя за деньги, то я – настоящая шлюха. Написание эссе по английскому языку и курсовых по социологии ничем не отличалось от проституции. Я был воспитан в строгих методистских традициях, добро и зло не были для меня пустыми словами, и вдруг я превратился в обычную шлюху, разве что торговал не задницей, а своей кровью и умением писать.

Эта мысль заставила меня задуматься о том, что же всё-таки является нравственным, а что нет, и я думаю об этом по сей день. Концепция нравственности весьма эластична, разве не так? Потрясающе эластична. Но если растянуть что-то слишком сильно, рано или поздно оно порвётся. Сейчас я сдаю свою кровь бесплатно, а не за деньги, однако ещё тогда мне пришлось в голову, и я до сих пор так считаю, что при определённых обстоятельствах любой человек может продать всё что угодно.

И потом всю жизнь об этом жалеть.

С СЛАВА

Покупками у нас заведует моя жена (по её словам, иначе в доме не нашлось бы и картофелины), но в самых крайних случаях она отправляет по магазинам меня. Так однажды я оказался в местном супермаркете, чтобы при-

обрести батарейки и сковороду с антипригарным покрытием. И когда я шёл по проходу с хозяйственными товарами, уже взяв самое необходимое (сдобные булочки с корицей и картофельные чипсы), в дальнем конце появилась женщина в коляске с электромотором. Типичная для Флориды «перелётная птаха» лет восьмидесяти, с идеально уложенными волосами, загорелая до черноты. Она посмотрела на меня, отвернулась, посмотрела снова. «Я вас знаю, – сказала она. – Вы Стивен Кинг. Пишете ужастики. Всё правильно, некоторым они нравятся, но не мне. Я люблю истории, поднимающие дух, вроде «Побега из Шоушенка». «Эту историю тоже написал я», – ответил я. «Нет, не вы», – возразила она и продолжила свой путь.

Дело вот в чём: вы пишете ужастики и чем-то напоминаете девушку, живущую в трейлере на окраине города; вас знают. Меня это устраивает, потому что есть чем платить по счетам и я по-прежнему получаю удовольствие от работы. Как говорится, можете называть меня кем угодно. Я не особо интересуюсь такими понятиями, как жанр. Да, я люблю ужастики. Но я также люблю детективы, триллеры, морские приключения, реалистичные романы, поэзию... И это лишь малая часть списка. Ещё я люблю читать и писать истории, которые кажутся мне забавными, и это никого не должно удивлять, потому что юмор и ужас – сиамские близнецы.

С СТРАХ

Когда мне было девятнадцать и я учился в Университете Мэна, я периодически ездил из Ороно в маленький городок Дарем, который обычно описываю в своих книгах под названием Харлоу. Эти поездки я совершал по выходным, примерно раз в три недели, чтобы повидаться со своей девушкой... и заодно

с мамой. У меня был подержанный «форд»-универсал 1961 года: «шесть в ряд вмиг домчат» и «три ступеньки под баранкой» (если не знаете, что это значит, спросите у папы). Машина досталась мне по наследству от брата Дэвида.

В те годы на шоссе I-95 не было такого плотного движения, как сейчас, а после Дня труда, когда отдыхающие возвращались к рабочим будням, машин на некоторых участках не наблюдалось вообще. Сотовых телефонов тогда тоже ещё не было. В случае поломки где-то на трассе выбирать приходилось из двух вариантов: чинить тачку самостоятельно или дожидаться, пока какой-нибудь добрый самаритянин не отбуксирует тебя до ближайшей автомастерской.

Во время этих поездок у меня развился панический страх перед восемьдесят пятой милей, обозначенной указателем «Миля 85», стоявшим посреди чистого поля где-то между Гардинером и Льюистонном. Почему-то во мне поселилась уверенность, что если моя колымага откинёт колёса, то это случится именно здесь. Я прямо видел, как мой здешний «фордик» стоит на обочине, брошенный и одинокий. При тормозит ли кто-нибудь, чтобы убедиться, что с водителем всё в порядке? Что он не корчится на сиденье, умирая от сердечного приступа? Разумеется, кто-нибудь остановится. Добрые самаритяне есть повсюду, и особенно в захолустье. Люди из захолустья всегда помогают своим. А если нет? К чему я клоню? Я уважаю страх. Он организует людей. Скажем, если бы можно было выбирать, никогда не полетел бы на самолёте, весь экипаж которого не боится летать. ☉

Эти и другие истории из жизни Стивена Кинга читайте в его новой книге «Лавка дурных снов» (издательство АСТ).

ИМЕЮТСЯ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. НЕОБХОДИМА КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА.

BALI & THAI-SPA "7 КРАСОК" -

обладатель титула Гиннесс Мировые Рекорды

107 балийских и тайских SPA-программ · Восточный хаммам
Романтические встречи · SPA-курсы · Коррекция фигуры

Гранд-Мастер Сативати

«Меня зовут Сативати. Я из семьи потомственных балийских Мастеров, работаю в компании «7 КРАСОК» уже 10 лет. Мы помогаем нашим Гостям обрести гармоничное тело, снять стресс, нормализовать сон, создать новую фигуру и получить приятные эмоции».

Сативати, Гранд-Мастер «7 КРАСОК».

SPA-курсы для коррекции фигуры и женского здоровья

КУРС «МОЯ НОВАЯ ФИГУРА»

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

777777

THAI-SPA "7 КРАСОК"

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

КУРС "ORIENTAL PRINCESS"

777777

КУРС «АНТИСТРЕССОВЫЙ»

ПОДАРОЧНАЯ КАРТА

777777

(495) 925-51-77 (24) (812) 333-50-77 www.7KRASOK.ru или СПА.рф

Москва | Санкт-Петербург | Химки | Королев | Красногорск | Мытищи

реклама

Остановить рак

Убийца номер один в мире – сердечно-сосудистые. Гораздо менее грозно в смысле статистики выглядит онкология. Но ужасает неизмеримо больше! Доктор Виктор Борисов, известный в узких кругах тем, что именно он лет десять назад починил спину Путину, попытался включить раку красный свет

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

⊙ **Как же вы дошли до жизни такой, что решились вступить в схватку с раком?**

– Просто вдруг стали умирать мои друзья-ровесники. Я ведь уже старый пень, двадцать лет как на пенсии. Мне скоро семьдесят.

⊙ **Рано вы как-то на пенсию вышли, получаете, пятидесяти вам не было...**

– Я же «лучевик». «Узистов» и «лучевиков» отпускают на пенсию пораньше – за вредность.

⊙ **Но при этом вы ведь не онколог...**

– Был бы онкологом, не взялся бы за рак. Я рентгенолог, реабилитолог, мануальный терапевт... У меня штук пятнадцать медицинских специальностей. А иглотерапию я даже преподавал. Так вот, когда я посмотрел, как мучаются мои друзья после химиотерапии, лучевой терапии, оперативного лечения, – а ведь после того, как от организма отрезали кусок, ему ещё и выжить надо! – я стал искать методы восстановления. Скромная была задача – найти методы восстановления после калечащего лечения. И вдруг я с удивлением обнаружил, что их нет! Причём не только в России, но и, скажем, в Германии с её высоким уровнем медицины. Я отработал в Германии довольно долго, могу судить. Исторически уровень хирургии в Германии и у нас после Второй мировой войны был высочайшим, по понятным причинам. Он и сейчас высок. Причём у нас он был даже выше, советская медицина лидировала по количеству солдат, поставленных в строй. То есть резать мы умеем лучше. Но немцы безусловно обходят нас по оборудованию – капельницы, дозаторы... А вот американцы – мировые лидеры в области химиотерапии. Где бы вы ни лечились – в Израиле, в Германии, в России, – вас будут лечить по американским схемам.

Но разве сегодняшнее лечение рака – это лечение? Как мучаются эти больные! После лучевой терапии они получают тяжелейшие фиброзы. После химиотерапии люди лысеют, у них выпадают зубы, непрерывная рвота, понос. А слабость какая – люди не могут порой доползти до туалета. При этом методов купирования подобных осложнений – раз, два и обчёлся.

В общем, я начал с реабилитации. Так и возник «метод Борисова», оказавшийся весьма успешным как в излечении, так и в собственно реабилитации. Действительно, после того, как больные проходят мой курс, они блестяще переносят обычную химиотерапию. Поэтому мне не очень понятно, за что химиотерапевты меня не любят. Первый вопрос, который мне задают зарубежные коллеги, когда я приезжаю на разные профессиональные тусовки: «Ты ещё жив?» У меня же позиция примирительная: «Ребята! Я вам не противник. Я просто помогаю людям выжить после ваших процедур!» Мне, собственно, поэтому и разрешают работать, что я не объявляю открыто о лечении

рака. Я скромно и декларирую только реабилитацию после официальных процедур, иначе бы сожрали давно. Причём за рубежом мне легче работать, чем здесь. В России даже те светила от онкологии, которые меня лично знают и про мой метод в курсе, предпочитают на людях заявлять: «Не знаю я никакого Борисова». Меня как бы и нет!

⊙ **Вот это очень любопытно – что вы и подобные вам не светятся. Знаете, мою двоюродную сестру от рака яичников вылечила похожая на вас «врач-расстрига» – бывший гинеколог, которая нашла свой метод и теперь работает полуподпольно, боясь хоть чуть-чуть высунуться. Больные находят её сами.**

– Смотрели кино «Кобра»? Продюсер этого фильма Менахем Голан предложил мне организовать три клиники – в России (по моему настоянию), в Лондоне и в Америке. Так вот про Америку я ему сразу сказал, что это бессмысленно: замучаешься судиться. В США есть мощная Онкологическая ассоциация, которая со стороны никого не пропускает. У меня есть там один знакомый врач, у которого оригинальная методика с хорошими результатами – ребята из кусочка опухоли пациента делают вакцину, вводят её больному и его иммунитет научается видеть раковые клетки, после чего начинает активно разбирать опухоль и метастазы. Так вот, он выиграл уже девять судов у Онкологической ассоциации. Но они упорно продолжают подавать на него в суд.

⊙ **За что?**

– Не «за что», а «почему». Разорить хотят на процессах. Знаете, что такое фармфамия? Мне, наверное, не стоит об этом болтать в интервью, поэтому я просто приведу официальную цифру, а выводы вы сами сделаете. Годовой оборот американских фармакологических концернов, производящих препараты для лечения рака, составляет 1 триллион 400 миллиардов долларов в год. У нас бюджет всей страны на порядок ниже! Понятно, что мои дешёвые средства, которые убирают рак без всякой химиотерапии, в условиях большого бизнеса никому не нужны и даже опасны. Там ведь десятки тысяч людей работают в этих фармкомпаниях, акционерами вложены миллиарды долларов. И они все объединены организационно, а больные – каждый за себя.

Вот открыли единственный препарат, который проникает через гематоэнцефалический барьер и, по задумке, спасает людей от глиобластомы головного мозга. Этот препарат я могу купить в Интернете по 3 доллара за килограмм. Немного очищенный и расфасованный в виде лекарства от рака под названием «Темодал» – 5 таблеток по 100 мг, – он стоит уже от 600 до 800 долларов. То есть полграмма яда за 800 долларов при исходной цене сырья в 3 доллара за килограмм! Подсчитайте

доходность сами. Наркотики нервно курят в сторонке. Ну, и кому тут нужен Борисов с его копеечным лечением?

Кстати, клюют новаторов не только в Америке. У нас тоже, только в России методика другая. Приходит проверка: а у вас постановление об обработке таким-то дезраствором есть? Я отвечаю: «У нас стандартная обработка». – «Не-не-не! Две недели назад вышло новое постановление!» – «А откуда я могу про это знать, если его ещё не разослали?» – «Это неважно. С вас штраф – 100 тысяч рублей». Задушить меня – проще пареной репы. Я в Германии подрабатываю, и, если бы не это, клиники в России просто бы не было, слишком уж тут недружелюбный климат для бизнеса вообще и моего в частности.

☉ **Официально вы лишь помогаете восстанавливать людей после калечащих процедур онкологов? Но в чём заключается ваша методика?**

– В организм больного вводится хлорофилл. Больше всего и быстрее всего им нажираются раковые клетки, потому что в раковых клетках скорость обменных процессов превышает скорость обмена в обычных клетках на порядок. А потом человека, клетки которого насыщены хлорофиллом, начинают освещать пучком света – лазером определённой частоты. Хлорофилл, как ему и положено, под действием света активно выделяет кислород, а тот просто душит раковые клетки. И начинают происходить чудеса, которые поначалу меня самого удивляли. У меня вдруг стали выздоравливать больные с тяжелейшими формами рака – мозга, поджелудочной, простаты... Посмотрели иммунограммы, и всё стало на свои места. Оказалось, наше лечение не только подавляет развитие раковых клеток, но и восстанавливает иммунитет. Который уже сам начинает разбираться с опухолью и метастазами.

Вот перед вами иммунограмма больного раком. Это женщина. Видите, тут десятки позиций, характеризующих иммунитет. И в некоторых строчках напротив значений параметра нарисованы стрелочки вниз: значит, по данным позициям иммунитет ниже нормы. А кое-где видны даже двойные стрелки вниз – это иммунитет провален почти до нуля! Именно с таким просаженым иммунитетом пришла к нам больная с диагнозом: рак. А посмотрите вторую её иммунограмму. Практически по всем позициям двойные стрелки вниз. Иммунитета вообще нет!.. Как вы думаете, что произошло? Прошла курс химиотерапии!

Химиотерапия действительно убивает человека. Вы же видите, что случилось с её иммунитетом после курса. А ведь именно с просадки иммунитета начинается рак! Раковые клетки в нашем организме возникают каждую секунду. И иммунная система их каждую секунду отлавливает и убивает. Если же иммунитет слабеет по разным

причинам, до рака – один шаг, что мы и видели на первой иммунограмме, где просадка – по десятку позиций. Результат – опухоль.

А вот третья иммунограмма этой больной – после нашей процедуры. Ни одной стрелки вниз! Все позиции иммунитета в пределах нормы. И, соответственно, никакого рака! Восстановленный иммунитет сам нашёл опухоль и разобрал. Мы всего лишь восстанавливаем иммунитет. Всё остальное сделал организм... Кстати, так можно лечить не только рак, но и гепатит, например.

☉ **Читал, что иммуностимуляторы во время онкологии противопоказаны. Даже витамины.**

– Это, кстати, интересный момент. Для стимуляции иммунитета сейчас существуют разные средства – циклоферон и прочие всякие. И во всём мире иммуностимуляция во время онкологического процесса действительно запрещена, потому что она стимулирует рак. Но у меня-то происходит не иммуностимуляция! Мы не загоняем упавшую иммунную систему стимуляцией, как загнанную лошадь. У нас иммунная система не компенсирует одной своей частью, которую вы стимулируете, другие части – выпавшие. У нас иммунная система просто выравнивается по всем позициям. Я попробую объяснить на примере. Вот есть навороченный лакированный, напичканный электроникой «Мерседес», у которого сдох один элемент. И он никуда не едет, сколько ни газуй! Только движок перегреешь. А есть примитивный «Запорожец», у которого всё плохое, всё равномерно изношенное, но работающее. «Мерседес» в этом примере – иммуностимуляция. А «Запорожец» – иммунокоррекция, когда все параметры сбалансированы, организм трещит, но едет.

☉ **Вы накачиваете опухоль хлорофиллом и светите на неё лазером. А если опухоль внутри?**

– Вы когда-нибудь сильный фонарик к ладони прикладывали?

☉ **Просвечивает.**

– Фотонный поток всё равно пробивается, во-первых. А во-вторых, надо просто толкнуть процесс. Есть такое понятие – эффект эстафетной передачи. Внешний фотон возбудил одну клетку. А клетка имеет два состояния – гель и золь, об этом биофизики давно пишут, но никто ж не читает... В момент фазового перехода происходит выброс энергии в виде фотонов, это фотоны запускают цепную реакцию в соседних клетках. В результате вся опухоль начинает флюоресцировать – светиться. И мы сразу видим и опухоль, и метастазы. Можно сфотографировать это свечение, пробивающееся через кожу изнутри тела, чтобы и самому увидеть, и другим показать.

Вот вам кейс. Женщина. Это моя Жанна Фриске, как я её называю. У больной, как и у Фриске, неоперабельная глиобластома головного мозга, задней черепной ямки. Химиотерапия не пошла

из-за осложнений. Восемь месяцев я с ней возился. И вот на снимках видно: слева – был рак, а справа – нет. Ещё один клиент. Опухоль мозга. Огромная. Когда он ко мне попал, уже ничего не соображал, путал день и ночь, рвался купаться в ноябре... И вот динамика: через месяц – видите снимок? – нету опухоли, есть только остаточный отёк. Ещё через месяц – уже и отёка нет. А ещё через месяц я ему разрешил жениться. Вот другая история болезни. Женщина. 53 года. Рак правой молочной железы. На снимке опухоль сантиметра в три. Операции, лучевой терапии, химиотерапии у неё не было. Только Борисов. После первого курса терапии, а это девять дней лечения, опухоль скукожилась в 10 раз. Всего было три курса, каждый с перерывом в месяц. В конце – никакой опухоли, только фиброзно-кистозная мастопатия. Это было в 2007 году. А сейчас 2016-й. И никаких рецидивов! Следующий: мужчина, рак мозга – астроцитоме варолиева моста и мозжечка. Это не оперируется. Химиотерапию ему не проводили: при астроцитоме это бесполезно – выброшенные деньги. Мы ему два курса провели, сейчас он на третий приезжает – для поддержания организма. Вот, сами читайте данные последней томографии.

☉ **«Достоверных ПЭТ-признаков опухолевого генеза варолиева моста не получено».**

– Ага... Вот еще одна красавица. Женщина. Тринадцать лет назад мы убрали ей рак молочной железы всего за шесть дней лечения. Сейчас она пришла к нам снова – рецидив. Я ей говорю: что ж ты иммунитет не проверяла?.. Но каков факт! За шесть дней мы тогда убрали у неё рак и на тринадцать лет предохранили от рецидива! Это ж какая химиотерапия подобное может гарантировать?

...Хотите прикол? Я несколько лет назад читал лекции в Израиле. И недавно в Берлине раввин тамошней синагоги вручил мне израильскую газету, рассказывающую о достижениях Израиля. В статье рассказывается о новом успехе «израильских врачей», у которых в стадии клинических испытаний находится новый метод по излечению рака – с помощью выравнивания иммунной системы больного. Фамилия Борисова не упоминается. Пятым пунктом не вышел. Но я был счастлив!

Или вот у меня на столе книга подаренная – «Интегративная онкология». Написал её лидер мировой иммунологии Бен Пфайфер – американец немецкого происхождения. Я лечил его сестру... Но чтобы мне пробиться в Америку, нужна большая юридическая работа. В США то, что я делаю, называется фотодинамической терапией. А патент на фотодинамическую терапию принадлежит США. Но ведь это же всё равно, что взять и запатентовать хирургию! Хирургии вон сколько видов! Тем не менее светить на опухоль, предварительно вводя в тело растворы, действи-

тельно придумали американцы в 1942 году. Только они вводили препараты, содержащие алюминий, и опухоль у них светилась даже лучше, чем в моём методе, всё отлично было видно! Одна беда – больные при этом погибают, а так ничего, прекрасный метод. Поначалу, кстати, американцы вообще вводили не алюминий, а анилиновые красители... В общем, мне надо менять название метода, чтобы эту юридическую закавыку обойти.

А в Германии иное дело. Мои работы, опубликованные в Берлине, признаны там лучшими. Немцы к ним относятся очень внимательно. Они прекрасно понимают: традиционные методы лечения рака – путь в никуда. Вот у меня письмо немецкого профессора Графа. Он откровенно пишет: «Лучевая терапия много лет находится в безвыходном тупике. В этом свете иммунная коррекция по методу Борисова представляется верным путём помощи больным раком и их лечения, даже если речь идёт только о реабилитации».

Ко мне недавно приехал главный химиотерапевт Германии, он же председатель Берлинского научного общества, профессор Хеллингген. Два года просился: пригласите меня в ваш исследовательский институт! Он решил, что мои результаты – работа целого НИИ. А оказалось, что это пенсионер Борисов вместе с командой таких же стариков всё время придумывают что-то новое от скуки.

Я же не учёный, который всю жизнь может одну клетку изучать. Я пенсионер, которому не очень долго жить осталось. Поэтому мне мелочиться некогда. Мне нужно сразу решить проблему. И занимаюсь я ею не для науки и званий, нужно же чем-то занять себя на пенсии, а то помрёшь со скуки. Люди моего типа, отойдя от дел, быстро помирают. А мне помирать неинтересно. Мне интересно дело делать. Отсюда и результаты.

Мы ведь не только лазерами тут светим. Вот сейчас разработали группу принципиально новых препаратов, не имеющих аналогов в мире. Сейчас они проходят испытания. Один препарат уже в Европе сертифицировали. Скажем, при раке толстой кишки его нужно принимать по три пилюли в сутки. Рак останавливается в 72% случаев. Высочайший показатель! А в России сертифицировать не можем... Но сейчас сделали препарат ещё лучше, работали над ним три года. Проблема в том, чтобы доставить лекарство через желудочный тракт в нужное место, потому что оно разрушается кислотой в желудке и ферментной атакой в двенадцатиперстной кишке, а также в тонком кишечнике. Нам же надо, чтобы препарат был доставлен в целостности и сохранности аккуратно на границу тонкого и толстого кишечника и там начал всасываться. Вот на решение этой проблемы у нас и ушло три года.

Боюсь даже представить, сколько лет уйдёт в России на сертификацию... ☉

Невезучая Фима

Виктория Токарева

Однажды утром в моём доме раздался телефонный звонок:
– Можно попросить госпожу Токареву?

– Госпожа слушает.
– Здравствуйте. Вы меня не знаете. Я хотела бы с вами встретиться.

– Зачем?
– Ну, встретиться...

– А вы кто?

– Я? Массажистка Серафима Волкова.

– Я сейчас занята, – сказала я. – Позвоните летом.

Настало лето. Серафима позвонила и напомнила о себе.

– Позвоните зимой, – сказала я.

Она позвонила зимой. Я перенесла на весну. Она позвонила весной. Легче встретиться, чем отвязаться. Можно, конечно, сказать: перестаньте звонить. Но это грубо. У меня испортится настроение, и я целый день буду переживать и пережёвывать эту ситуацию. Я встречалась с унижением и знаю, что это такое. Лучше этого не знать.

Я тяжело вздохнула и сказала:

– Ну приходите...

В конце концов, я потеряю два-три часа. Ничего не случится, и от меня не убудет. Каждый человек чем-то интересен. Каждый человек – материал.

Серафима пришла. Я смотрела, как она идёт от калитки к моему дому. Высокая, стройная, с идеальной фигурой. Сиськи наружу. Тело играет и поёт – буквально симфония. Она подошла ближе – некрасивая, с идеальной кожей. Нос грушей, выражение лица нахальное. Ни единой морщинки, как на рекламе. Но возраст всё равно проступает: сорок пять. Молодость. Однако уходящая.

«Судьба не любит, когда от неё что-то требуют»

Я предложила Фиме кофе. Мы сидели на террасе и беседовали о том о сём. Практически ни о чём. Далее Фима предложила сделать мне массаж. Не дожидаясь моего согласия, разложила на столе баночки, скляночки, встала так, как ей удобно, посадила меня как положено и принялась за массаж. Я поняла: массаж – это аванс. Она что-то от меня хочет.

Фима не любила молчать. Стала рассказывать мне историю своей любви. И я догадалась: Фима мечтает иметь повесть о своей любви. Пусть будет книга – летопись её жизни. Обидно, если её история канет бесследно. А книга – это как бы скрижали на камне, как заповеди, данные Моисею. Ничего не оставалось, как слушать.

Сюжет таков: Фима влюбилась в Мишу. Фиме было

двадцать пять, Мише – сорок. Она влюбилась в него с первого взгляда. И Миша влюбился с первого взгляда. Они стояли друг против друга с вытаращенными глазами, и любовь творила в них свою божественную химию. Неприятно было то, что рядом с Фимой в этот момент стоял её муж Веня. Кстати, Веня их и познакомил на свою голову.

Миша – небольшой начальник, и Фиме от него было что-то надо. Наверное, хорошее рабочее место. У Фимы такой характер, что ей постоянно что-то от кого-то надо, поскольку трудно пробиваться в жизни одной, без поддержки. Муж Веня – ничемушник. Ему всё неудобно. Он берёт только то, что ему даёт государство. А у государства можно только своровать. Само оно ничего не даёт. И государству никогда не стыдно. Спрашивается, чего ждать? Надо идти рогом вперёд и не стесняться. Массажист полностью зависит от клиента. А клиенты разные. В профсоюзном санатории клиент нищий пенсионер, а в салоне красоты у клиента денег как у дурака махорки.

Фима пришла к Мише за тёплым местом, и она его получила вместе с любовью. Любовь образовалась всепожирающая, страстная. Костёр до неба. На этом огне сгорел бедный Веня, и ребёнок, общий с Веней, остался без отца. Но это – деталь. Главное – ответное чувство.

После любви Фима засыпала на Мишином плече. Раньше она не представляла себе, что значит спать на мужском плече. Жёстко, неудобно, из подмышки воняет конём, изо рта – запах от пищевода, что за радость?

А с Мишей... плечо бархатное, от тела пахнет сухим сеном, дыхание лёгкое, как у ребёнка, как утро в розовом саду. А всё дело в чувстве. Любимые пахнут легко и благоуханно. А нелюбимые – воняют. Вот и весь секрет.

Рядом с Мишей Фима поняла, что такое отдаваться. Раньше было непонятно: как это – отдавать себя? А теперь понятно: на! бери! всю! Вместе с жизнью. Ничего не жалко. И не смотрела вперёд. Никогда не разговаривали о том, что будет дальше. Фима выгнала мужа, пошла на жертву, и немалую. Раньше её статус – замужняя женщина, а сейчас – любовница женатого человека. Никакого уважения в обществе, более того – презрение. Всем ведь не расскажешь про чувство, про то, какое счастье быть в объятиях любимого и какая нежность распускается потом и окутывает, как облако.

Миша был женат, имел сына Костю. Он звал его «котик». Миша обожал своего Котика, и было за что. Мальчик – нечеловечески красив, судя по фотографиям, нервный, непростой. Ненавидел учёбу, и получалось: если Миша уйдёт из семьи, Котик сломается и перестанет ходить в школу, сойдёт с резьбы. Жена с ним не справится, поскольку не имеет авторитета. Из этого следует, что Миша не может уйти из семьи до тех пор, пока Котик не кончит школу и не поступит в институт.

Миша часто оставался у неё ночевать. Жена, без авторитета, но с громким голосом, закатывала скандалы, даже истерики с битьём посуды. Пришлось три раза покупать новую. Иногда она тихо плакала, это было душераздирающее зрелище. Истерика – всё-таки спектакль. Действие. А тихие слёзы – это горе и безнадёжность. Котику было жалко маму. Он говорил: «Мамочка, не плачь. Я вырасту и женюсь на тебе».

Котик вырос. Кончил школу. Поступил в институт. И забо-

лел. Врач объяснил Мише, что эпилепсия – заболевание не психическое, а неврологическое. У эпилептиков во время приступов происходит озарение. Они видят, как устроена Вселенная. Им открывается Божий замысел. Но когда приступ заканчивается, они ничего не помнят. Природа скрывает свою главную тайну.

– Если не помнят, какой смысл в эпилепсии? – спросил Миша.

– От армии освободят, – сказал врач.

– Только и всего?

– Не только. Нельзя работать учителем, врачом и артистом.

А Котик как раз хотел быть артистом, у него находили способности. Готовый герой-любownik с реальной перспективой. Красота – редкость. Красивых – мало. Талантливых – сколько угодно, а вот красивых и талантливых одновременно – днём с огнём не найдёшь.

Миша вернулся домой, его лицо было чёрным. Хоть бери да вешайся. Жена сухо сказала:

– Вот результат твоей двойной грязной жизни. Скажи спасибо своей массажистке.

Миша внутренне согласился с упрёком. Его накрыл комплекс вины. Котику нужен был отец, мужское влияние, контроль, а он, Миша, в это время намеревался уйти из семьи и воспитывать чужого сына. Миша переменялся. Фима его не узнавала. Как будто льдина, на которой они стояли, раскололась на две части и разъехалась. Расстояние росло. Не перескочить.

Миша, конечно же, был не виноват в болезни сына. Сколько мужчин живут двойной жизнью, практически девяносто процентов населения, но дети не заболывают. Здесь дело в чём-то другом, Котику мог достаться испорченный ген. Но Миша не хотел слушать. Он был зол на судьбу. Миша себя любил. Он был везунок, избалованный женским вниманием, его страстно любили: мать, жена,

любовница, он купался в любви, и вдруг судьба дала ему пинок под зад – цинично и больно, и у прохожих на виду. Миша стал мрачный и мстительный. Ему тоже хотелось дать пинок под зад всем подряд, включая Фиму.

Фима увидела нового Мишу и поняла: его не вернуть. У Фимы была своя врождённая гордость, она не хотела тратить время на человека, которому она неинтересна. И Фима – тихо, бочком, бочком в сторону от Миши. Если бы она могла что-то изменить – изменила бы, но она ничего не могла, только рыдать, осыпать упрёками и проклинать свою участь – вот уж бессмысленное занятие.

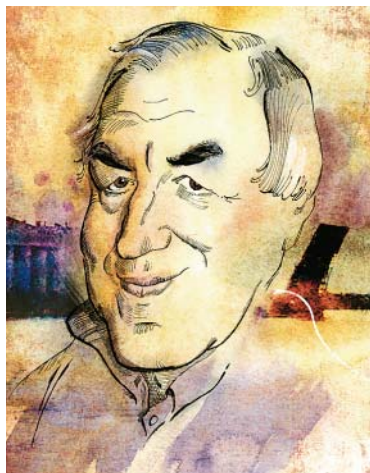
Любовь ушла из Миши. Так бывает. Никто не виноват. А новый Миша ей неподвластен. Настоящее – неинтересно, будущее – отсутствует, его просто нет. Чего, спрашивается, ловить? Жалко упущенное время? Да нет, не жалко. Было хорошо. Было неповторимо. Единственное, что плохо, – осложнение от прошлой любви. Полная душевная немота. Всё выгорело. Никто не нравится. А время бежит. Уже сорок пять. Последний вагон. Вокруг – никого достойного. Все норовят проехать за её счёт, потрахаться на халяву. А где настоящие мужчины – надёжные, умные и скромные? Где они?

Мне стало ясно, зачем приехала Фима. Она решила: если я творческая единица, вокруг меня должны быть интересные люди, можно выловить крупную рыбу, писателя, например, или из шоу-бизнеса. Или просто непьющего мужичка, который будет её содержать, заботиться. О! Мечта одиноких женщин. Хочется забыть от тоски.

Я искренне хотела ей помочь. Но как? Ситуация как в западных магазинах: всё есть, а того, что тебе надо, – нет. Так и женская судьба. Мужчин полно. А того, кто тебе нужен, – нет! Где он? ☹

Посевная

Валерий Попов

«Слаще пота ничего нет»

Сейчас это слово как-то изъятно из обихода, а зря. Мне повезло – я с детства знаю, как выращивают хлеб. В пятидесят первом году отца моего назначили директором селекционной станции в Суйде, под Гатчиной. Мама настояла на том, чтобы дети остались с ней в городе, и родители поссорились. Но в четырнадцать лет я вдруг почувствовал себя самостоятельным и весной, когда чуть потеплело, поехал к отцу. Помню, что я приехал рано, но работа уже шла. Я нашёл отца в сушилке. По пути я замёрз, но тут сразу согрелся – вентилятор гнал в сарай горячий воздух. Отец, увидев меня, подмигнул, но не подошёл. Он быстро раскладывал в нужном порядке снопики с бирками. Он был селекционер, выводил сорта ржи, и каждый снопик обладал своими свойствами, и зерно с него должно быть посеяно на строго определённом участке – и таких снопиков были сотни. Зёрна с них стряхивали в пергаментные пакеты с номерами. Потом мы выехали на грузовике и на краю поля остановились. Помню длинные распаханые борозды с комьями чёрной земли. Ощутимо пригревало солнце, и откуда-то с высоты катились звонкие трели. Отец нашёл и показал мне жаворонка, который так часто трепетал крыльшками, что был как бы размыт в сиянии неба и едва различим. От земли поднимался пар и шли волнующие ароматы, которых я вроде бы не вдыхал прежде, но я их радостно узнавал – на генетическом уровне: все предки мои пахали, мой отец впервые пошёл за плугом в две-

надцать лет и говорил, что большего физического наслаждения он не знал. Теперь счастье это коснулось меня, но уже вскользь, не так, как моих предков.

Зачем мы ушли от земли? Впрочем, все мы знаем зачем – городская жизнь легче, меньше ответственности: хлеб, самое существенное в жизни, выращивают без нас. А мы – что делаем тут? Жалуемся на скуку. А я вспоминаю тот день. Когда скучать-то? Заскучаешь – голодным будешь весь год. Отец с лаборантом заряжали сеялку – засыпали зерно в длинный ряд ящичков с большими железными колёсами по краям. Потом колёсный трактор потащил сеялку вдоль борозд, каждый ящик сыпал зерно в свою борозду. Отец с лаборантом, стоя на длинной железной приступке сзади сеялки, уезжали всё дальше. Я смотрел. Потом вдруг меня разморило, и я заснул...

Была весна пятьдесят третьего года. Сталин умер в марте. Начинаясь новая жизнь?.. Я проснулся у отца, в маленькой комнатке, – из большой доносились встревоженные голоса родителей. Мама приехала? Раньше она не приезжала сюда. Что-то случилось – я это понял по их голосам. «Ну хочешь – я пойду сейчас и всё объясню ему? – говорила мама. – Я знаю его – он у деда в аспирантуре учился. Потом в органы ушёл». «Не надо! Пусть проверяет!» – зло отвечал отец. Через много лет папа рассказал мне: кто-то позвонил «туда», что не всё зерно посеяно, немного осталось. А это – вредительство! Приехал проверяющий – и утром должна быть проверка. Потом отец объяснил мне, что ящички сеялки открываются от определённого поворота колеса и горстка семян высыпается в борозду, ещё поворот колеса – и следующая порция. После дождя бывает скользко, и колесо немного проскальзывает, не поворачиваясь, и ящик открывается чуть реже. Все это знают и щель устанавливают пошире. Но вот кто-то бдительность проявил – и сейчас всё решается. Помню, я всё же уснул и, когда проснулся, родителей не было. Они ушли рано – но проверяющего уже не застали. Он ещё раньше прошёл по бороздам, раскидывая местами землю и подсчитывая зёрна. Потом сухо сказал: «Всё в норме!» – и уехал. Отец был спасён – и я ездил к нему на станцию, и лет в пятнадцать уже помогал на посевной, и знаю точно – слаще пота ничего нет. И он особенно сладок, если ты в поле весной. ☉

Volkswagen Jetta Allstar.

Заведи свою звезду

Узнай свое преимущество в Атлант-М!

ГАРАНТИЯ
3²+12³

Реклама

Лобовое стекло с электрообогревом

Светодиодные задние фонари

Обновленный дизайн интерьера

Биксеноновые фары со светодиодными огнями

Аудионавигационная система Discovermedia⁴ с функцией App Connect⁵ и камерой заднего вида

Специальная версия Volkswagen Jetta Allstar⁶.

Новый стильный дизайн, смелый цвет Ruby Red⁷ и расширенный пакет опций.

Теперь в вашем полном распоряжении — собственная и такая яркая звезда!

¹Volkswagen* — Официальный спонсор Сборной России по футболу
*ООО «Фольксваген Груп Рус»

²Гарантия 3 года или 100 000 км. ³Гарантия 12 лет против сквозной коррозии кузова. Гарантии 3 года и 12 лет не суммируются. ⁴Дискавермедиа. ⁵Апп Коннект. ⁶Оллстар. ⁷Руби Ред. Реклама

Volkswagen

Официальный дилер Volkswagen **Автоцентр Атлант-М**

129128, Москва, ул. Бажова, 17. Тел.: 8 (495) 777-6-505, www.atlant-m.ru

Мы стараемся

Татьяна Устинова

Я стараюсь хорошо писать – умно, зажигательно! Стараюсь делать это вовремя. Стараюсь никого не подводить, везде успевать. Я стараюсь быть хорошей женой, умной матерью, внимательным собеседником.

Муж мой старается на своей работе – домой приезжает поздно, взять отгул не может никогда. Если у него конференция или нужно статью сдавать, мы все охвачены серьёзностью момента. Стараемся не приставать, не мешать ему думать. Он старается за выходные переделать всё, что не получается переделать за неделю, – приладить отвалившийся плинтус, поменять прокладки в кране, съездить к родителем на участке, слазить в колодец и наладить насос.

Мишка, наш старший сын, «молодой специалист», тоже старается! Он пока ещё не очень хорошо умеет работать, но старается не подводить начальство, не лениться, не опаздывать, не задавать идиотских вопросов. Например, какого лешего нужно такое количество согласований и подписей для самого простого дела? Это бюрократическая система, сыночек, привыкай. Он старается...

Тимофей ничего не старается. Если бы мы не лезли к нему ежеминутно, не расталкивали по утрам, не зудели, как прилипчивые оводы, что нужно сделать уроки, он бы не делал ничего. Он бы смотрел на спортивном канале футбол или волейбол – ему не важно, лишь бы зрелище его не беспокоило, – и читал бы книжки. Сейчас в связи с тем, что мы к нему лезем с уроками и прочими обязанностями, он читает их в ванной. Тимофей

«Мы очень стараемся – каждый на своём месте»

идёт в ванную, запирает за собой дверь – а как же, ванная же очень интимное место, – ложится непосредственно в сосуд и читает. Да, воду он не наливает! Он лежит в джинсах и футболке в пустой ванне за закрытой дверью и читает. Может так час лежать, два. До вечера может. Но до вечера не получается, мы начинаем ломиться, кричать, и ему приходится делать вид, что мыслся, и вылезать на свет божий. Ничего не помогает. Ни-че-го.

Бабушка в твоём возрасте пасла козу. Дедушка в это время уже кормил всю семью – рыбачил и подрабатывал на железнодорожной станции. Папа в твоём возрасте выиграл две всесоюзные олимпиады – по математике и по физике. Мама в твоём возрасте... Миша тоже...

Он слушает без всякого выражения на лице, или же лицо его

выражает страдание – не от сознания собственного несовершенства, а от того, что мы отнимаем у него время. Он мог бы вместо того, чтобы слушать наши глупости, лежать в пустой ванне и читать. Или смотреть в окно и думать. Сынок, о чём ты думаешь?.. Сынок! Сыно-о-ок!..

Тимофей всегда на посту только в тех случаях, когда нужна его настоящая помощь. Не выдуманное нами в воспитательных целях занятие, а когда на самом деле без него не обойтись.

Он ведёт на улицу собак, каждый день, без всяких дополнительных напоминаний. Он знает, что собаки без него не обойдутся, сами не выйдут. Он бежит в бакалейную лавку, если утром выясняется, что кофе есть, а сливки все вышли. Он едет со мной на работу, если я прибалываю, и у меня нет сил, и мне нужно, чтобы кто-нибудь со мной поехал и по дороге вслух читал мне сценарии. Он едет и читает, от нашего загорода до самой улицы «Правды», не замолкая ни на минуту. Потом он ждёт меня, бывает, часов по десять, съёмки – история долгая. Он сидит в тесной гримёрке и ждёт, терпеливый, как слон.

Он всегда рядом и готов действовать, но только если в действиях есть ясный смысл.

...Вот я и думаю: может, ничего?.. Может, дело не в том, что он патологически ленив – хотя он ленив патологически! – а в том, что он тоже старается, но не так, как мы?.. Может, дело в том, что он хороший человек, а с учёбой мы как-нибудь да разберёмся и катастрофы нет? В общем, иду гнать его из ванной, вот что. Интересно, что он там читает?..

fashiontv

МОСКВА,
ПОДКОПАЕВСКИЙ ПЕР. Д. 5
ТЕЛ: +7(495) 721 - 11 - 42
MAIL: INFO@FTVCHANNEL.RU
WEB: FTVCHANNEL.RU

**РУССКИЙ
КУТЮР**
ежедневно
В 21:00
С
Натальей
Бычковой

16+
РЕКЛАМА

Петушок или курочка?

Вера Павлова

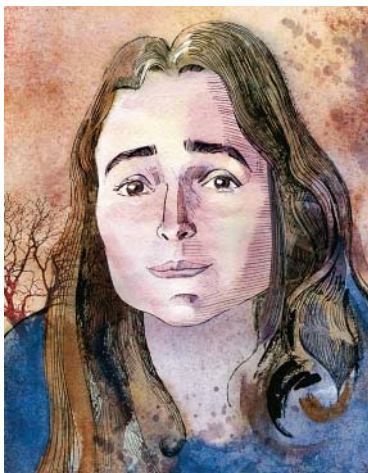
А вот и лето! Гладишь траву по голове. Берёшь травинку с пушистым хохолком, зажимаешь стебелёк большим и указательным пальцами, быстрым движением обрываешь хохолок – «петушок или курочка?». А сама загадываешь желание. Если между пальцами осталась высокая кисточка – петушок, если широкая – курочка. Угадала – желание сбудется. Это гадание вызывало в девичестве щекотное волнение. Теперь-то я знаю, что значат в американском сленге слова chick и cock! И как трава называется – знаю: мятлик.

Как мы проведём лето в деревне
(План)

*читать вслух
целоваться устно
считать лопух
мужем капусты
лежать под сенью лопуха
вопросом задаваться
имеются ли у петуха
яйца*

Вопрос остаётся без ответа. Зато курочкины яйца – вот они. Добрая бабулька подарила нам, собирателям фольклора. Свежеснесённые. С прилипшими к ним пёрышками. Прозрачные. Светящиеся изнутри. Как лицо влюблённой женщины.

Самое странное происшествие в моей жизни? Вот: сижу дома, слышу за входной дверью странные звуки, открываю дверь. На пороге – курица. Топчется, вытирает лапки о коврик. Смотрим друг на друга несколько секунд. Я отступаю. Она невозмутимо входит в квартиру. Идёт в гостиную. Оклёвывает крошки с ковра до тех пор, пока он не становится абсолютно чистым. Возвращается к двери. Ждёт, пока я ей открою.

**«К необычным
курам декоративных
пород относятся
павловские куры.
Больше похожи
на фазанов,
чем на кур»**

Открываю. Уходит. Закрываю дверь. Долго не могу сдвинуться с места. Что это было? Откуда она пришла? Куда ушла? Это же Москва! Правда, Измайлово. Здесь нет-нет да и услышишь с какого-нибудь балкона петушиный крик.

А уж на даче только его и слышишь! Разве мы замечали бы деревенскую тишину, если бы она не была вставлена в рамочку петушиного крика?

*Здесь нет ничего теле-:
мы дальше, чем далеко,
на даче, на детских качелях.
О лето, тело и Ко,
о Ко облаков и бликов
и курочек ряб, мастериц*

*вечерних насестов, залитых
желтком золотых яиц!*

Курица не птица, женщина не композитор, поэт, дирижёр, нужно подчеркнуть? Самая что ни на есть птица! Это я ораторствую с трибуны поэтического фестиваля. Раздаётся чей-то истошный крик: «Вот она, настоящая женщина!» И зал кудахчет, готовый идти на штурм птицефабрики. В зале – с полсотни поэтесс.

*Все половые признаки
вторичны,
все жгутики твои, мои
реснички.*

*Пути окольные, речи околичны
тычинки-пестика,
бочки-затычки.*

*Яйцо вторично, курица
тем паче.*

*Хочешь – кудахтай, хочешь –
кукарекай.*

*Хочу. Кудахчу. Не хочу, но плачу,
придаток, полуфабрикат,
калека.*

– А знаешь, как делается цирковой номер «Танцующий петух»? – спрашивает меня муж. – Петуха ставят на раскалённую плиту. Он начинает быстро переступать с ноги на ногу. А дрессировщик подбирает музыку с соответствующим темпом и ритмом. Это проделывается много раз. До тех пор, пока петух не научится поднимать ноги, как только услышит музыку.

Петух, как я тебя понимаю!

*Словарь слова
варит вкрутую.*

*Бульвар слова
взбивает в болтунью.*

*Поэт слова
в курятниках тёмных
высжиива...*

Цып-цып, лебедёнок! ☉

2

ГЛАВА

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

*В которой певица
Диана Арбенина, собрав волю в кулак,
расстается с тёмным прошлым **с.30***

.....
*а теннисистка Мария Шарапова,
наоборот, заключает сделку
с дьяволом **с.44***

Перезагрузка

Весна, лето, осень... Осень в пересчёте на человеческую жизнь – это сорок – сорок пять лет. Глаза ещё горят, кровь кипит. Позади – период страстей, впереди – мудрость, если повезёт, но и усталость. Как сделать так, чтобы пройти каждый возраст и не пожалеть об упущенных возможностях? Музыкант Диана Арбенина знает как

СВЕТЛАНА ИВАНОВА

– ...**Я вдруг** ясно почувствовала, что у меня начался какой-то новый жизненный этап. Вообще, что такое, когда тебе сорок лет, даже сорок плюс?..

○ **Особый возраст? Потому что рубеж?**

– Определённо. Мне совершенно не запахло, что мне сорок. Даже кайфово! Я классно соображаю. Я всем существом своим понимаю, что это один из пиков моей жизни. Но что касается физиологических дел, то это уже не тридцать – и вот тут начинаются все «не нравится...». Не нравится, что иногда я так устаю, что не могу восстановиться. Раньше такого не было.

○ **Что значит – не можете восстановиться?**

– Не могу собрать себя. Ну, например, если раньше я работала-работала-работала, потом остановилась, выпила сок, либо кофе, либо просто помолчала, и – оп-па! – уже больше сил, и я дальше продолжаю работать. Теперь я не могу восстановиться на сто процентов, как новая батарейка.

Я восстанавливаюсь процентов на семьдесят пять. И я понимаю, что это именно возраст... Не нравится, что меня может посетить такое отчаяние, которое меня не посещало раньше. Ну, скажем, на какие-то минуты, когда я понимаю, что всё, – и у меня опустились руки. Раньше вообще не опускались. Раньше только начинают опускаться, я – оп-па! – и всё, как новенькая. А сейчас нет.

○ **Про женщин, которые не скрывают свой возраст, говорят, что их надо побаиваться. Могут сказать всё, что думают, в лицо.**

– Да, теперь меня точно надо побаиваться. (Смеется.) К тому же после того, когда я родила детей, я поняла, что вообще ничего не боюсь. Когда неприятности, обычно же как думаешь: надо из-за детей промолчать, а вдруг это им напортит? А у меня всё наоборот. Я вдруг ощутила себя в такой ситуации: я как раз не буду молчать именно потому, что у меня дети. Но это ничего общего

не имеет с наглостью, с хамством и со скандалом. Я вообще по природе своей не способна чему-то активно противиться. Ну, например, вы приходите в кафе и вам не понравился суп. Вы же не будете устраивать скандал. Вы за него заплатите и уйдёте. А я его ещё и съем. Разница не в мою пользу. Но тут есть один нюанс. Я могу съесть суп, который мне не нравится, но, если мне не нравится то, что происходит вокруг, я говорю вслух – не нравится.

☉ **Хотите показать детям, что значит быть свободным человеком?**

– Это интуиция.

☉ **Почему же большинство осторожничают из-за детей?**

– Большинство осторожничают, потому что осторожничают. А прикрыться можно всем, чем угодно, – детьми, своим здоровьем, карьерой, больной мамой и так далее. Всегда же можно найти оправдание всему. И человек всегда и всему находит оправдание. В частности, примитивной лени. Я вот наблюдаю своих детей, им шесть лет, они уже ленивые. А человек чем дальше живёт, тем меньше хочет напрягаться. В принципе, оправдать можно всё, только вот стоит ли? Зачем? И я не собиралась делать так, чтобы мой сын через десять лет подумал: «Боже! Какая у меня мама! Какой герой!» Да на фиг надо! Я живу свою жизнь. Я очень быстро поняла, что я родила двух новых людей. И они мне не принадлежат. К сожалению, когда рожашь детей, нужно отказаться от иллюзии, что это твои приделки. Не-ет, это самостоятельные величины. И нужно их в какой-то момент попытаться отпустить. Поэтому перед ними держать ответ надо, но в первую очередь – перед собой. Мне просто кайфово от того, что я могу сказать всё, что хочу. И сделать всё, что хочу. Другое дело, позволяю ли мои умения сделать всё так, как хочу?.. Но я совершенствуюсь. Вот, прыгаю со скакалкой.

☉ **Как вы считаете, рожать надо в возрасте, когда человек приходит к этому осознанно, когда у него есть опыт, который он может передать? Либо это надо делать в юности, когда у тебя есть силы, здоровье, другая физическая форма, и разница с детьми не так велика, и проблемы их ближе и понятнее, и ты сама гораздо легче смотришь на жизнь и воспитание?**

– Как трава, да? С рождением детей во мне появилась способность понимать всех. Раньше для меня было только чёрное и белое, белое и чёрное, я могла сразу поставить всем диагноз. Теперь я так не делаю. Раньше я бы сказала: конечно, нужно осознанно к этому подойти. А теперь я думаю: на всё есть сумма причин. Первое: конечно же, рожать нужно по любви. Я не верю в плановые эти дела, потому что, в принципе, от тебя это не всегда зависит. Как бы далеко ни продвинулась медицина, всё-таки женщина может забеременеть, если она совпадает по определённым параметрам с муж-

чиной. А это не всегда случается. Поэтому в рождении ребёнка есть божественное начало. Даже если это сделано искусственно. Второе: если бы я сказала, давайте все будем рожать, когда созрели, то сразу возникает вопрос – кто когда созревает? Может, девчонка уже в шестнадцать лет созрела, может, это её судьба – родить в этом возрасте? Я могу отвечать только за себя. И я ответила в полной мере. Потому что своих детей я родила в тридцать шесть лет. И во всех отношениях – вовремя.

Раньше я детей вообще не замечала. Замечала только игры, концерты, друзей, гульбища, книги, которые я всегда читала запоем, фильмы, но в меньшей степени, пьянки – вот это вот всё было на первом плане. Детей не было как класса в моей жизни. А потом я стала замечать семьи, в которых маленькие дети, начала думать об этом...

Я вам открою секрет. Это не первая беременность у меня была. Я забеременела в десятом классе школы и в шестнадцать лет сделала аборт. Это было на Чукотке. Живот рос и рос, но я себе, конечно, в этом не признавалась. Я стала качать пресс, потому что я думала, что это я просто толстею. В какой-то момент я поняла, что что-то явно уже не то. У меня второй отец, отчим то есть, хирург, однажды звоню ему и говорю: «Тятя (я его называла тятей – по-сибирски)...» И молчу... А он спрашивает: «Залетела?» Он давно уже, оказывается, наблюдал. «Приходи». И вот я пришла через весь посёлок к нему в больницу, где меня под моей фамилией приняли и сделали аборт. Потому что, если бы я тогда родила, я бы себе поломала жизнь. Парень этот был мой первый мужчина. Одноклассник. Ни он, ни я даже не поняли, что произошло... Но если ты невежественен, и живёшь в крохотном поселке, и происходит это в 88-м или в 89-м году – очень легко было попасть в такую ситуацию. И вот я сразу залетела. И я не считаю, что кого-то убила. Это был бы такой искорёженный ребёнок, и я такая же. Поэтому я об этом несколько не жалею. И теперь небольшая зарисовка. Днём мне сделали этот аборт под наркозом, причём на очень позднем сроке. И тем же вечером мы с отцом вместе пошли домой. Около какого-то магазина он остановился и сказал: «Ты идёшь первая, а я прихожу чуть-чуть позже». Мама не знает до сих пор, надеюсь, что она это не прочитает. Мы сели, поужинали втроём, после этого я отвалила на дискотеку. Вот такая жизнь была. Говорят – прекрасная юность? Ну уж не-ет...

Сейчас я так размышляю: это была такая подростковая жестокость, цинизм. Но тогда я об этом вообще не думала. Помню только, что мы закончили школу, я поступила в институт в Магадане, а он – в Москве. Он приехал в Магадан, и я ему призналась, что у меня был аборт. Я помню, после

моих слов он встал и ушёл. Его это очень сильно обидело. Он меня очень любил, а я его не особо.

☉ **В школе не узнали? Посёлок всё-таки, все друг друга знают.**

– Конечно, все шушукались. Анестезию-то мне делала мама одноклассницы. Понятно, что Виолетта, её дочь, знала об этом на сто процентов, но никто мне в лицо ничего не говорил. И что интересно, Виолетта потом переехала в Питер и именно она сподвигла меня «родить» коллектив «Ночные снайперы».

☉ **Вы будете своей дочери рассказывать о взаимоотношениях с мужчинами, чтобы она не оказалась в вашей ситуации?**

– Конечно! Когда дети задают мне конкретные вопросы, я конкретно отвечаю. Более того, у них есть детская книга «Обо всём в мире», там есть раздел «Анатомия человека». Они ж двойняшки, они друг друга изучают со страшной силой. Скоро мы столкнёмся с проблемой, когда их надо будет категорически развести, потому что они до сих пор пытаются плавать вместе в ванной, хотя уже даже не помещаются. Я им говорю об этом, но как-то утрировать это или делать запретной темой – ни в коем случае. Я не хочу, чтобы Марта повторила мой опыт. Я ещё легко отделалась, смогла во второй раз забеременеть. Мне повезло, что у меня отец медик, он прекрасно понимал, что нужно делать. А если бы девочка делала всё сама у кого-то дома? Это кровотечение и летальный исход.

☉ **В каком возрасте, на ваш взгляд, об этом можно ребёнку говорить?**

– Когда спросит. Когда спросит, нельзя соврать. У меня девочка растёт очень быстро. Сейчас ей шесть, и она соответствует своему возрасту. А её брату, по моим ощущениям, где-то четыре с половиной – мальш. И когда она спросит, нужно просто на доступном языке ответить на этот вопрос. И честно ответить. Если ты ответишь нечестно, второй раз она может к тебе не подойти. А это автоматически означает, что она подойдёт к другому человеку. Делай вывод сама. Я думаю, что можно правильные слова найти для любого возраста.

☉ **А про наркотики тоже будете с ними разговаривать?**

– А вот это – вопрос. Потому что для меня это страшно.

☉ **Вы пробовали?**

– У меня за спиной такая школа, что просто не дай бог кому. Я смотрю сейчас на своих детей, и мне страшно. Девчонка – она такая... со стержнем, что ли, внутри. А пацан слабенький, ведомый. И как это обойти? Есть такая штука – чем больше бережешься, тем больше в какой-то момент можно нарваться. Я пока ещё не придумала себе никакого выхода. Единственное спасение, которое я вижу, – в работе. Если их вовлечь в какую-то интересную работу, которая бы завладела их сознанием, тогда

будет проще. Потому что чем быстрее человек найдёт свой путь, тем меньше он наломает дров.

☉ **Вы будете им рассказывать о своём опыте?**

– Конечно. Я чуть не умерла... Что тут не рассказать?

☉ **Сколько вам было лет?**

– Со мной «всё» было до тридцати пяти лет. Всё, о чём бы вы ни подумали. Причём очень жёстко. И я могу сказать, что меня остановило в конце концов. Стыд. Мне просто стало стыдно в какой-то момент. Я посмотрела на своё лицо в зеркале и увидела такую изъеззанную, помятую отвратительную восьмидесятилетнюю женщину. Хотя мне слегка за тридцать было. Пик был – с двадцати девяти до тридцати пяти лет. А алкоголь я попробовала совсем рано, лет в четырнадцать-тринадцать.

☉ **У вас была зависимость от наркотиков?**

– Я считаю, что да. Потому что, если ты зависишь от человека, который тебе это привозит и ты без этого не можешь, наверное, это всё-таки зависимость, а не блажь.

☉ **Это был любимый человек, который привозил наркотики?**

– Нет. Я сейчас не говорю про любовь. Любовь – это будет ещё помощнее наркотик, чем вся эта дрянь. С наркотиков можно съехать только в том случае, если ты сильный и в тебе много стыда. А во мне очень много стыда. Меня знаете ещё что остановило? Я помню один прекрасный момент, когда у меня в доме в Москве было гульбище очередное. Я только приняла дозу и позвонила своему приятелю-юристу: «А ты не можешь ко мне приехать? Мне нужно с тобой поговорить». Он приезжает. На первом этаже все гуляют, а я под конкретной наркотой сижу у себя в кабинете на втором этаже. Он сел напротив. «Слушай, – говорю, – понимаешь, в чём дело, мне кажется, что меня может не стать скоро, и мне бы хотелось что-то сделать с домом, написать завещание, одним словом». И тут он мне говорит: «Да! Мы все об этом говорим, и всё уже на мази». Я сижу и думаю: «То есть как? Ты сидишь передо мной, видишь, что чувиха реально старчивается, и говоришь такие вещи?» А он так собственнически, ну хищно, оглядывает мою библиотеку и спрашивает: «Слушай, а что почитать? Подбери мне что-нибудь интересное». И я про себя думаю: «Ну фигу!» Меня очень сильно это тормознуло. Стыд и вот это: «фиг вам всем!» – вот что меня стало вытаскивать. И песни, конечно. Потом родились дети, и как-то всё нормализовалось. Но капельницы и бригады «скорой помощи» мы все проходили.

☉ **А у вас есть запретная тема с детьми?**

– Нет. А какая?

☉ **Они никогда у вас не спрашивают, где папа?**

– Папа есть. Я ответила им уже на этот вопрос. Мы с папой дружим.

☉ **А почему он с ними не общается?**

– Я сказала, что это я не хочу, чтобы он общался. Мы с ним друзья, но я не хочу. Марта спросила: «А почему так получилось?» И я сказала: «Потому что мы с папой друг друга не любим. А жить нужно с тем, кого любишь». Больше вопросов пока не последовало. Если последует, я отвечу.

☉ **Дети не хотят сами с ним общаться?**

– Я ещё пока с этим не сталкивалась. У них нет такого, что получили ответ и дальше ерунду какую-нибудь спросили. Они серьёзно ко всему относятся. Они очень вдумчивые. Поэтому, когда они задают очередной вопрос, не надо врать, потому что потом они его не зададут. Продвигаться в их сознании надо маленькими шажками, я уверена в этом.

☉ **А как вы относитесь к мнению, что ребёнок должен всё попробовать и потом сам решить, что ему нужно, а от чего отказаться?**

– Я бы тоже так говорила, если бы сама всё не попробовала. Я этого боюсь, конечно. Попробуешь, а потом ты не соскочишь. Нет, я хочу как-то похитрее. Я хочу их втащить в команду нашу «Ночных снайперов». Дать сначала поработать с техникой потихонечку. Это правда важно, потому что, если техник не настроит гитару, мне играть будет не на чем. Марта может помогать, например, с костюма-

ми. Главное, чтобы они не были такие барчуки. Потому что я терпеть этого не могу. Несмотря на то, что Тёма очень нежный, какой-то царевич просто. Марта более спартанская пока. Не знаю, может, всё поменяется. Дети должны каким-то конкретным делом заниматься, которое действительно нужно. Но не стены мыть, как нас в школе заставляли, а я в этот момент курила травку в кабинете. Я не понимала: на хрена я мою эту стену? Потому что сначала мы моем эту стену, а за нами 7-й «Б» будет её мыть. В чём смысл? Поэтому всё было по фиг...

Я убеждена, что, когда человек рождается, в нём потенциально заложено много любви, ответственности и хороших качеств. Просто нужно их как-то развивать и направлять в нужное русло. А в нужное русло могут направить только нужность и работа. Когда ты человеку говоришь, что от него что-то зависит, и даёшь ему меру доверия, он и будет нормальным. Бессмысленность всегда приводит к анархии. Я это чётко знаю. А если есть конкретная задача, если есть дело и увлечённость идеей, то тогда находится правильная точка приложения твоих способностей. И не будет желания пойти колотья или бухать. Может, и будет, но скоро чаша весов перевесит в нужную сторону. Знаете, в чём опасность наркотиков? Ты не по-

ГРИППФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2
КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

Отправляясь в дальний путь,
ГРИППФЕРОН® не забудь.
С ним без **ГРИППА** и **ПРОСТУДЫ**
Сможешь славно отдохнуть!

Реклама

FIRM БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

Per. P. 000089/01 Per. ЛП-001503

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

нимаешь, когда они тебя засасывают. Потому что засасывают они тебя в тот момент, когда ты пробуешь. Не на второй раз, а на первый. Вот в чём беда. Первый раз – это уже страшно. Поэтому, если ты хочешь победить наркотики – не начинай. Если ты с наркотиками будешь общаться на полутонах, они тебя съедят.

☉ *Когда вы берёте детей с собой на гастроли, вы просите свой коллектив не ругаться при них матом, не пить пиво или не курить? Или вы считаете, что дети не должны расти в парниковых условиях, пусть всё видят, задают вопросы и делают выводы?*

– Я поняла вопрос. Группа «Ночные снайперы» представляет из себя коллектив, в котором никто не пьёт пиво и не матерится. Если представить себе гастрольные будни этого коллектива, то это чай и разговоры о музыке. Это не те стереотипы, к которым все привыкли. Я ничего не запрещаю своему коллективу, потому что они не делают ничего, что противоречит условиям, в которых должны расти дети. И при этом мои дети – одни из самых интеллигентных в саду. Воспитатели говорили, что Тёма и Марта – единственные, кто говорит спасибо и пожалуйста по каждому поводу и без повода. Мат категорически не приемлем для их ушей и бранные слова тоже. Что касается алкоголя, они могут пить сок и говорить, что это вино. Они видели, что взрослые пьют вино, но что же, его под стол теперь прятать, что ли? Хотя я сама не пью. Никаких парниковых условий нет. Надо просто самим выбирать нормальный круг общения. Потому что, если вы будете создавать парниковые условия, естественная среда всё равно прорвётся. Если после концерта я чем-то раздосадована и устраиваю разбор полётов, то я могу, конечно, высказаться очень крепко и конкретно. Тогда я прошу, чтобы детей увели. Но на гастроли я их брать больше не буду. Они ходят в музыкальную школу по классу фортепиано, и, когда пропускают занятия, отставание очень заметно. Дети должны учиться. Гастрольный караван-сарай вообще не для них.

☉ *В прошлом году вместе с симфоническим оркестром Башмета вы дали несколько совместных концертов. Почему рок-музыканты уходят в классику? Это такой способ выйти на новый уровень или просто интересный эксперимент?*

– А я не считаю, что рок-коллективы, которые играют с симфоническими оркестрами, уходят в классику. За исключением группы «Би-2», которые, в принципе, всё в этой стране породили, которые искренне были увлечены этим ещё десять лет назад, а следом за ними началась конъюнктура. Никто в классику уходить не хочет. Все хотят больших залов, больших денег. И если ты уже совсем музыкальный «труп» – вливания новой публики.

А со мной было так. Один из продюсеров «Нашествия» предложил мне на концерте сыграть с сим-

фоническим оркестром. Я ответила: «На фиг мне это надо. Мне это неинтересно». – «Почему? Ты подумай». Ну я возьми и скажи: «Если оркестр, то только Башмета». Я могу сказать – почему. Я этот концерт рассматривала не как концерт с симфоническим оркестром. Мне нужен был классик. Рок-н-рольный классик. Но не играющий рок-н-ролл, а чтобы рок был внутри человека. Рок-н-ролл – это же не жанр, это не стиль музыки. Это твой образ мышления и твой образ жизни. И это – Башмет! Когда я его увидела, я поняла, как попала. Он действительно очень рок-н-рольный человек. Стопроцентное попадание было. Поэтому я в него сразу влюбилась, и мы сделали эти концерты. И даст бог, сделаем ещё. У нас очень много предложений, но там свои трудности. У него малый состав оркестра – шестьдесят человек, а большой – сто. Чтобы выступить в каком-то городе, всех привезти и расселить надо, а это безумные сметы. Можно взять местных музыкантов, но мне это неинтересно. Мне нужен состав, который бы в меня верил. А на концерте в Питере я вот что отмочила. Во время выступления я повернулась к музыкантам и говорю: «У меня есть мечта или просто желание – узнать вас всех по именам». И все эти шестьдесят человек сразу оживились, они вставали и по очереди все представлялись. А на следующем концерте они под мою песню «Столица» стали пускать бумажные самолётики из оркестра, как это делают фанаты «НС». Это было очень трогательно, потому что все классики довольно циничны.

☉ *С Башметом легко было найти общий язык?*

– Да. Чем умнее человек и чем большего он достиг, тем он проще. Он очень скромный. И застенчивый. Оркестр откровенно боготворит его. Когда приходит Башмет, они все тают. Он максимально корректен. У нас перед концертом вышла заминка, сидим, отдыхаем, и вдруг он говорит: «Давай учиться». Даёт мне свой альт. «Вставай!» Я встала. Он мне поставил руку и научил каким-то приёмам. Он меня увлёк сразу, хотя я на скрипке не играю и не знаю, что это такое. Он мастер. И он, конечно, Человек.

☉ *Вы жили в Магадане, Питере, Москве. А где, по ощущениям, ваш дом?*

– У меня был дом в Питере. Я люблю этот город до сих пор больше всех городов мира. Я думаю, что когда-нибудь я туда вернусь. Только во мне борются сейчас два чувства. С одной стороны, это моя жизнь и хотелось бы жить там, где я чувствую природу и почву под ногами, то есть в Питере. А с другой стороны, я думаю: а как выдёргивать детей из Москвы? Там не тот климат. Получается, что я чего-то жду. А чего жду, сама не понимаю. А тут ещё собака умерла, которую мне подарили фанаты после песни «Сенбернар». И это ради неё мне пришлось когда-то взять ипотеку и купить дом за городом, потому что сенбернара в городе растить

было негде. Я сомневалась, что такой голодранке, как я, вообще дадут ипотеку. Но дали! Хотя мне по большому счёту, кроме гитары, ручки и паспорта – всё, больше ничего не надо. Но для собаки нужен был дом. Пришлось искать...

А теперь собаки нет. Но до сих пор, когда я приезжаю домой, открываю ворота, мне кажется, что она вот-вот выбежит навстречу. Моё сознание отказывается понимать, что её больше нет. Потому что сенбернары – это люди. Когда ты теряешь сенбернара, ты теряешь не собаку, а близкого человека. Сенбернары очень мало двигаются, поэтому их слабые места – лапы и сердце. Мальчик очень интеллигентно умер. Когда стал задыхаться, пошёл, лёг под сирень и тихо умер. И после этого я полюбила дом ещё сильнее. Прикипела.

⊙ **Чему бы вы хотели научиться?**

– Хочу научиться кататься на скейте. Потому что Марта ходит в кружок скейтборда. Я вот думаю со страхом: а ведь придёт время, когда мои дети будут уметь то, чего я не умею делать. Я ж не хочу рулядьё с ними ходить, я тоже хочу кататься на скейте. Она будет уметь, а я нет? Как так?

⊙ **Вы боитесь старости?**

– Я знаю, какую я хочу старость. Я хочу быть заводной, весёлой старушкой.

⊙ **С гитарой?**

– Ну, понятно, что с гитарой. Её никто не отменит никогда. Я, когда беру её в руки, – это такое счастье, я всегда по ней тоскую. Так вот. Хочу быть такой старушкой, которая полностью состоялась, у которой нет каких-то скелетов в шкафу и нет каких-то вещей, которые она себе не доказала. Она совершенно спокойна, у неё до фига внуков, и они считают её прогрессивной, им с ней интересно. Вот такой хочу быть.

⊙ **Вы сказали как-то фразу: «Жизнь состоялась». Что это значит?**

– Это значит, что ты сделал всё, что хотел сделать. Это значит, что ты отдавался на полную катушку и исчерпывал каждое дело, которое начинал. Что ты любил так сильно, как хотел, а не зажимался, что ты писал, как хотел, играл, как хотел. Что ты себя исчерпал. И успокоился. Мне хочется в старости быть успокоенной, удовлетворённой. И весёлой.

Есть много людей, которые в старости начинают терзаться тем, что чего-то не добились в жизни. То есть стреляли и попали в восьмёрку, а не в десятку. Они думали, ладно, завтра попаду в десятку, а завтра не получалось. И в конце жизни терзаются этим: ну что же я не добил тогда? И это их мучит. Я так не хочу. ⊙

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2b и противоаллергический компонент

Per. P N 002902/01

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

Хозяйка гостиницы

В 80-е Елена Маньенан вышла замуж за француза и уехала жить во Францию. Бургундия, замок 1726 года – скромное обаяние буржуазии, от которого добровольно не отказываются. Она отказалась. Вернулась в Россию и создала уникальный гостевой дом – после обеда у Маньенан Дмитрий Медведев купил усадьбу по соседству. С чего вдруг она пустилась в такую авантюру?

МАРИНА ИВАНОВА

– **Банкротство мужа** – вот что определило мою жизнь. Если бы не это, подозреваю, я бы и по сей день оставалась в умных домработницах, при муже, который позволяет себе всё, а у тебя лишь одно право – заниматься хозяйством. Сейчас я пою дифирамбы женщинам, которые в какой-то момент перестали терпеть. У Бернарда Шоу прочитала: «Я жертвенность запретил бы законом». И сама убедилась: если жертвуешь и терпишь, дети, когда вырастут, непременно скажут: «Мама, а кто тебя просил это делать?» Никто не оценит! А результат плачевный: ты превращаешься в измочаленную клушу, которая устала от жизни. Вариантов справиться с этим два: либо выдюживать до конца, либо в один прекрасный момент собрать чемодан: «А дальше, дорогой, я сама...» Второе – как раз мой случай.

Как всё начиналось?.. Андре Пьер Маньенан, журналист ИТАР-ТАСС, в первую же нашу встречу вызвал у меня удивительную симпатию. В 80-е вообще любой иностранец казался почти инопланетянином, а Андре к тому же прекрасно знал русский язык, был эрудитом. Правда, тогда у меня и в мыслях не было, что эта встреча изменит мою жизнь. А через два года, уже в качестве мадам Маньенан, с двумя старшими детьми от первого брака и нашим общим ребёнком, младенцем Даниэлем на руках, я приехала к мужу в Париж.

Андре снял для нас чудесную квартиру, с балкона которой было видно Эйфелеву башню, Монпарнас, Монмартр... Правда, сама квартира была совершенно пустая, даже без плиты на кухне! Начало заграничной жизни прошло буквально в походных условиях. В первую ночь я даже не знала, куда мне положить спать Даниэля, не вить же гнездо из свитера на полу! Мне попался на глаза пластиковый чемодан, объехавший с Андре весь свет. Из этого верного командировочного

спутника и была сооружена детская кроватка для ребёнка.

А вот ещё одно впечатление новоиспечённой парижанки... Муж повёл меня в супермаркет, причём явно хотел прихвастнуть, поэтому выбрал образцовый. И что я увидела? Необыкновенной красоты витрину: на белоснежных салфетках лежат барашки, на каждое копытце надеты кружевные носочки, все хвостики завернуты направо и из каждой попки торчит розочка... Я заплакала. Но не потому, что «ах!» – меня это восхитило. А потому, что «ох!» – меня это оскорбило, такой был контраст. Я же попала во Францию в конце 80-х, когда у нас были пустые магазины и очереди за консервами. Я спросила у мужа: уже вечер, покупателей нет, куда уйдёт такое количество мяса? А он: в собачьи консервы. Я ненавидела этих французов!

Но при этом Франция, как потом выяснилось, стала для меня идеальным университетом. Я всему удивлялась, поражалась, но главное – всё в себя впитывала. Идём с мужем по маленькой улочке. Видим ресторан. Всего три столика, но уже ресторан. И ясно, что вся семья сплочена вокруг этого дела: хозяин, его дети, внуки... И всё делается с невероятной любовью. Поэтому неудивительно, что для француза промчаться 200–300 километров, чтобы поужинать у какой-то Жанетты в ресторанчике на два столика, потому что она готовит необыкновенный киш, – это не просто нормально, это часть культуры.

В Париже я познакомилась с княжной Анной Оболенской. У Анны было своё фотоагентство, она вела дела со многими известными журналами, работала с нашими фотографами. А я первые годы, уже будучи во Франции, с удовольствием помогала ей, передавая в Россию и обратно слайды, снимки и гонорары. Анна познакомила меня с Францией, причём с неглянцевой её стороной,

да ещё и научила меня успешно выживать. Все беды, обрушившиеся на мою голову, не обернулись для меня драмой только потому, что были смягчены мудростью этой женщины. Только благодаря ей я перенесла все удары спокойно, смиренно, с юмором, не мучаясь ложным стыдом и ущемлённым самолюбием.

В Париже мы прожили шесть лет. Но жили не в центре, а в пригороде. Я далеко не сразу заметила, что в школе, куда ходили дети, было не просто много арабов – в нашем классе вообще был единственный настоящий француз. Общаясь с арабскими детьми, мои мальчики приобретали арабский акцент и некоторые тревожащие нас повадки, поэтому мы поспешили переместиться в центр Франции. К тому времени Андре уже вышел на пенсию, и мы могли себе позволить оторваться от Парижа.

Мы долго искали место, где обосноваться, потому что хотели «дом с характером», и наконец нашли его в Бургундии. Особняк 1726 года, дом-замок с мозаичными полами, роскошной библиотекой, лестницами, коваными решётками, подвалом со сводчатыми потолками, дом, в котором можно было запросто заблудиться. Вокруг парк, в котором росли 180 кустов роз, грецкий орех в три обхвата, а в каменный бассейн стекал кристально чистый родник. Этот дом внушал уверенность, что мы непременно будем в нём счастливы.

А потом Андре потерял работу... И не сказал мне ни слова – рассчитывал сам справиться с проблемами. Я чувствовала перемену в его настроении, но даже приблизительно не догадывалась об истинной причине. Лишь волей случая узнала правду... И как быть?! Дом куплен в кредит, причём первый взнос по кредиту – все деньги, вырученные от продажи моей московской квартиры. В конце каждой недели нужно платить за хлеб, молоко, школьный автобус. А денег нет, и занять не у кого. Муж впал в депрессию и сидел в кабинете, подперев голову руками, не желая разговаривать: «Подожди. Я думаю».

О чём думала я? Отступать некуда. Но что можно сделать, находясь в чужой стране, не зная языка?! Пойти мыть полы – денег сразу не заплатят, а нужны они через неделю. Звонить в Москву? Мои друзья не настолько богаты... Вот стоит роскошная мебель, вот раритет семнадцатого века... Но такие вещи быстро не продаются, в лучшем случае – уйдут за бесценок...

Я вспомнила, как французы делали мне комплименты, когда я готовила русскую выпечку, да и Андре часто говорил, что я вкусно готовлю. Вспомнила традиционные рынки французских городков, где каждое утро по выходным продают сыры, колбасу, фрукты, выпечку...

Схватившись за эту мысль, я решила сделать нечто, от чего французы были бы в восторге: пе-

ченье в виде грибов. Ещё когда училась в школе, у меня была подружка, и её мама пекла это печенье. Процесс приготовления – трудоёмкий, но его я освоила ещё в пятом классе и порой баловала им французизов: они удивлялись, умилялись, а французизов удивить трудно! Рассказала свою идею мужу. Он возмущился: «Это исключено!» А я продолжила изо всех сил убеждать. Муж злился, но сделал нужные звонки и был очень удивлён, когда узнал, что, заплатив 10 франков, мы можем продавать на рынке всё, что захотим.

Я побежала готовить тесто. За ночь сделала три корзины. Уже утром, подъезжая к рынку, мы зашли в булочную с французской выпечкой, где я спросила у хозяина, во сколько он оценивает наш десерт. Булочник немедленно предложил купить у нас всё – по 500 франков за каждую корзинку. «Значит, это стоит тысячу», – включился Андре, и мы поехали на рынок.

Каково это было? Жуткое чувство страха и стыда советской женщины, оказавшейся на рынке не в качестве покупателя, а по другую сторону прилавка. Я каждой клеточкой чувствовала, как все родственники и знакомые говорят: «Наша Лена докатилась до рынка!» Надо сказать, тогда меня очень подбадривали «уроки выживания», преподанные княжной Оболенской: «Лена, не бойся никакой работы!» И я уговаривала себя: ни за что никому, ни маме, ни папе, ни подружкам, я не расскажу об этом никогда в жизни! Никогда! Всё это временно, нужно просто быстро заработать денег, выпутаться из трудной ситуации, а потом мы найдём приличную работу... Пока я себя успокаивала, чуть не пропустила пару, которая прошла мимо, бросив на ходу: «Ой, уже грибы пошли...» Я мгновенно встрепенулась – значит, они решили, что это настоящие грибы! Мы схватили корзинку, догнали эту пару, объяснили, что это не грибы, а «традиционное русское печенье», дали попробовать. В итоге они купили у нас три корзинки. Представьте, за десять минут мы заработали 600 долларов. Позор обернулся триумфом, я расправила плечи. Остальное мы продали за полчаса. Я купила продукты и опять всю ночь пекла. Так что на следующий день мы заработали приличную сумму денег.

А затем это превратилось в рутину. Печь пирожки раз в неделю – удовольствие, но, когда ты пёшь каждую ночь по восемнадцать наименований на обыкновенных домашних плитах, пьёшь кофе и кока-колу, чтобы не уснуть, – это не-мысли-мо! А утром у тебя всего лишь час для сна, затем ты, полуживая, садишься в машину, чтобы через семьдесят километров, сначала на одном рынке, потом на другом, оформить витрину и улыбаться покупателям. После чего вернуться на полную грязной посуды кухню, засыпанную мукой... И так – два года! Старший сын, который помогал мне раз в не-

делю, приезжая на выходные из коллежа, недавно признался: «До сих пор ненавижу пирожки». Как же надо было устоять, чтобы до сих пор испытывать отвращение!

Финансовое спасение обернулось кошмаром – бесконечной работой и вечным недосыпом. Если называть вещи своими именами, это был рабский труд, причём добровольный. Всю отчаянность своего положения я поняла, когда однажды муж сказал: «А что тебе не нравится, мы же вышли из положения?»

Княжна Оболенская как-то рассказала мне анекдот, я его, в свою очередь, повторяю тем, кто стремится порвать связи с Россией. Бегут две дворянки по Парижу. Одна другую спрашивает: «Ты кем была в прошлой жизни?» Та: «Болонкой. А ты кем?» – «Сенбернаром». Вот и всё. Дело в том, что, когда мы ждём там признания – того же уровня, что и на родине, – нужно приезжать туда мегазвездой. И даже эта мегазвёздность не гарантия, что к тебе будут относиться как к равному. Помню, как страдал Эдуард Хиль. Он же эмигрировал во Францию, а его голос никому не понадобился, французского языка он не знал, закончилось это тем, что стал петь в ресторане. Там ты либо дворянка, либо человек.

Надо признать, что внешне в нашей жизни всё наладилось. Мы ездили по рынкам: два дня здесь, два там, к нам же ехали отовсюду, и кто только не приезжал! Потомки Римского-Корсакова, Фёдора Сологуба, которые ездили за сто пятьдесят километров от дома, чтобы заказать куличи или пирожки. И французы, гораздо более сдержанные, бывало, выстраивались в очередь! Но. Я-то как думала: вот здание рушится, так я плечо подставлю – чтобы продержалось. До капитального ремонта. А получилось, что я держу-держу, держу-держу... И никто не торопится мне на помощь... Можно воевать год, два, три. Но когда работаешь по восемнадцать часов в день, я не преувеличиваю, мир становится чёрно-белым, без полутонов. Я уже не понимала – ради чего?

Я уже не говорю о том, что за десять лет я так и не выучила французский. Но не потому, что не хотела. Потому что так мужу было спокойнее. Чтобы я полностью от него зависела. Миллион раз я просила его: «Мне нужно пойти на курсы и выучить язык», – он отмалчивался. Или предлагала: «Говори со мной только по-французски». На что он мне по-русски отвечал: «Мне удобнее говорить с тобой на твоём языке». Потом, когда прошло много лет, признался: «Я боялся тебя потерять. Я, уже когда женился на тебе, знал, что ты птичка, которая в любой момент может вспорхнуть и улететь». Он это даже лучше почувствовал, чем я сама. И получилось, что та жизнь, которую он мне устроил, напоминала жизнь под паранджой. Без него я никуда не могла двинуться.

А что я? Терпела. Ради детей. Когда намекала им: «А если мы вернёмся в Россию?» – реакция была: «Мама, ты что! Никогда!» И я замолкала. Они не замечали, как мне плохо. Я была буфером между ними и мужем. Помню, мы решили устроить выходной и поехали на рыбалку. Нашли какой-то заброшенный замок с прудом, такого клёва, как там, я не видела никогда. Вдруг начался дождь. Земля превратилась в каток. Я поскользнулась, упала и сломала ногу. Вот был ужас! Но не потому, что больно. А потому, что на следующий день я должна была работать. Были заказы, которые нельзя отменить. В больнице мне с трудом разрезали кроссовку, так распухла нога, наложили гипс и велели оставаться в больнице – для дополнительных обследований. Я отказалась – просто не могла себе этого позволить. Мы вернулись домой, всю ночь я работала, дети, конечно, помогли, утром муж повёз заказы на рынок... И так продолжалось две недели, я ни на один день не оставила работу.

А через какое-то время я и вовсе попала в реанимацию. И вот тут был уже край. Я поняла, что всё – больше не могу. Реакция мужа? «Ну ты полежишь, немножко отдохнёшь, и мы начнём заново...» Почему женятся на русских? Потому что в массе своей мы все такие – жертвенницы. Француженка никогда такого не позволит. Моя история не нова, миллион женщин по всему свету проходят через то же, живут и продолжают жить в такой атмосфере каждый день. А я взяла младшего сына под мышку – благо, что старшие уже вылетели из гнезда – и сбежала в Москву.

...Мы сняли квартиру, друзья помогли найти работу, я стала водить ребёнка в кружки и секции. Я наслаждалась жизнью! И так прошло примерно полгода: я занималась ребёнком в России, муж упорно сидел во Франции. А потом я встретила нашего общего знакомого, и он стал рассказывать, как Андре без меня плохо, как он исхудал... И что я сделала? Тут же рванула к нему. Господи, мы же все такие идиотки!.. Я даже не злилась на него. Я и тогда его любила. Переживала! Надо сказать, увидев собственными глазами исхудавшего и отчаявшегося Андре, я ужаснулась. И начала уговаривать мужа поехать со мной в Россию, хотя бы на год. Но он поставил условие...

Андре категорически отверг Москву и Питер, и мы стали искать себе дом в трёхстах семидесяти километрах от Москвы: во Франции мы жили именно на таком расстоянии от Парижа. Расстелив на полу карту, мы очертили радиус, но выяснилось, что ни один из нас этой глубинки не знает. Поэтому каждые три-четыре дня мы отправлялись в поездку по Тверской, Костромской, Вологодской областям. Никто не предполагал, что для нас обоих это будет открытием России. Я сравнивала ту Лену, которая приехала во Францию впервые, и ту Лену, которая оказалась в российской

провинции, вдали от Москвы, и как я не меньше, если не больше, всему удивлялась! Как открывала для себя свою же страну.

А теперь вспомните, что это было за время: 90-е годы, когда всё вокруг разрушалось. Однако нас с мужем абсолютно ничего не удручало, ничего не казалось диким, странным. Помню, заблудились на машине, остановились – навстречу местный житель, беззубый, в поношенной, вонючей телогрейке, а у меня всё заклокотало от восторга в этот момент, я его ощущала как самого родного и близкого человека. Да и Андре, который приехал в Россию впервые в 1964 году, но, как выяснилось, бывал лишь в Ленинграде и Москве, тоже открывал для себя Россию – неприлизанную, непричёсанную, но мудрую. Голодные, нищие люди от чистого сердца давали нам приют. И когда наутро я хотела дать им денег, они отказывались. Это тоже удивляло Андре. У них ничего нет, и при этом они приглашали в гости и по нашей традиции – раз пошла такая пьянка, режь последний огурец – делились последним. Даже если мы видели глупость – не было осуждения, только мысли – как помочь, что сделать? И этот заряд во мне до сих пор. Несмотря ни на что. Я, кстати, тогда в полной мере ощутила, что такое «дома и стены помогают».

А потом мы добрались до Ивановской области и нашли деревню Меленки, в которой наконец купили дом. Вот так и началась наша провинциальная жизнь... Сначала мы планировали остаться в деревне на год, но задержались на два: попросту не смогли бросить людей. В те далёкие 90-е годы «скорая» в деревню не приезжала, а ехать в больницу людям было не на что и не на чем: многие годами жили без зарплаты, даже «детские» деньги приходили с задержкой. Заброшенность, пустота и безнадёга. Чувствуя за всех ответственность, мы считали, что должны хоть как-то изменить к лучшему то место, куда занесла нас судьба.

Сына мы решили в школу не отдавать, стали сами с ним заниматься, правда, вскоре поняли, что Даниэль хорошо владел только устным русским. Поэтому каждый день он начал ходить к учительнице в соседнюю деревню за три километра. Но однажды в дом постучались незнакомые мужики: «Мальчонку-то не пускай в школу-то пока... Волки на дороге. Вот отстрелим, пушай тогда опять ходит». Оказалось, мой маленький французик, видевший волка только на картинке букваря и в зоопарке, подвергался опасности...

Раз мы решили купить яиц, и выяснилось, что никто в деревне не хочет их продать – самим мало. «Отчего же мало?» – удивилась я. «А откуда ж яйцам-то взяться? Куры плохо несутся: старые они уже, куры, одной вон шесть лет, другой восемь...» Стала осторожно давать советы – во Франции у нас был опыт разведения живности. Но многие с фырканьем слушали мои советы:

городская приехала тут нас учить! И я поняла, что только собственным примером смогу что-то доказать. Купила триста пятьдесят штук цыплят, раздала всем по десятку, объяснила, как их нужно содержать, себе оставила семьдесят. К концу осени у меня были огромные, роскошные красавицы-куры, ровно семьдесят штук. Целы были куры и у тех двух хозяев, которые послушались моих советов. А у самостоятельных, которые растили птиц по-своему, опять осталось по два-три цыплёнка.

Через два года сельской жизни подошло время перебираться в город – Даниэлю надо было учиться, – и мы переехали в Иваново, сняли квартиру.

Внезапно у меня возникли проблемы со здоровьем, нужна была операция. Это было накануне 2003 года. Через три дня надо было ложиться в больницу, а тут звонит учительница французского языка из школы при детском доме: «Мы устраиваем праздник на французском, нам очень нужны носители языка, вы с мужем не могли бы приехать? Всего на час, пожалуйста!» Было совсем не до веселья, но отказаться я не смогла. Пришли. И среди выступающих моё внимание привлёк мальчик в костюме Деда Мороза. Тощий, такой смешной в немыслимой шапке и ситцевом красном халате. Я глаз не могла от него оторвать. И после представления поинтересовалась – как зовут парнишку? На следующий день – звонок от директора: «Дети слышали, как вы спрашивали про Женю Суркова, сказали ему, что он вам очень понравился и теперь вы его возьмёте к себе...» Мало сказать, что я была оглушена. Не желая того, вселила в мальчишку ворох надежд, ожиданий и страха, что надежды не сбудутся. И что делать?

Своего жилья в Иваново у нас не было, только трёхкомнатная съёмная квартира, помимо нас в ней жило ещё четверо деток из нашей деревни, которым мы помогали. Брать ещё одного было просто некуда. Да и французской пенсии Андре, на которую все жили, явно уже не хватало. Теперь то знаю: не надо переживать ни о чём – с появлением ребёнка всё необходимое так или иначе придёт. Просто нужно довериться жизни...

Через несколько дней была операция. И помню, лежу на операционном столе, уже под действием наркоза, и лишь одна мысль в голове: «Господи, помоги мне пережить эту операцию! Обещаю, если поправлюсь, возьму этого мальчика». После наркоза прихожу в себя. Рядом – моя подруга, а я даже не узнаю её, но прошу: «Позвоните в детдом, пусть Жене скажут, что я возьму его!» Оформили патронат, сначала забирали мальчика на выходные, а позже взяли домой насовсем. Помню, меня потрясло, когда после усыновления Женя сказал: «Никогда не думал, что меня кто-то возьмёт. Берут только маленьких и лапочек, на меня ни разу никто не посмотрел». Двенадцати-тринадцатилетних боятся брать, думают, что одомашнить такого

уже не получится, что после детдома на ребёнке остаётся нестираемый отпечаток. Я не думала об этом, не боялась – может быть, поэтому всё у нас получилось. С тех пор под официальной опекой у нас побывало пять деток, а всего – тринадцать. Остальные просто у нас жили, хотя у них были родители... Но если ребёнок пять-семь лет рос в твоём доме, как можно сказать, что он чужой?

...Мы обосновались в Иваново, но не прекращали свои провинциальные путешествия. Часто заезжали в Плёт. Поэтому, когда речь зашла о приобретении дома, мы сразу подумали об этом городке. Поиски привели нас к дому, очень похожему на старинную усадьбу, некогда цветущую, удобную, но пришедшую в запустение без хозяйской руки. Раздвигая заросли орешника, глядя на буйные лопухи, я видела, что, если к дому и земле приложить талант и усердие, здесь появится уголок рая на земле. Так и вышло.

Поначалу мы просто жили в своё удовольствие – двери нараспашку, не задумываясь о том, что если каждый день по пять-шесть раз собирать чайный стол, то возникнет вопрос, где взять соответствующий такому гостеприимству доход?

Однажды, глядя на наше житие, старший сын произнёс: «Мама, это всё, конечно, здорово, но вы так скоро разоритесь!» – «Но что же делать?!» «Найди какой-то источник дохода, – откликнулся сын. – Спроси себя, что ты больше всего на свете любишь? Это и делай». – «Но больше всего на свете я люблю принимать гостей и общаться с людьми, а за это не платят!» «Платят, мама, платят, да ещё как! – парировал Саша. – Открывай маленькую гостиницу!»

Сейчас слышу от наших гостей: «У вас не дом, а дворянское гнездо!» Не люблю, когда так говорят. Мне больше нравится, когда отмечают: отдохнули у вас, как у близких друзей на даче. Потому что наш дом – не декорация. Я лишь создала атмосферу того места, где мне было хорошо в детстве, – дом бабушки и деда, у которых жила до четырнадцати лет. Как объяснить? Когда посмотрела фильм Михалкова «Утомлённые солнцем», у меня были те же ощущения. Я по-другому просто и жить не умею.

С Андре мы по-прежнему женаты, но я живу в России, он – во Франции. Теперешнюю свою свободу ни на что не променяю...

Не раз замечала: в зрелом возрасте люди вдруг обнаруживают, что живут той жизнью, которую намечтали себе в детстве или юности. Вот и я вспомнила: девчонкой посмотрела фильм «Трактирщица» с Натальей Гундаревой в главной роли, про хозяйку гостиницы. И вспомнила те ощущения после просмотра – точно я примерила это платье на себя и мне понравилось. Прошло сорок лет, и именно это платье я на себя и надела. И как же мне оно нравится. ☉

— ❖ — ОТПЕЧАТКИ — ❖ —

**Мария
Шаропова**

BAS

- ▶ Победный кубок турнира «Ролан Гаррос». 2012 год
- ▶ **Наверху:** С отцом. Маша обыграла в финале Уимблдона Серену Уильямс. 2004 год
- ▶ **Слева:** После победы в пятом за карьеру турнире «Большого шлема» Маша поспешила разделить радость с родителями и тренером. Франция. 2014 год

Железная красота

Шарапова ворвалась в элиту мирового тенниса в 17 лет, выиграв Уимблдон. Это мало кому удавалось до неё, но дело, конечно, совершенно не в том, что это был «рекорд»...

БОРИС МИНАЕВ

Теннис состоит не из рекордов, а из тяжёлой, занудной ежедневной работы. Блеснуть один раз – мало, «защитить титул» здесь гораздо сложнее, чем выиграть. Собственно, подсчёт очков в мировом рейтинге ведётся именно по сравнению с результатами прошлого года, и если ты не подтверждаешь прошлогодних авансов – неумолимая логика теннисной жизни тянет тебя вниз.

С тех пор прошло немало лет, и сегодня по поводу этого её яркого дебюта можно сказать две вещи. С одной стороны, да, звезда зажглась. Шарাপова с тех пор выиграла не один титул, побеждала в кубках «Большого шлема» (четвёрке главных мировых турниров), бывала на первой строчке рейтинга, выходила в финалы. С другой стороны, стало ясно (сейчас, через десять лет) – нет, это не сверхзвезда, не Штефи Граф, не Уильямс, не Навратилова. Шарাপова не открыла новую эпоху

своего имени, она стала просто одной из самых сильных спортсменок, но не самой...

Запомнится она совершенно другим – что, на мой взгляд, гораздо важнее, значительно важнее и спортивных побед, и спортивных неудач – тем, что ей, может быть, впервые в мировом женском теннисе удалось создать медийный образ такой силы, который перекрыл все спортивные достижения.

Шарাপова стала легендой спорта не из-за своих действительно высоких спортивных результатов. Ей удалось то, что не удаётся другим теннисистам (-кам), – запомниться публике, не делая при этом экстравагантных поступков (мельдоний – это самое экстравагантное, что с ней было), запомниться, запечатлеться, не делая к этому никаких видимых усилий. Это сложный феномен, но, поскольку вернуться в теннис Маше будет трудно, стоит разобраться в нём уже сейчас...

Её раннее детство пришлось на начало 90-х – семья в ужасе от возможных последствий Чернобыля, уезжает из родного Могилёва (где у Маши осталась жить родная бабушка), и это бегство по городам и странам никак не может закончиться. В конце концов, она вместе с отцом попадает в США, где учится в теннисной академии и просто живёт. Родительский подвиг – опять-таки это не новость для тенниса. Одному из родителей будущей звезды практически всегда приходится отказаться от прошлой жизни, прошлой биографии, успехов и привычного образа жизни, пожертвовать всем и все силы положить на воспитание юного гения. В случае с постсоветскими людьми это подвиг вдвойне: им приходится продавать квартиры, учить незнакомый язык, порой жить впроголодь, отдавая за теннисные уроки последние копейки. Легче, когда родители тренеры, но в случае с Шараповой это не так. Её отец – бывший советский офицер, и нетрудно представить, какую ломку характера ему пришлось пережить в далёкой и очень чужой стране. Однако характер отца – невероятно упорный, истовый, сильный – передался и дочери. Они вместе выдержали всё. И победили.

Уже в подростковом возрасте встаёт такой вопрос: должна ли Маша оставаться российской гражданкой? Вопрос не праздный. Родной язык у Маши – английский, во время первых интервью российским СМИ она с трудом подбирает слова, злые языки поговаривают, что читать по-русски она не умеет совсем. Наконец, прямодушный папа Шарапова умудряется в каких-то кулуарных переговорах поставить условие – хорошо, мы оставляем гражданство, но если вы гарантируете Маше выступление за национальную сборную и участие в Олимпиаде... пауза... Российский теннисный мир возмущён... Не знаю, впрочем, насколько верны эти слухи, но подозреваю, что от истины они недалеко – привыкший за десять лет к жёст-

ким американским условиям контрактов, папа-Шарапов вполне мог тонкий и чувствительный момент, связанный с «родиной» и «патриотизмом», сформулировать предельно конкретно. Однако всё позади, пресса с восторгом сообщает, что «Маша – наша», то есть она действительно поможет национальной сборной, действительно будет выступать за Россию, и все эти глупости постепенно забыты.

Сегодня те жаркие подробности воспринимаются едва ли не с улыбкой – господи, о чём вообще была речь? Теннисисты, эти вечные странники, путешествующие с турнира на турнир, из страны в страну, выбирают резиденцию и место проживания исходя из удобства, комфорта, в том числе и налогового, но национальный флаг для них – это святое. Несмотря на то что больших космополитов трудно себе представить, флаг даёт и нужную идентичность, и создаёт легенду, и, главное, новые возможности, с флагом не шутят, это серьёзно. И всё же... всё же, когда Маша впервые приехала на Кубок Кремля, я прекрасно помню это зрительское ощущение, она воспринималась именно как ярчайшая импортная звезда, как безумно экстравагантная иностранка. Но вскоре и это забылось. Победы за сборную сделали своё дело. Русский язык вернулся и стал практически снова родным.

...И вот тут-то и выяснилось, что Маша Шарапова не совсем обычная девушка, не просто одна из русских теннисисток, которые смело штурмуют всякие спортивные олимпиады. Таких талантливых русских девушек в мировом женском теннисе (напомню вкратце) тогда, в середине нулевых, было немало. Настя Мыскина, Вера Звонарёва, Света Кузнецова, Лена Дементьева, потом появились ещё и ещё (да и в целом выяснилось, что славянские девушки в эту игру играют очень неплохо, новых звёзд из Восточной Европы по сей день хватает). Но Маша чем-то от них от всех отличалась... Сначала было невозможно понять чем – было только слабое ощущение, которое трудно сформу-

лировать. Но потом это ощущение крепло, росло, ширилось и углублялось.

Стабильностью? Да. Более высоким уровнем амбиций? Да. Сильнейшей спортивной злостью? Да. Но таких по-спортивному злых, жёстких, цепких, сильных, пожалуй, всё-таки немало в мировом теннисном цирке. Нет. Тут было другое.

Маша как будто... парила, летала над площадкой. Она была воздушна. Она взмахивала руками, как птица. Она... она была прекрасна.

Но и тут, в этом очень узком, если честно, чрезвычайно узком сегменте – «хорошо играет, да ещё и красивая (обаятельная, симпатичная)» – Маша чем-то сильно выделялась.

Я долго не мог понять – чем же именно. Женственность... тоже не ответ. У женственности на теннисном корте могут быть самые разные образы. Невероятно женственна старшая Уильямс – Винус (да и имя выбрали родители, куда уж деваться с таким). Вечно грустная, сутулая, с тонкими-тонкими, длинными пальцами, огромными глазами. Звезда немого кино, а не девушка с веслом. Очень женственной была уже упоминавшаяся мной Мартина Хингис. Изящная, маленькая секс-бомба. Господи, да на женственности... Смешно сказать, но именно на ней сломалась в своё время совсем не бесталанная Аня Курникова, оказавшаяся настолько тотально близкой и дорогой каждому мужскому сердцу, что её визуальный образ просто затаскали по сомнительным журналам, сайтам, рубрикам, а образ – он ведь очень много значит... И, переместившись в звёзды светской хроники, она просто не вышла из очередной травмы, а травмы у Курниковой случались часто, и тут нужно страдать, ломать себя, терпеть боль, работать, как на каторге, героине светской хроники такое оказалось уже не нужно. Можно и сейчас взять длинный ряд актуальных девушек на корте и поспорить в мужской компании, а мне вот эта нравится, а мне вот эта: идиотский будет спор, ничего никому не объясняющий.

Как ни странно, ближе всех к Машиному типу (на мой субъективный взгляд) оказалась её давняя соперница, страшненькая француженка, бывает и такое, Амели Моресмо, которую открыто, в прессе, упрекали то ли в искусственном, то ли в естественном присутствии в организме мужских гормонов: мол, это не совсем честно... И вдруг Моресмо чуть-чуть изменила причёску, подобрала другую экипировку (цвет и покроя майки и трусов) и неуловимо преобразилась, стала выглядеть, при всех своих внешних недостатках и грубоватых чертах, нежной и ранимой. В спорте это не помогло, а вот на её образе сильно сказалось – стало очевидно, что Моресмо вовсе не страшненькая, просто у неё совершенно новый, обескураживающе новый тип женской красоты – трансгендерный. Вот сейчас я с немалым вну-

«ПРО ПОРАЖЕНИЯ Я ЗНАЮ ВСЁ. ЧТО ПРОИГРЫВАТЬ ЖЕЛАТЕЛЬНО С ДОСТОИНСТВОМ. ЭТО Я УСВОИЛА»

МАРИЯ ШАРАПОВА

тренним страхом подбираюсь к тому, ради чего и задумал писать этот текст.

Маша, красивая, статная, классическая русская красавица, однако, обладает странной, сквозящей сквозь все стандартные прелести природой обаяния – это новая женская красота. Железная красота. Красота силы. Красота физической мощи. Красота новых возможностей женщины. Трансгендерных возможностей.

Присмотримся к ней чуть внимательнее. У неё очень длинные руки. У неё очень сильные ноги (и тоже очень длинные). На корте она кажется значительно выше своего роста (я специально узнавал, ничего особенного). Её удар с прыжка поражает (поражал в лучшие годы) воображение. Это невероятно мощная, атлетическая машина, у которой – в отличие от других женщин на корте – эта мощь и сила не спрятана, а словно выставлена напоказ, как образец, как новый эталон, как новый тип красоты. В каком-то смысле (визуальном) она – олицетворение всех тех миллионов женщин, которые накачивают мышцы в фитнес-центрах (и не чтоб укрепить к лету ягодичную мышцу, а чтобы реально изменить рельеф мускулатуры), пробегают десятки километров каждое утро, гоняют на шоссейных и горных велосипедах, поднимаются в горы, сплавляются по страшным рекам, падают с парашютом... Да господи! Чего они только не делают, влекомые непонятным чувством восторга – что они тоже могут! Могут ничем не хуже, а даже лучше мужчин! В конце этого процесса маячит, конечно же, слияние видов спорта, когда мужчины и женщины будут играть и соревноваться в одной команде, боюсь, что я даже доживу до этого исторического момента, не говоря уж о более молодых читателей этой заметки.

Так вот, Шарапова явлена человечеству для того, чтобы доказать, что и ТАКАЯ женщина может быть по-настоящему прекрасна. Вот с таким разворотом плеч, вот с такими ногами и вот с такой весьма мышцей на спине.

Предвижу возражения: а как же Серена Уильямс? Да, разумеется, отвечу я, но Серена – вообще слишком яркая (знойная негритьянка, одевается в кричащие тона, мышцы больше, чем у многих мужчин-спортсменов, она из знаменитой семьи, она младшая сестра, которая заткнула за пояс старшую), тут слишком много всего, что является особой, невероятной матрицей притяжения... Но на этом фоне не потерялась и Маша, поскольку андрогинный тип – это вообще наше будущее, и тут одной Серены явно недостаточно.

О том, что это не просто мои красивые и досуговые размышления, свидетельствуют сухие цифры рекламных контрактов. Шарапова невероятно успешна именно как медийное лицо, за счёт чего? Она великая спортсменка – нет. Она роскошная красотка – нет. Она делает что-то скандальное, она

«Я ВСЕГДА БЫЛА БОЙЦОМ. ВСЕГДА ХОТЕЛА ВЫИГРЫВАТЬ. НО НИКОГДА ЭТО НЕ ТРЕНИРОВАЛА»

МАРИЯ ШАРАПОВА

умна, как бог, она мать Тереза в мировом спорте – нет. Нет, нет и нет.

Тогда за счёт чего? Ещё раз утверждаю: это новый тип женской красоты. Хотя нет... Красота тут вообще ни при чём. Давайте возьмём шире. Это новый тип женщины. Дело в том, что новая гендерная эпоха должна начаться по-настоящему, конечно, с преодоления этого главного барьера – физиологического. Можно ходить в брюках, самой выбирать партнёров, избираться президентом большой страны, получить Нобелевку по физике.

Всё равно, пока главный барьер не пройден, великая новая эпоха ещё не наступила. Так вот, миллионы женщин (о чём я писал чуть выше) его уже давно прошли! Шарапова – их лидер, медийное лицо этой формации. Слава Маше Шараповой! Но чёрт возьми, как такой великий человек мог срезаться на поганом мельдони?

У этой нелепой истории есть много разных объяснений – из них всех я выбираю теорию заговора. Но не против наших спортсменов, конечно. Шарапова к российскому спорту, я тоже об этом писал выше, имеет очень опосредованное отношение. Она вообще не пользовалась услугами нашего великого антидопингового комитета. Она не имеет отношения, что важнее, ко всем этим нашим федерациям. Заговор этот – конкретно против неё. Каким образом можно было составить оповещение о таком важном, определяющем моменте, чтобы его можно было «пропустить» в своей электронной почте (и как будто она сама её читает!)?

Бред. Впрочем, это, как говорится, уже не моего ума дело. Великая – пусть выкручивается.

А мы будем помнить её такой – летящей над площадкой, стонущей на корте от странного наслаждения особенно сильным ударом, закидывающей за спину свою растрепавшуюся копну волос быстрым, ярким движением. Розовую от напряжения, с глазами, полными ярости и всё равно прозрачными.

Какая была женщина... ☉

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

*А ведь это трагедия...
Причём не только финан-
совая. Да, Марию Шарапову
застукали за принятием
препарата, который срочно
определили в допинг, и это
грозит ей потерей контрак-
тов примерно на тридцать
миллионов долларов, что,
конечно, прискорбно. Понять
и простить? Но ведь это
и человеческая трагедия
тоже, если подумать...*

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Что главное в жизни для родившейся в теле души? Не знаете? Выполнить свою миссию! То есть заниматься тем, для чего ты создан. Работать по призванию, попросту говоря. Нет никаких сомнений в том, что девочка Маша, родившаяся в обычной российской семье, была произведена на свет для тенниса. Потом был долгий и упорный путь к славе. Подобный путь прошли многие звёзды, не обязательно спортивные. Но именно звёзды спорта, поскольку они всегда находятся на пределе человеческих возможностей, вынуждены ради любимого дела заключать сделку с дьяволом – просто для того, чтобы иметь возможность этим самым делом заниматься. Такова система.

Скандал с мельдонием, на котором взяли не только Шарапову, но и косою десяток российских спортсменов, со всей очевидностью показал публике: любого спортсмена можно обвинить в принятии допинга, а в допинг определить всё что угодно, в зависимости от нового взгляда науки и от политической конъюнктуры. Только некоторые успевают отслеживать новости и вовремя переходить на более прогрессивные и пока ещё не запрещённые или трудно определяемые препараты, а другие фишку прохлопали. Ситуация тут как с наркотиками – подпольные фармацевты всё время производят новые вещества и выбрасывают их на рынок, а власти через какое-то время прочухивают и их запрещают.

Отчего же сложилась такая парадоксальная ситуация, при которой, чтобы заниматься любимым и легальным делом своей жизни, нужно постоянно преступать закон?

Десять лет тому назад известный спортивный обозреватель, мастер спорта по лёгкой атлетике, кандидат наук Андрей Полосин сделал предсказание: через десять лет или допинг будет легализован, или спорт начнут сотрясать грандиозные допинговые скандалы. И вот мы к этому пришли.

Сейчас в спорте укоренилось мнение, что без допинга нельзя: принимают все, как же без этого? В результате тренеры, которые данного мнения не разделяли, были оттёрты системой. Спортивный мир узок, в нём всем обо всех всё известно – кто и что принимает. И вот представьте себе, тренер проигравшего честного спортсмена, который допинг не принимал, сигнализирует «куда надо»: наш соперник выиграл потому, что принимал допинг! «Стукача» вызывает на ковёр спортивное начальство и говорит: «Победителей не судят. Не пойман – не вор. Человек для страны старался! А вы, вместо того чтобы интриги разводить, лучше обеспечьте результаты!»

Плюс большие деньги, которые совершенно изменили спорт. Они спасли его и убили одновременно. Когда Пьер де Кубертен возрождал олимпийское движение, он написал массу высоких слов о человеческой гармонии и красоте. Первое время действительно так и было. Однако беда состояла в том, что красота и гармония ни хрена не стоят: олимпийский спорт при всех этих высокопарностях был чрезвычайно затратен – после знаменитой Монреальской Олимпиады десять лет долги не могли отдать... А потом пришёл Хуан Антонио Самаранч и спас ситуацию – все Олимпиады стали окупаемыми.

Самаранч привёл в спорт большие деньги – от рекламы, от телевидения, от фирм-спонсоров. Это спасло олимпийское движение от финансового краха, подстегнуло развитие спортивной индустрии. Именно Самаранчу мы должны быть благодарны за то, что каждый год десятки фирм теперь выпускают новые модели шиповок, спортивных снарядов, лыж, велосипедов...

Спорт стал индустрией. Спортсменам начали помимо почётных медалей давать огромные призовые деньги. И спорт выродился – превращение в шоу-бизнес полностью поменяло всю его структуру, цели и задачи. А поскольку бизнес требует достижения финансовых результатов, в спорт пришёл Его Величество Допинг. Команды (спортсмены-тренеры-врачи) превратились в фирмы, зарабатывающие деньги на результате. И мультимиллионер Шарапова здесь просто классический пример потогонного производства. Бизнес недаром сравнивают с войной. А на войне как на войне – важен результат любой ценой...

29 февраля 2004 года в киевской команде «Арсенал-2» прямо на поле умер 18-летний футболист Андрей Павицкий. А за полтора месяца до этого команда трагически потеряла ещё одного своего игрока – Шалву Апхазаву. Тут же в прессе появились материалы, что причиной смертей стали эксперименты руководства команды с допингом. На Международном конгрессе спортивных врачей тогда же была объявлена потрясающая цифра: за три года в Европе умерли 70 (!) футболистов-юниоров в возрасте 14–18 лет! Вы знали об этом?..

Но умирают не только юниоры, умирают и более взрослые спортсмены. Оливер Петти умер на поле в 1987 году. В сентябре 1990-го умер Дэйв Лонгхерст, игрок английского клуба «Йорк». С 1993-го по 2002 год умерли три румынских футболиста. С 1989-го по 2010 год на поле умерли четыре нигерийца. В Бразилии на тренировке почувствовал себя плохо 20-летний Максимилиано Патрик Феррейра. Он был доставлен в госпиталь, где скон-

«КОГДА СОВЕРШАЮ ОШИБКУ, Я НЕ БОЮСЬ ЭТО ПРИЗНАТЬ, БЕРУ ЗА НЕЁ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

МАРИЯ ШАРАПОВА

чался. В 2003 году умер полузащитник сборной Камеруна Марк-Вивьен Фоз прямо во время матча между сборными Камеруна и Колумбии... И это уже не досадные дисквалификации за допинг – это реальная война с жертвами!

Дело в том, что футболисты применяют препараты, которые увеличивают насыщение мышц кислородом. Самые знаменитые из них – эритропоэтин и дарбопоэтин. При медицинском применении эритропоэтин безвреден – его даже недоношенным детям вводят, но в спорте его применение опасно, потому что, повышая количество гемоглобина в крови, препарат увеличивает вязкость крови. А спорт связан с потерей жидкости организмом, и в какой-то момент кровь становится настолько густой, что эту жижу сердце просто не может прокачать. Результат – смерть. Обнаружить этот допинг очень сложно, потому что из организма он выводится за 4–5 дней, и следов эритропоэтина не остаётся ни в крови, ни

в моче. Но действие его продолжается в течение ещё трёх-четырёх недель. И поэтому спортсмены используют допинг во время межсезонья. Они рассчитывают, что за неделю до соревнований закончат применять стимуляторы и в использовании допинга их не уличат.

Конкуренция за миллионы долларов высока, победителя от проигравшего порой отделяют сотые доли секунды, и потому роль играют даже малейшие плюсики. А допинг даёт плюстик весьма ощутимый!.. Получается, чтобы заработать деньги, нужно проскочить между Сциллой и Харибдой – сработать на результат, вырвав его любимыми способами у соперников, и не попасться на допинге.

Причём в этой рискованной игре выигрывают не только спортсмены, но и фармацевтические компании. Одна известная американская спортсменка с кучей рекордов, бегавшая на короткие дистанции, призналась в конце 90-х годов в том, что использовала допинг. Зачем она это сделала? А ей заплатили за это порядка миллиона долларов фармацевтическая компания, препараты которой бегунья использовала. После чего прибыли компании полезли вверх, поскольку все поняли: можно принимать качественные запрещённые средства, не попадаться и выигрывать/зарабатывать!

Как вообще работает допинг? Он позволяет ускорить достижение результата. Без допинга новичку расти до мастера спорта пять лет, а с допингом можно уложиться за два года. Есть, правда, мнение, что допинги не помогают в точных видах спорта типа фехтования, а помогают только в «лошадиных» – где нужно много носиться, махать руками. Но поскольку почти любой спорт – это работа на износ, допинги столь широко распространены.

Существуют разные группы препаратов. Анаболики применяются для тупой накачки мышц. Психотропные препараты – в тех видах спорта, где человеку страшно, потому что он реально рискует жизнью и здоровьем – может разбиться, например, а психотропы снимают страх. Почему художественной гимнастике начинают учить с самого раннего детства? Потому что у маленьких детей нет страха, они не боятся упасть с бревна. Но потом детский возраст кончается, а бревно остаётся... Или вот, например, в тройном прыжке идёт колоссальная ударная нагрузка на ноги. Больно! Поэтому прыгуны скачут на амфетаминах, и у них перед стартом совершенно бешеные глаза.

Надо понимать, что допинг был всегда. Когда умер величайший бегун XX века финн Пааво Нурми, который имел больше всего олимпийских медалей в истории лёгкой атлетики, в его скелетных костях нашли следы сильных препаратов. Но памятник Нурми в Хельсинки не снесли, он всё равно остался в глазах финнов национальным героем! А кто он на самом деле – жулик, разобла-

чѐнный только после смерти, или герой, жертвовавший своим здоровьем ради красоты рекорда? Человек, лишь немного помогавший своему таланту не вполне одобряемыми методами, или химический киборг?

Кстати, не нужно думать, будто допинг – это просто. Существует пять главных спортивных качеств – ловкость, гибкость, быстрота, сила, выносливость. И некоторые из них противоречат друг другу. Скажем, быстрота и выносливость – это антагонисты. Если развиваешь тренировками или допингами одно, теряешь другое. И тут надо выбирать – для фехтовальщика, например, не нужна сила, а нужны быстрота и ловкость... Марафон? Выносливость, и только... Теннис? Выносливость и ловкость... Разные препараты рассчитаны на разные качества. Поэтому одновременно хорошо бегать и хорошо плавать невозможно. И это представляет серьёзную проблему, например, для пятиборья, где нужно выбирать что-то одно, поэтому все пятиборцы хорошо плавают, но бегуны из них весьма посредственные, там даже первокурсник по бегу – редкое исключение.

Получается, у врача команды сложная творческая задача – сыграть мощную оркестровую партию на многочисленных инструментах витаминов, допингов и средств, выводящих допинги, – так, чтобы не получилась какофония, а вышел слаженный для данного вида спорта и данного спортсмена эффект.

А ведь ловят спортсменов не только за допинг, но и за указанные выше препараты, которые выводятся из организма допинг, хотя они сами по себе допингами не являются. Но если в крови такие препараты обнаруживаются, спортсмена всё равно снимают с соревнований, потому что становится ясно: он выводил допинги.

Причѐм, если нет даже и таких препаратов, всё равно спортсмена могут дисквалифицировать – за так называемый кровяной допинг. Дело в том, что любая тренировка на выносливость повышает число эритроцитов в крови, в чём, собственно, и состоит смысл тренировки. Эритроциты – это овеществлённый запас выносливости. Можно, регулярно и упорно бегая, повысить уровень красных кровяных телец в крови. Но это тяжело и долго. А можно сделать проще – регулярно брать у человека небольшую порцию крови, изгонять воду, повышая концентрацию эритроцитов, а потом порцию эритроцитов ввести в вену перед соревнованиями. Это и есть кровяной допинг. И он тоже запрещѐн.

А вот если вы тренируетесь в высокогорье и организм сам повышает число эритроцитов естественным образом из-за кислородного голодания, это разрешено! Но как отличить кровяной допинг от тренировки в высокогорье – эритроциты ведь твои собственные и ничуть не отличаются!

Для этого ввели биологические паспорта. Что такое биологический паспорт? Это документ от Всемирного антидопингового агентства (WADA), в котором фиксируются разные биологические характеристики личности.

Во-первых, это делается для того, чтобы вместо одного уставшего человека на следующий забег не пришѐл другой, свеженький – его близнец, например, – в длинной истории спорта и такие случаи были!

А во-вторых, чтобы спортсмен не мухлевал с тем же кровяным допингом и другими пробами. Обычно уровень эритроцитов у людей составляет 10–13 единиц. И вот вы выходите на соревнования, а у вас в биологическом паспорте написано, что вам мерили гемоглобин месяц назад и было 12,2 единицы. На предпоследнем замере было 12,5. А сейчас вдруг, перед соревнованиями, – 14,5. Откуда? Как это вы так тренировались, что у вас на 2 единицы вверх выскочил гемоглобин? Науке прекрасно известно, что даже при усиленных тренировках в условиях высокогорья, где организм борется с кислородной недостаточностью, поднимая уровень гемоглобина, максимум, чего можно добиться, – 0,6 единицы. А у вас 2 единицы! За такие подскоки эритроцитов человека моментально снимают с соревнований. Не по допингу и не за присутствие в крови нейтральных препаратов, выводящих допинги, а по показаниям биологического паспорта.

Но это ещё не все каверзы биопаспорта! Дело в том, что спортсмены научились подменять пробы! Раньше было так. Человек приходил сдавать мочу на анализ, ему или ей давали пластиковый стаканчик, спортсмен писал туда, выходил из кабинки и отдавал ёмкость. Представитель WADA её опечатывал, писал кодировочный номер, чтобы те, кто делает анализ, не знали, чей он. Тут всё честно.

Но люди-то хитрые! Они жрали допинги, а на пробы приносили чужую мочу, в кабинке туалета выливали её в стаканчик и отдавали на анализ.

Эту фишку довольно быстро просекли. И поменяли порядок сдачи анализов. Теперь спортсмена в кабинку мочиться не отпускают. Человек должен писать прямо при свидетелях, членах WADA. Если спортсмен мужчина – при мужчине. Если женщина – при женщине. То есть ещё раз – член WADA стоит рядом и внимательно смотрит, как вы мочитесь. Казалось бы, как тут смухлюешь?

Но если речь о больших деньгах, голь становится невероятно хитрой на выдумки. Особенно голь российская. Женщины-спортсменки наливали чужую, «чистую» мочу в презерватив, пряча его в собственном теле. Затем, присев на унитазе, спортсменка на глазах контролёра подносила пластиковый стаканчик для отбора проб куда надо и как бы поправляла его, одновременно намани-

кюренным ногтем разрывая презерватив. И «чистая» моча без следов допинга сливалась в стаканчик. Тут главное – удержать сам презерватив.

С мужчинами было, по понятным причинам, сложнее. Но и они нашли выход. По нижней стороне члена на липучке прокладывался «мочепровод» – тонкая прозрачная пластиковая трубка, по которой спортсмен пускал в стаканчик струю чужой мочи прямо на глазах представителя антидопингового агентства. Но чтобы это заметить, представитель должен был буквально встать на карачки и взглянуть на процесс снизу – только тогда он мог заметить тонкую трубку «мочепровода». Где же хранился сам резервуар с «чистой» мочой, к которому тянулась трубка? Он представлял собой тот же презерватив и размещался спортсменом там, где контрабандисты провозят наркотики – в анальном отверстии... Как подумаешь об этом – никаких денег не надо, чёрт подери!

И всё это довольно долго сходило спортсменам с рук – ровно до тех пор, пока не завели те самые биологические паспорта. Потому что моча любого человека столь же индивидуальна по некоторым характеристикам, как и отпечатки пальцев. А пробы мочи хранятся в спецхранилище десятилетиями, их не выливают. Но если десять лет назад спортсменка N брала мочу у школьной подруги, а теперь стала брать у соседки, сравнение тут же покажет: это чужая моча!

И вот в 2014 году вскрыли пробы, которые брали в 2005 году на чемпионате мира в Хельсинки. Российские же спортсмены по старой памяти принесли чужую мочу – уже от других людей. Их всех накрыли. Скандал был грандиозным.

Казалось бы, при таких условиях мышь не проскочит! Но большие деньги диктуют свои правила. И потому возникли вполне легальные способы обхода запретов. Так, в один прекрасный год все норвежские спортсмены вдруг стали астматиками, принеся об этом справки от врача команды. Всем всё понятно: препараты от астмы применяются в качестве допингов, но не подкупаешься – справка есть. И проверить нельзя: астма – очень коварная болезнь, сегодня у тебя есть её проявления, а завтра нет – ремиссия.

К тому же, как уже говорилось выше, фармацевты выбрасывают на рынок всё новые и новые препараты, которые антидопинговое агентство не успевает запрещать. Идёт постоянная гонка брони и калибра.

В результате складывается парадоксальная ситуация, когда антидопинговые проверки стали стоить дороже самих соревнований. И это не шутка. Скажем, соревнования на первенство Москвы по лёгкой атлетике на 500 участников без допинг-контроля стоят примерно 50 000 долларов. Это соревнования на хорошем стадионе, с не-

сколькими десятками судей, электронным хронометражем... А полная допинг-проба стоит 1500 долларов на человека. То есть допинг-контроль соревнований будет стоить уже $1500 \times 500 = \$750\,000!$ Почувствуйте разницу! Никакая коммерция покрыть такой довесок не сможет! Допинг-контроль превратился в тормоз для развития спорта. По сути, борьба с допингом сейчас выгодна только самим борцам с допингом.

И выход тут может быть только один – разрешение допинга. Какие есть к этому предпосылки?

Объём тренировочных нагрузок уже примерно сорок лет тому назад вышел на естественные биологические пределы человеческих возможностей – дальше физически развиваться уже невозможно: организм не успеет восстановиться после таких тренировок. Как помочь организму восстановиться? Сон, массаж, расслабляющие препараты, витамины... Витамины – здесь уже начинается химия. От усталости в мышцах накапливается молочная кислота, и есть препараты, которые ускоренно выводят её из мышц, помогая организму восстановиться. Допингами они не считаются. Почему? Отчего одни химические вещества, помогающие организму, считаются допингами, а другие – нет? Это чистый волюнтаризм. Разрешать – так уж всё!

Да, допинги гробят здоровье, но ведь сам большой спорт гробит здоровье почище всяких допингов. Где вы видели спортсменов-долгожителей? Они загоняют себя, как лошади. И имеют на это право, поскольку каждый человек – хозяин собственной судьбы. Хочешь стореть, как свечка, ради бессмысленных, в сущности, рекордов? Хочешь умереть на десять лет раньше срока только для того, чтобы пробежать стометровку на две сотые секунды быстрее другого? Твоё решение!

Разумеется, разрешение допинга изменит сам облик спорта. Отомрёт давно уже ставшее полной бессмыслицей и чистым формализмом выступление команд и спортсменов за какие-то страны. Какое отношение купленные, например, негры-футболисты имеют к России, кроме того, что им нарисовали российские паспорта?

В условиях свободного спорта – без дорогостоящего и бесполезного WADA, которое хорошо ловит только спортсменов из недоразвитых стран, у которых нет денег на качественный допинг, – спортсменам будет логичнее выступать уже не за страны, а за те или иные фармацевтические компании. Точно так же, как раллисты сегодня выступают не столько за страну, сколько за ту автомобильную фирму, на машине которой едут.

И тогда истерия вокруг допинга исчезнет, растворившись в воздухе, как сон, как утренний туман. А Мария Шарапова не станет оправдываться за приём то ли лекарства, то ли допинга, а будет честно, с открытым забралом махать ракеткой за «Мельдоний». ☉

3

ГЛАВА

ОТГАДКИ

*В которой президент Гаити Франсуа
Дювалье крадёт у своих граждан их
обожаемых покойников **с.58***

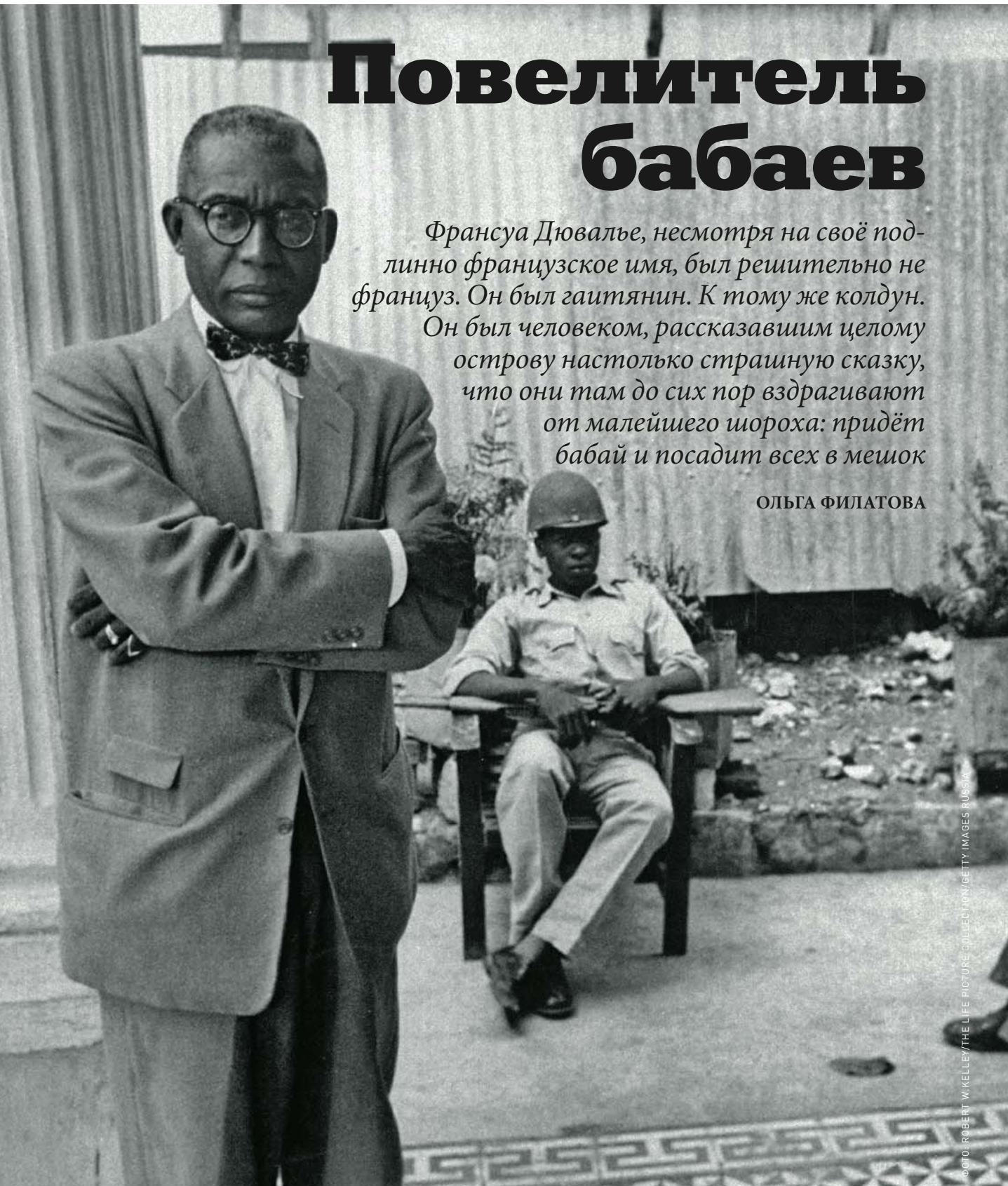
.....

*а художник Бальтазар Клоссовский
воспекает обнажённых
ангелов-нимфеток **с.80***

Повелитель бабаев

Франсуа Дювалье, несмотря на своё подлинно французское имя, был решительно не француз. Он был гаитянин. К тому же колдун. Он был человеком, рассказавшим целому острову настолько страшную сказку, что они там до сих пор вздрагивают от малейшего шороха: придёт бабай и посадит всех в мешок

ОЛЬГА ФИЛАТОВА

У народов Африки бытует поверье о существовании мужика с джутовым мешком. Текстура мешка роли не играет. Главное, что однажды за каждым придёт кто-то чужой, посадит в мешок – и... всё! Умные не задают глупого вопроса: «Что всё?» – потому что знают, под «всё» понимается личный финал. Далее пустота, молчание. Страшнее этого быть ничего не может, не стоит и придумывать. В России этого мужика зовут бабай. Перед лицом бабая каждый предстаёт один, маленький, без носков. Очень страшно. На острове Гаити «всё» случалось неоднократно на протяжении его истории. Последнее феерическое «всё» там происходило, когда к власти пришёл диктатор Франсуа Дювалье – отец тамошнего народа. Их Папа.

Если о ком и стоило сказать: «Доктор Зло», так это о нём, о Франсуа Дювалье. По профессии этот человек в очках был врачом. Доктор – с дипломом! И добрый такой, ласковый, прямо отец родной. На родине его так и прозвали – Папа Доктор, позже сократив до Папа Док, даже произносили эдак слитно Папа-док, особенно с перепугу. Папа был порождением ада. Гитлер в гуталине. Причём сам-то он и букашки не обижал, сидел себе под пальмой, приходи к нему лечиться и корова, и волчица. Даже пламенных речей, в отличие от таких чертей, как Муссолини, особо не толкал, в основном помалкивал. Так, помалкивая, он и поверг в ужас десять миллионов человек, проживающих на западной стороне острова Гаити, пока другие десять миллионов, соответственно на восточном пляже острова, где у них там располагается Доминиканская Республика, пели и танцевали меренгедоминикану, распивая ромовые коктейли.

Жизнь на Гаити лишена бытовых излишеств. Из одежды там предпочитают пластмассовые лапти и майку с шортами. Из еды – жареный банан. Не то чтобы жители этой страны отказались от мяса по идейным соображениям, они понимают, что мясо – вкусно. Но банан у них там дешёв и легкодоступен, а мясо... ну, можно попробовать, но привыкать не стоит. Любопытно, что даже рыба там – казалось бы, на побережье с ней должно быть неплохо – отсутствует. Парадокс местного менталитета. Они просто не ловят рыбу. Считается, что им лень. На самом деле, потомки рабов с плантаций, они не умеют добывать рыбу, как горожане, например, никогда не догадаются сеять и жать. Из напитков они предпочитают ром с колой, бюджетные, как в России самогон. Взболтать можно уже в брюхе. Ром у них как пили с колониальных времён, так и пьют, не принюхиваясь. История часто была гаитянский народ фейсом об тейбл, они хорошо усвоили – к излиществам лучше не привыкать. Население там всё сплошь привозное, прибыло на остров в трюмах, в кандалах. Все эти люди

мечтали о свободе. И они сумели добиться исполнения своей мечты. Причём неоднократно.

И всё-таки к середине XX века худо-бедно Гаити удавалось держаться на экономическом плаву и даже разыграть туристическую карту. Вот как об этом писал один очевидец: «В те дни, до прихода к власти доктора Дювалье, туристов было столько, что в казино работали три рулетки. Из ночного кабаке внизу доносилась музыка, и время от времени, устав от танцев, какая-нибудь дама в вечернем туалете приводила своего партнёра в игорный зал. На свете, по-моему, нет женщин красивее гаитянок – я видел такие лица и такие фигуры, которые в любой западной столице составили бы состояние своим обладательницам». Говорят, красоту женщин можно наблюдать в тех краях, где люди живут труднее всего. Естественный отбор, знаете ли.

Гаити открыл Христофор Колумб, назвал Эспаñoла (маленькая Испания). Ему там даже в одном месте стоит памятник, не особенно популярный у народа. Ну, открыл и открыл, не закрывать же. В гористых лесах по всей территории тогда обитали несущественные коренные индейцы, питающиеся рыбой, всякими ящерками и мелкими грызунами. На них не стали обращать внимания, поскольку колонизаторы-христиане имели перед этими людьми моральное превосходство, особенно численное. Просвещённые европейцы пронесли через море свою культуру, религию и социальное устройство. Недовольных быстро отправили лесом, благо лесов в тех местах изначально было много – тропики. К середине XVII века французские и испанские колонизаторы уже плотно засели на своих землях, обнесли угоды забором, основав стабильные поселения, табачные, сахарные, кофейные плантации. Любопытно, что более половины сахара и кофе, потребляемых в Европе, происходило именно оттуда. Кто же производил на острове продукцию, которую с таким изяществом потребляли европейцы? Кто работал? Святой Доминик? Работали рабы. Человеческий скот – это ещё мягко сказано. Условия труда и отдыха на острове были таковыми, что чернокожие мёрли на плантациях, как мухи. За год через Гаити проходило до 40 тысяч рабов. Пять лет оказывались критичным сроком, десять не выдерживал никто. Особая в тех местах царил социальная иерархия. Цвет кожи играл решающую роль. Чем больше белой крови текло в жилах человеческого существа, тем более человеческим его признавал социум. Безусловными людьми оказывались белые. На вторых позициях выступали мулаты – дети чернокожих и белых, лишённые права считаться полноценными людьми. Даже родившиеся свободными и белокожими, они не имели права вступать в брак с белыми, носить шпаги, надевать, смешно сказать, шляпы! Но они были лично свободны и уже могли

обладать имуществом, в отличие от чернокожих, чьим имуществом не считалась даже собственная кожа. Интересно, что к концу колониальной эпохи треть всех плантаций и человеческих ресурсов на острове принадлежала уже не белым, а как раз мулатам. Ещё интереснее, что именно мулаты становились наиболее жестокими рабовладельцами, беспощадными, хуже господ. Вот кто буквально сдирал кожу со своих братьев, принуждая к труду. Среди самих мулатов тоже ощущались различия в долях белой и чёрной крови, и была соответствующая классификация социальных гордынь. Существуют по сей день и мюстифы, и квартероны, и мюлаты, и гриффы, и марабу (это означает 7/8 негритянской крови), и каждый сам о себе знает, насколько сильно он чёрен. Существовали в те времена и свободные негры, и тоже старались записаться в рабовладельцы. Поэтому при любом историческом свершении на острове жителям нужно было крепко подумать, прежде чем прикинуть к тем или иным сражающимся: негр ли я или право имею?

Островом Невезения прозвали Гаити сами гаитяне. На эту тему у них даже были стихи, что-то вроде «Весь покрытый зеленью, абсолютно весь...». Казалось, на его пляжах кто-то расчленил томагавк войны. Все там воевали со всеми, даже европейцы, приехавшие разнимать негров с мулатами, начинали выяснять политические отношения. Дрались там с утра до вечера. Но самое странное: отстояв независимость от рабовладельческого строя, победители хватались за строительство «нового мира», но у них всё время получался какой-то старьёй.

В 1915 году на треклятом острове высадились американцы, захватив страну практически без нажима. Немудрено, поскольку эффективно сражаться бедные негры умели лишь в стиле контактного боя, а при виде огнестрельного оружия теряли интерес к войне. Но против оккупации гаитяне регулярно выступали. Местные вожди отстаивали право собственноручно угнетать гаитянское население. В конце концов, американцы пришли к выводу, что содержать Гаити с его побирающимся народом как-то глупо. При Рузвельте они бросили Гаити к чертям и убралась восвояси, после чего на острове возобновилось прежнее социальное устройство – рабство. Вот тогда-то и произошло то, что на долгие годы стало страшной сказкой Гаити – к власти в стране пришёл Айболит Дювалье.

Доктор едет-едет

Будущий правитель Гаити родился в столице страны, городе Порт-о-Пренсе, названном так в честь самого первого французского корабля, вошедшего в морской залив Гонав. Ныне город состоит почти из одних трущоб, не считая при-

легающей к морю исторической части. Ремонтировать развалины показалось не на что, некому и незачем. Гаити – самая бедная страна в мире. Её бюджет томится всем, чем может страдать государственный бюджет. Руины оставили до понедельника. На Гаити всегда ждали лучших времён, даже несколько раз уже дождался, однако времена каждый раз оказывались опять не те.

Когда в 1957 году в кресле президента Гаити расположился бывший доктор, министр здравоохранения Франсуа Дювалье, гаитяне возложили на него все накопившиеся за триста лет надежды. Говорят, Дювалье попал в своё кресло волей сторонних лиц из администрации США, но гаитяне на это не обратили внимания. Американцы впрямь интересовались Гаити, поскольку остров находился в двух шагах от Кубы. О том, как это происходило, писал участник тех событий, некто Роберт Джонсон, конечно шпион: «Мы встретились с Дювалье в небольшом доме в центре Порт-о-Пренса и беседовали около двух часов. У меня сложилось о нём довольно благоприятное впечатление. Папа Док был сама умеренность и здравый смысл. «Я считаю, что народом должен управлять сам народ и во имя народа», – сказал Дювалье в ответ на мой вопрос об основных принципах его политической философии. Я уже много раз слышал подобные заявления. Нельзя сказать, что мы оба искренне верили в это, но важно было притворяться и при этом понимать, что скрывается под словесной требухой. Относительно доминиканских соседей у Дювалье были тоже правильные мысли: добросердечные и корректные отношения. Я решил, что этот сельский доктор – нужный человек. Единственное, что меня беспокоило, когда я летел обратно, – это справится ли Дювалье с гаитянами».

«Сам народ» и понять не успел, кого и зачем он избрал. Да и есть ли на свете народ, который понимает, откуда очередной правитель падает ему как снег на голову? Дювалье же взялся за дело с огромным рвением, для начала возблагодарив небеса и некоторых из своих помощников. Раздав посты своим старым друзьям, он наобещал с три короба, небывалые дотолы свободы – слова, печати, мнений, собраний, свершений – и конституцию, непременно как в лучших домах. И первым делом, в качестве подтверждения своих обещаний, он переловил и принудил к молчанию лишних свидетелей своей прежней жизни. Каждому из них он привязал к ногам по тяжёлому камню и отправил прогуляться по дну залива Гонав. Обглоданных рыбами претендентов в министры потом регулярно находили ныряльщики в порту. Мертвецы покачивались на относительной глубине, колеблемые течением, стоя по стойке смирно, как на параде (грузило тянуло их вниз, не разрешая всплывать). Извлечённые из пучин тела опознали

по ботинкам. Так он поступил, к примеру, с двумя братьями, давшими ему в суровые годы приют, – юристом и врачом, каждому из которых он на словах заготовил по должности в своей администрации. Так же он отблагодарил католического священника, давшего ему приют в начале 50-х, во время военного переворота, когда будущему правителю приходилось скрываться.

Дювалье как человек культурный, грамотный осмыслил опыт прежних правителей своей страны и сделал чёткие выводы. Так, его предшественник, живший за полтора столетия до него, чернокожий генерал Дессалин объявил о независимости своей страны, он и назвал её по-индейски Гаити, хотя никакими индейцами в стране тогда уже не пахло. Дессалин подверг жесточайшему террору белое население острова, вырезав подчистую всех белых и средне-белых, включая детей и женщин, мулатов, и даже чёрных, возомнивших себя не такими уж чёрными. И это было первое в истории удачное восстание рабов, создавших свободное от белых государство чёрных. Но самозванный император сделал тактическую ошибку. Вот зря он всё добро захватил себе, а делиться ничем не стал. Были и другие, не менее заносчивые товарищи в его окружении. Убили они его чисто за справедливость, как не оправдавшего доверие – тоже мне император, вчера только с пальмы слез. Убили и съели. Или не стали – не важно. Дювалье отлично выучил его урок, ошибки не повторил. Он попросту успел первым. Он сам всех убил и съел. Чтобы не делиться.

Университетское образование не помешало Дювалье использовать в борьбе за власть и её удержание самые крокодильи методы. «Власть в руках Папы Дока была подобна топору сошедшего с ума мясника, бьющего без разбора по врагу и по другу», – заметили наблюдатели. Медицинский факультет Гаитянского университета он окончил в 1932 году, после чего, как раз во времена американской оккупации, поступил работать в американский госпиталь, чтобы лечить своих соотечественников. Как перспективного врача его пригласили в Мичиганский университет, доучиваться. И учился! И получал знания. Склонял тогда ещё совершенно чёрную шевелюру над учебником анатомии и физиологии, что-то прищёптывал розовыми губами, время от времени протирал запотевшие очки. Почему-то они у него часто запотевали без видимых причин. Человек в очках всегда выглядит беззащитнее окружающих. Никто из его товарищей, его преподавателей и однокашников и представить не мог, что делит аудиторию с человеком, который войдёт в первую десятку самых кровавых правителей XX века. За 14 лет своего правления Дювалье лишил жизни более 50 000 соотечественников, и 300 тысяч покинули страну. Став президентом Республики Гаити, он

моментально запретил политические партии, закрыл оппозиционные издания, разогнал профсоюзы, выслал из страны всех священников и закрыл все церкви. Крутовато взялся, но это было только самое начало.

По гроб жизни

Сперва по стране поползли таинственные слухи. Чушь, конечно, ужасная, но лишь на европейский слух. Вроде как из могил стали исчезать мертвецы.

Не старые такие мертвецы, а те, что похоронены недавно, и вдобавок молодые – не старше сорока лет. Приходят родственники на кладбище помянуть покойничка, а могила раскопана, гроб пропал. Родственники, конечно, в обморок, слёзы, крики – кто? куда? Кладбищенское правление только руками разводит – поищите, может, куда уполз? Обычное дело – зомби! Потом хуже – гробы стали находить открытыми и пустыми. Иной раз

даже до кладбища дело не доходило – тела стали исчезать на этапе между больничной койкой и моргом. Допустим, сообщают родным из больницы, что их родственник скончался, а тело не отдают. Нету, говорят, исчез! Кто видел? А никто не видел. Напишите заявление в полицию. Больничный персонал молчит, только глаза таращит. В полиции же внезапно встречаются крайне неласково, провожают ещё того злее – до синяков некоторых проводили. Настолько, что желание дальше разыскивать мёртвое тело пропадало навсегда. Вот как в своих «Комедиантах» описал подлинные события гаитянской жизни писатель Грэм Грин. Похороны министра социального благоденствия были прерваны явлением лиц, не званных на эту церемонию. Вот что они сделали: «...вытащили из катафалка гроб и понесли его к своей машине. Они втокнули гроб в багажник, но он высовывался из него чуть не наполовину, поэтому они накрепко, не торопясь, привязали гроб верёвкой. Спешить им было некуда, им ничего не грозило, власть тут была их. Мадам Филипо (вдова. – Прим. авт.) подошла к катафалку и так униженно, что нам было стыдно, стала умолять, чтобы они взяли и её... Говорила мадам Филипо слишком тихо, чтобы слышать слова, но я понял, о чём она просит, по её жестам. Быть может, она предлагала им деньги за своего покойника; при диктатуре у человека можно отнять всё, даже мёртвого мужа. Они хлопнули у неё перед носом дверцами и двинулись вверх по шоссе; гроб торчал из багажника, словно ящик с фруктами, который везут на базар». Автор этих строк описывал реально виденную своими глазами сцену, в которой участвовали его хорошие друзья. Грин неоднократно бывал на Гаити, поэтому своей лучшей роман создал столь достоверно, снискав у Дювалье для себя литературную критику. «Книга написана плохо, – писал в принадлежащей ему самому столичной газете Le Matin правитель. – Как произведение писателя и журналиста она не имеет никакой ценности». Он засыпал Грина ругательствами: «Лжец, кретин, стукач, психопат, садист, извращенец, законченный невежда... лгун, каких мало... позор благородной и гордой Англии... шпион... наркоман...», из чего писатель сделал лестный для себя вывод, что его произведение попало в цель точнее серебряной пули.

Вопрос же, куда, собственно, на самом деле исчезали тела, повис в воздухе. Циркулировали, правда, слухи о том, что повелитель Гаити заключил с каким-то американским институтом физиологов контракт, по которому продавал гаитянских покойников «для опытов». И некоторое время люди в это верили, до тех пор, пока однажды

► Династия Дювалье: Франсуа и его сын Жан-Клод, прозванный в народе Бэби Док

кто-то из родственников исчезнувшего покойника не встретил своего усопшего год назад дядюшку совершенно живым, и в форме гаитянского полицейского, которых по известной причине прозвали «тонтон-макутами». «Тонтон» в переводе с креольского и означает «дядька», а «макут» – «джутовый мешок». Дядька с мешком!

Слухи, как известно, не рождаются на пустом месте. Дело в том, что главной островной религией, которую островитяне пользовались как опорой в жизни, был и остаётся вудуизм. А вудуизм – это вам не в Санта-Клауса верить (хотя он тоже ходит с мешком, но совсем по другой причине). Вудуизм опирается на самое мрачное и тёмное место в душе любого чернокожего – место, о котором никто ничего толком не знает, но каждый в душе чувствует – оно существует, стоит закрыть глаза, и ты его почувствуешь. Страшные призраки живут там. Фредди Крюгер, мёртвые девочки, зловещие мертвецы и зомби! Зомби там селятся особенно густо.

С самого ли начала Айболит Дювалье придумал эту сказку или она возникла у него в процессе, шаг за шагом, слой за слоем обрастая всё новыми кровавыми подробностями, теперь, наверное, не знает никто. Но о самом себе он сказал народу, что он, как первое лицо в государстве, будет теперь и верховным жрецом основной государственной религии. Это он удачно придумал, поскольку церковь и государственная власть в его лице слились воедино, не надо было платить зарплату отдельному патриарху. Так он и сказал: «Я – знамя Гаити, единое и неделимое». Эту реплику во времена его правления можно было прочесть на каждом заборе в стране. Она и сейчас всё ещё кое-где читается, как у нас «Народ и партия едины». Он официально наградил себя всеми возможными титулованиями, какие смог извлечь из народных сказаний. Бароном Субботой, Солнцем Гаити, Королём Счастья, Радугой Небосвода, Апостолом Братства, Благодетелем Добра, Помазанником Африканских Богов, Повелителем Зомби, Верховным Жрецом и Колдуном. Тихой сапой оказалось, что он, как верховный колдун, окружён целой сворой колдунов поменьше рангом. Кстати, Дювалье почти сразу по приходу к власти упразднил действующую армию, взамен которой создал военизированное образование «тонтон-макуты». Эта организация просуществовала до 2000 года, а её остатки стихийно перестроены в пущу того – «армию каннибалов».

«Тонтоны» – вот кто стал гаитянским ужасом на крыльях ночи. Подобно «чёрным воронкам» сталинских времён, они являлись к мирным людям по ночам. Стук в дверь, и они уже здесь, стоят на пороге. Вроде как зрительно это были просто крепкие чернокожие мужики, но все они даже ночью ходили в тёмных очках, скрывающих

глаза, в джинсовых рубашках, плюс мачете на поясе и шляпа на голове. Ужас состоял в том, что в этих черноочешниках люди стали узнавать недавних покойников, исчезнувших накануне. Было ли так на самом деле? Или у страха глаза велики? Достаточно одного напуганного вусмерть обывателя, рассказавшего о подобной inferнальной встрече, чтобы страх принял масштабы эпидемии. Вели же себя «тонтоны» крайне развязно, будто ни бога, ни чёрта не боялись. Приход в дом «тонтонов» почти всегда означал смерть. Где ваш сосед? – спрашивать не имело смысла. Так умер, например, добрейший доктор Мажио, в реальности – министр здравоохранения при Дювалье, к которому подослали крестьянина, вызвавшего доктора к больному младенцу. Мажио, вышедшего за порог, «тонтон-макуты» застрелили, не выходя из машины, без суда, без следствия, но при свидетелях. Заодно они убили и своего посыльного – крестьянина. Они карали смертью сограждан без малейшего колебания. Причём самыми зверскими способами вроде перерезания горла. Немудрено, что народ признал в «тонтонах» не только покойников, но и натуральных зомби. А уж что есть зомби, это на Гаити не вопрос.

Зомби – не обязательно оживший мертвец. Это может быть просто человек, поработанный колдуном. А вуду, к слову, не совсем религия. Вуду – это магия. И она является основой гаитянской жизни. Без магии на Гаити не могут ни родиться, ни умереть, ни суп сварить, ни сбегать по нужде. Кстати, там до сих пор повсеместно отсутствует канализация, даже в столице. Что же касается религии, то её гаитяне в душе считают забавной выдумкой европейцев. Сказки! Ну как можно всерьёз верить в каких-то там персонажей, неизвестно когда живших и не имеющих к современному реалиям никакого отношения? Но поскольку ещё в колониальные времена чернокожие усвоили – европейцы не могут жить без какой-нибудь религии, то большинство из них как бы официально исповедуют католицизм, протестантизм, ислам или любую из альтернативных – баптизм, адвентизм, иеговизм и так далее. Одновременно с этим все они практикуют магию, с которой жили их предки. Незвестным образом в негритянской душе уживаются Христос, Дева Мария, святые апостолы, а также зомби, жрицы мамба и бабай. Таким образом, привратник святой Пётр стал у них Папой Легба, святой Патрик – повелителем змей Дамбалла, а Дева Мария – Эрзули Дантор, богиней любви и плодородия. Не прошло и трёхсот лет, как христианство и вудуизм сплелись на Гаити в братских объятиях.

Конечно, с чем едят вудуистов, Папа Док знал как никто другой – сам вудуист. Магия оказалась лучшим способом держать в повиновении людей – достаточно лишь примерить на себя личину вер-

ховного божества и убедить всех, что ты и есть Он. Франсуа Дювалье гениально разыграл эту карту. Большинство гаитян до дрожи боятся жрецов, чем выше рангом, тем страшнее. Они с огромным удовольствием участвуют в ночных церемониях вуду, только что днём посетив христианские храмы. Ночью же они усердно пляшут под ритм барабанов, распивают ритуальные напитки и теряют контроль над собственным телом, добровольно отдавая во власть духов. Посещение духом смертного тела считается великим благом, поскольку божества вуду не имеют иной возможности посетить земной мир, кроме как зайдя в тело человека. Охваченные магическим экстазом люди себя не имеют. Они закатывают глаза, у них происходит полное размыкание с реальностью, меняются голос и движения, они несут околесицу, пляшут, поют, на раз откусывают зубами головы домашним животным, хлебуют спирт с перцем – в общем, по-своему веселятся. Утром, как ни в чём не бывало, они отправляются на работу – те из них, кто имеет счастье предаваться труду. Остальные отправляются на поиски средств к существованию.

Между тем «тонтоны» были не кем-то извне, не наёмниками с обратной стороны Земли, они были кровь от крови и плоть от плоти самой гаитянской нации. И они, как ни смешно, тоже занимались поисками средств к существованию. «Тонтоны» ведь не получали жалованья и существовали, как тараканы, на самоокупаемости. Зомби не нуждаются в материальном. Следствием стал необъяснимый террор. Фактически они могли напасть на любого мирного жителя, чтобы отобрать у него понравившееся имущество, а вовсе не по политическим или идейным мотивам. Министр социального благоденствия впоследствии признавался, что его ведомство имело приказ убивать ежегодно не менее пятисот человек. Лучше – больше. Население Гаити стало их «полянкой», их пастбищем и нивой, которую они окучивали как умели, собирая дань. Дювалье сумел создать в собственной стране ситуацию, что одни обездоленные пожирали других, в полной уверенности, что творят справедливость. Для самих «тонтонов», понятно, не от хорошей жизни надевших чёрные окуляры, не было лучшего способа переложить ответственность на другого. «Не надо думать, с нами тот, кто всё за нас решит». Дети рабов и внуки рабов в силу воспитания не умеют отвечать за свои поступки и при первой же возможности отказываются думать.

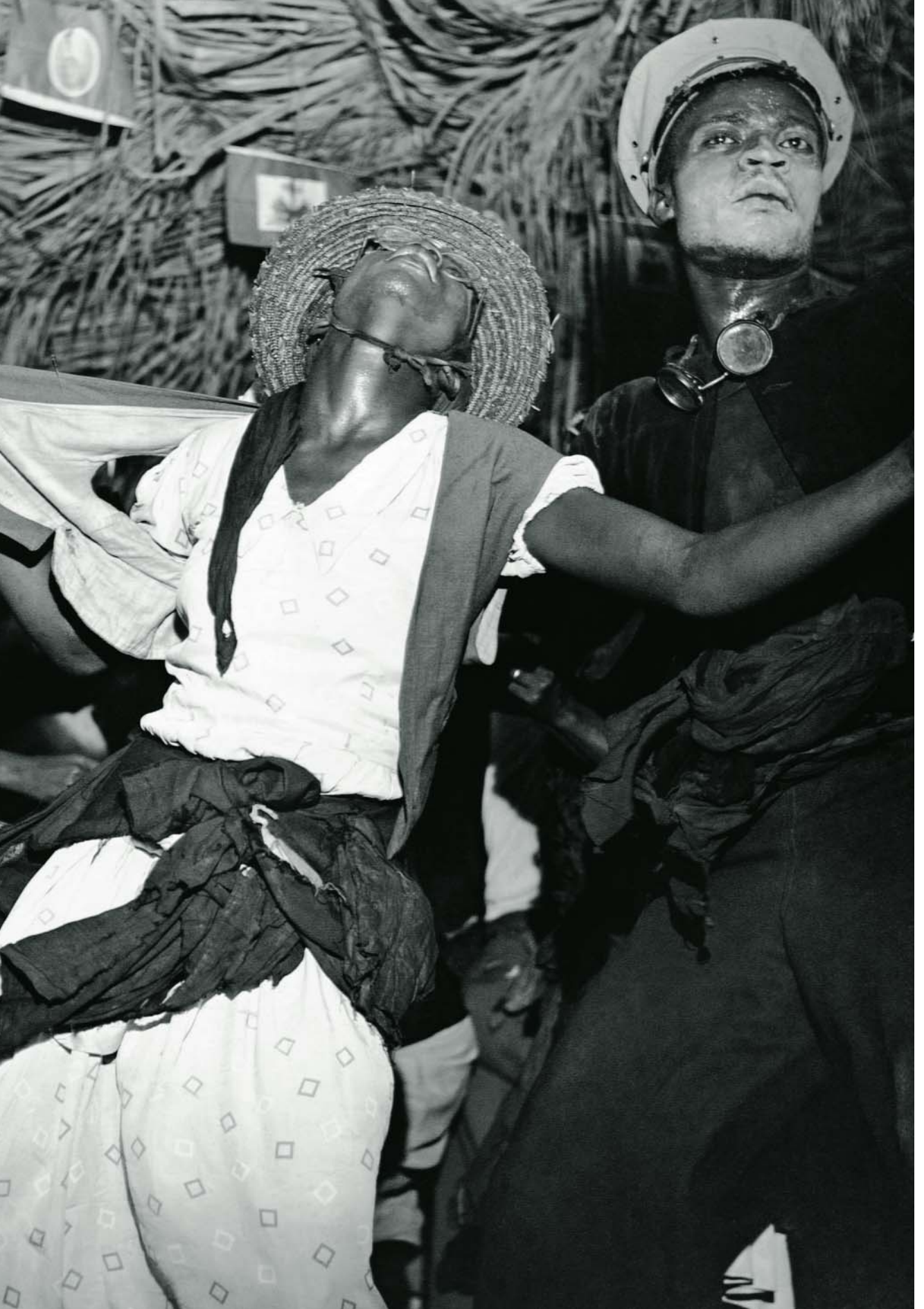
Главное, они почти ничего не знали о самом своём правителе. Грэм Грин подчёркивал эту особенность. Правитель как бы не существует, он всё время за кадром. Он сидит в своём дворце, но о том, что он там делает и о чём думает, простые люди могут лишь догадываться. «Тонтоны», как окровавленные пальцы правителя, действуют от его имени и благословения. Они – мертвецы, а он –

Барон Суббота, их властелин. День мёртвых – его праздник. Толпы гаитян в этот день тащат свои бранные тела на кладбища, на могилу, посвящённую Барону Субботе. И они всю ночь страшно бесятся, празднуя, поют, пьют, курят и всякое такое – в его честь. Они пьют ром с перцем и поливают друг друга из бутылок, призывая дух Барона Субботы. Признаки, по которым его можно узнать, – чёрная шляпа, чёрный костюм и сигара. Крест на могиле Барона Субботы – это не христианское распятие, а известный во всех культурах знак перекрёстка дорог. Шляпа или череп – его голова. У него есть жена Мама Бриджит (Лоа). Вместе они – мать и отец, которые преобразовывают души мёртвых в переходных существ – зомби.

Придя к власти, Дювалье до невозможности раздул культ вуду. Главным образом за счёт пиара своих «тонтон-макутов». Отыгравая стиль зомби, эти люди, набранные из уличных разбойников, эдаких «пацанов с района», всегда мечтавших безобразничать безнаказанно, культивировали устрашение мирных граждан. Прикрыв глаза и душу тёмными очками, они бесчинствовали буквально как злоеущие мертвецы. Зомби – тот, кто, не рассуждая, выполняет приказ. Оживлённый магией вуду мертвец ни за что не отвечает. Он убивает, не чувствуя стыда, раскаяния, сожалений. Неразумный, но целеустремлённый, он является орудием в руках колдуна, пославшего его. Зомби не слышит мольбы о пощаде, он неумолим. Бессмысленность убийств, совершаемых мнимыми зомби, устрашала людей сильнее, чем любое осмысленное зверство. «Тонтоны» без разговоров вешали неудобных, принародно, в публичных местах, и не разрешали родственникам убитых неделями снимать трупы. Массовые казни Дювалье со временем стал оформлять в народные гулянья. По ночам, в свете факелов или софитов, на кладбищах, среди могил, всё это выглядело очень празднично. На эти зрелища сгоняли любоваться школьников, они заканчивались дискотекой.

Выполняя роль тайной, а также и явной полиции, став твердыней самой власти Дювалье, за годы его правления «тонтон-макуты» уничтожили сотни тысяч сограждан, без особых причин, просто из кровожадности. В сущности, там и убивать-то было некого и не за что, потому что ни у кого из гаитян толком не было ничего, кроме пластмассовых тапок. Но «тонтоны» убивали всех, кто рисковал хоть как-то высказывать своё мнение относительно действующей власти. Пожалуй, именно на Гаити тирания вылилась в самую кристальную из своих форм. Карательные мероприятия, направленные против своих своими же, происходили там полностью открыто.

Кстати, не следует думать, что вуду и весь этот зомбизм-момбизм – сугубо африканское страшное. С наступлением эры массовых переселений

► Культ вуду в действии.
Обряд выполняется с размахом и бешеным
темпераментом, свойственным гаитянам.
1950 год

народов вуду вошло в культуру всех стран понемногу. В США и на Кубе его зовут «сантерия», в Бразилии – «макумба». В Нигерии, Сенегале и Бенине вуду было всегда, никуда не девалось. Полагают, что сейчас во всём мире насчитывается около пятидесяти миллионов его приверженцев. Культ процветает. Он популярен и лёгок в исполнении, может быть воссоздан в однокомнатной квартире. Чтобы стать адептом вуду, не нужно общей культуры, не нужно быть грамотным, изучать Святое Писание, религиозное искусство, даже уметь петь псалмы не надо. Достаточно просто прийти и убедиться: магия работает.

Существуют ли реальные зомби? И кто они такие? Говорят, на Гаити их пруд пруди. Вполне возможно, что это просто психические больные, содержание которых в соответствующих лечебницах на Гаити не принято. В неблагоприятных социумах сходят с ума все, имеющие малейшую склонность. Бедняги шлеются по острову, заходя в хижины таких же обездоленных сограждан, иной раз их и оставляют ради помощи по хозяйству, а соседям объявляют, что вот-де с кладбища явился усопший дядя, или дедушка, или сосед. Морочат друг другу головы. Говорят, что при минимальной сноровке соорудить зомби может любой, даже самый слабый колдун, если под руку ему подвернётся мертвец.

Вообще, на Гаити любят мертвецов, без напряжения с ними якшаются, верят в воскрешение, как будто сами там побывали, и при любом удобном случае изображают из себя выходцев с того света. Колдуют помаленьку кто во что горазд. Когда американский президент Джон Кеннеди имел неосторожность пожурить Дювалье за коррупцию и воровство, после чего перекрыл поступление магпомощи, к которой диктатор привык, как к материнской груди, Папа Док в отместку демонстративно исколот иголками от реликтового кактуса восковую куклу, изображавшую Кеннеди. Через месяц Ли Харви Освальд, мужчина с винтовкой, отправился в Даллас. Что там было – каждый помнит. Преемник покойного президента спешно восстановил денежный поток в сторону Гаити. Хотя вообще-то американцы с европейцами не верят в вуду. Может ли здравомыслящий человек верить, что колдун лохматый, невымытый вызывает демона войны?

В 1961 году в Гаити произошли президентские перевыборы, подкреплённые активными действиями «тонтонов». Выборы прозвучали опять-таки в пользу действующего колдуна, теперь уже никто не сомневался в необходимости подобного выбора, поскольку все сомневающиеся давно висели на городской стене. За строгого, но справедливого Папу проголосовало сто процентов населения. Ещё через три года после проявления истинного единодушия разыграли всенародный плебисцит.

На бюллетенях напечатали декрет, провозгласивший Дювалье президентом до конца его дней. На вопрос «Согласны ли вы?» – тут же крупными буквами был напечатан ответ: «ДА». Чтобы проголосовать против, нужно было написать «нет» своей собственной рукой, а это означало, что нынешней же ночью к вам в дом постучат зловещие мертвецы и на ваши крики соседи только поплотнее запрут свои двери и ставни. Так Дювалье стал пожизненным президентом. А гаитяне осознали, что это навсегда и так даже лучше. Единственный способ избавиться от жестокого Папы – иметь своего собственного.

Подобно многим просвещённым правителям, Дювалье писал километры прозы – не сам, конечно, а нанятые печатные машинки. «Мысли Дювалье» – называлась обязательная к прочтению брошюра, принудительно распространявшаяся среди земляков. Отсутствие в доме подобного литературного произведения часто стоило жизни простым гаитянам. «Тонтоны» могли спросить наугад цитату из этого произведения, и, если несчастный оказывался не способен процитировать по памяти ни одного фрагмента, того без разговоров лишали жизни. Сборник же речей Дювалье стоимостью 15 долларов обязан был приобрести каждый работающий гаитянин, из жалованья автоматически вычитали сумму. Тем временем тысячи простых гаитян скатились за черту бедности. Известно, например, что жители района, расположенного между Порт-о-Пренсом и Кап-Аитьеном, продавали собственных детей – в рабство или на органы – не имело значения, родители лишь надеялись, что покупатель их хотя бы покормит.

Тем временем во дворце подрастал премиальный кудрявый малыш, пухленький, хорошенький, как шоколадный заяц. Умирая, Дювалье переписал конституцию Гаити, и его сын Жан-Клод стал наследным президентом. Дювалье не покладая рук ковал тому наследство. Его официальное годовое жалованье составляло 20 тысяч долларов – копейки, особенно при президентском образе жизни. Надо было как-то соответствовать. Так, например, всю материальную помощь, оказанную ему американцами, он тратил на собственные нужды. Его любимым стилем сделок с совестью была торговля недвижимостью, причём покупал он её задёшево, иногда и даром забирал. А продавал очень дорого, причём фактически самому себе, то есть она выкупалась из бюджетных средств, для нужд государства. Так, например, в 1968 году он купил два имения за 575 тысяч долларов. В другой раз продал один из своих домов государству, но уже за 600 тысяч долларов, притом что все знали – купил втрое дешевле. Будущность Бэби Дока улучшалась стремительными темпами. Семья Дювалье вскоре завладела множеством поместий, имений, вилл, просто домов, которыми

она торговала туда-сюда, каждый раз с прибылью для себя и с дырой в бюджете. В долине Арказ, например, Дювалье завладели сотнями гектаров лучших земель, которые крестьяне возделывали задаром. Вскоре состоянием Дювалье составило миллионы долларов, которые он рассказывал по различным карманам. Швейцарские банки не читают моралей своим клиентам.

Но ведь не одним Гаити сыт был президент острова Невезения. Например, его жена, которую народ называл Мама Док, бывшая медсестра по имени Симона, первая леди Гаити, обожала Францию и предпочитала покупать недвижимость именно там. Не обошлось и без Швейцарии. И всё это на фоне страны, в которой того и гляди начнётся каннибализм. Мама Док поддерживала Папу во всех его начинаниях, как им покрепче взяться за свой народ. Одновременно она старательно играла роль доброй мамочки. Например, она обожала благотворительные акции вроде посещения сиротских домов, обездоленных семей и раздачи бесплатной похлёбки. Как позже выяснилось, Мама не напрасно старалась, организовав семье плацдарм для отступления. Когда её любимому Жан-Клоду пришлось убежать с Гаити, чтобы его не разорвали на клочки зомби-крестьяне, он отправился именно во Францию. Прихватив с собой 800 миллионов долларов, он вполне комфортно разместился в Европе, в которой имел недвижимости едва ли не больше, чем на родном острове. Историки до сих пор удивляются, откуда в казне острова заваялась такая сумма, не иначе как Бэби Док тайно торговал кожей, содранной с соотечественников. Больше-то у них ничего своего не было.

Бэби Док сел в папино кресло осенью 1971 года, когда папа безвременно покинул этот мир в результате сердечного приступа. Девятнадцатилетний толстяк весом в сто тридцать килограммов – подобной массы тела хватило бы, чтобы сострять не менее трёх гаитян. Вот как его описывали современники: «Лицо кругло, как арбуз, и выразительно, как арбуз, глаза – чуть видные щелочки, шея и вовсе не видна – она слишком коротка и того же диаметра, что и голова. Всех интересуется, насколько он умён, Бэби Док. Его бывший, донельзя запуганный профессор утверждает, что если хорошенько присмотреться, то во взгляде Бэби Дока заметна некая искорка... Ещё не так давно он учился на первом курсе юридического факультета. На лекции приезжал на джипе из гаража «тонтон-макутов», личной гвардии Папы Дока. В аудитории всегда появлялся в сопровождении капитана Просперо Аврила, привычно швырявшего на стол вместо книг пистолет. Университету, впрочем, Бэби Док предпочитал ночной клуб, где он обычно появлялся с восьмью друзьями».

О том, что Бэби Док чрезвычайно глуп, мир догадался не сразу. Сперва он попытался укло-

ниться от интервью, сразу после восхождения на гаитянский трон. А согласившись, он зачитал свою «тронную» речь по бумажке, по сути оставив журналистов с носом. Грузный, молчаливый, он восседал неподвижно, выслушивая хвалебные эпитеты, которыми крыл его министр информации. Потом монотонно, зависая на запятых, он прочёл следующее: «Мир был потрясён известием о моём назначении, поскольку он не знаком с гаитянской действительностью, но всё произошло самым законным образом по решению парламента... Мой отец выбрал меня, и его выбор был одобрен народным референдумом... Народ Гаити почти единодушно отдал свои голоса мне... Конечно, я сам судия своих решений и не позволю кому бы то ни было вмешиваться в них, что не мешает мне прислушиваться к мнению моих помощников...» На этом эпохальное интервью закончилось.

Бэби Док просидел на троне 15 лет. Он масштабно продолжал грабить народ, хотя и не душил его с таким проворством, как отец. В сущности, это был совершенно пустой человек, озабоченный лишь собственным карманом. Этот просто жил, с аристократическим размахом, с молодой красавицей-женой, поглощая все ресурсы государства, ни о ком, кроме самого себя, не заботясь. Гаитяне терпели, даже когда он обложил их налогом на морские приливы, свергнув диктатора лишь в 1986 году, после чего тот сбежал, украв последние деньги, какие смог найти. Он ещё долго процветал на награбленные средства, гаитяне даже знали где – на Лазурном Берегу, вилла «Вальюрис». Странно, что никто из пострадавших на него физически не покусился. Потом соотечественники как-то сумели достучаться до банкиров, арестовав счета Бэби Дока, после чего толстяк исчез и с Лазурки.

Умер Дювалье-младший только в 2014 году, от семейного инфаркта. После четвертьвекового изгнания он имел счастье вернуться на родину и покинул сей мир под папиным одеялом, в собственном доме, в столице своей родины Порт-о-Пренсе. А его соотечественники продолжили то, чем занимались с основания Гаити их предки, – борьбу за свободу. Они и сейчас всё ещё за неё борются, время от времени одерживая победу. Поэтому посещать Гаити небезопасно и едут туда в качестве туристов разве что совсем сумасшедшие. На Гаити пыльно, очень грязно, ни одного приличного пляжа, красоты побережья завалены отходами и отсутствует канализация.

Место, задуманное как райский уголок, на деле лишь несбыточная мечта. И мечта эта – свобода. Свобода! Как песчаный замок, целая страна на песке, она смывается приливом. И строится вновь. Каждый раз в точности такая же, как предыдущая. ☉

—❖ ЛЕГЕНДА ❖—

Белый генерал

В тридцать с небольшим Михаил Скобелев стал настоящим национальным героем сразу в двух странах. Почему не боявшегося пуль и снарядов смельчака сразил злой умысел политиков?

ИЛЬЯ НОСЫРЕВ

1874 год. На горных отрогах Пиренеев прячутся крохотные, но очень злые отряды карлистов. Ещё бы не быть злыми – ведь в обход закона вельможи возвели на престол дочь усопшего короля Изабеллу, а не брата его дон Карлоса! Правительство шлёт в горы вооружённые до зубов отряды, но всё тщетно: мобильные группы карлистов раз за разом дают прикурить правительственным войскам. Всё как у Козьмы Пруткова: «Девять лет дон Педро Гомец, по прозванию Лев Кастильи, осаждает замок Памбу»... Горные гнёзда карлистов так хорошо защищены, что даже просто увидеть одно из них – непросто. Но вот на одном из сторожевых постов пойман молодой человек, по виду иностранец. Со связанными глазами его доставляют к главарю карлистов Мартинесу. «Шпион?» – спрашивает мрачный Мартинес. «Нет, русский офицер», – отвечает пленник. Его рассказ обескураживает. По правде, ему глубоко начхать на весь этот латиноамериканский политический сериал, просто его заинтересовал редкий пример войны в условиях гористой местности. Взбешённый Мартинес едва сдержался, чтобы не расстрелять дерзкого русского: хочет бродить под пулями, пусть бродит. Русский оказался отважным и неутомимым исследователем: сопровождал отряд с записной книжкой, наблюдая, как возводятся укрепления в горах, как организована доставка по горным тропам пушек и боеприпасов. Расстались Мартинес с этим русским, каким-то Скобелевым, почти друзьями – мог ли отважный партизан знать, что совсем скоро эта фамилия попадёт на страницы всех европейских газет?

...То, что у Михаила Дмитриевича Скобелева блестящее военное будущее, можно было не сомневаться с самого начала: даже родился он в Петропавловской крепости, комендантом которой был его дед, генерал от инфантерии Иван Никитич Скобелев. Персонаж фантастический – Иван Никитич, бедный дворянин, заслужил свой чин редкостным героизмом: ещё во время войны со шведами участвовал он в знаменитом переходе по льду пролива Кваркен, когда отряду молодого Баркляя-де-Толли удалось внезапно возникнуть из снежной бури и принудить Швецию к сдаче. В этой войне Иван Никитич, казалось, стал безнадежным инвалидом: был контужен да вдобавок потерял два пальца правой руки – крест на карьере стрелка. Вышедши в отставку, он служил полицейским приставом, однако нашествие войск Наполеона не позволило ему остаться в стороне. Сутки напролёт он просиживал в приёмной Кутузова, и наконец улыбнулась ему солдатская фортуна: главнокомандующий взял его к себе ординарцем. Иван Никитич будет служить Кутузову до самой кончины полководца: именно он доставит его останки на родину из Пруссии, оркестр именно его Рязанского полка прогремит на Мон-

мартре «Гром победы, раздавайся!». И лишь польское восстание положит конец его службе. Неприятельское ядро лишит его руки – и, назначенный комендантом Петропавловской крепости, он будет пописывать повести под псевдонимом «Русский инвалид» и собирать на своих пирушках литераторов – Глинку, Кукольника, Булгарина с Гречем.

Вот в такой семье родился Миша. Его главным наставником был дедов приятель – ключарь Петропавловского собора Григорий Добротворский, который катал отрока на спине, изображая боевого коня. Однако, когда Мише исполнилось шесть, дед умер, и лёгкая жизнь закончилась. Желая, чтобы сын привык к дисциплине, отец Дмитрий Иванович, выпускник Кавалергардского полка, нанял гувернёра-немца, холодного садиста, который учил Мишу розгой. Через шесть лет такой учёбы наступила неожиданная развязка. Летом семья отдыхала в Спасском – родовом имении Скобелевых под Рязанью. Учитель пре-

рвал беседу Миши с соседской девочкой, в которую тот был влюблён, грубой затрещиной – и был озадачен полученной в ответ оплеухой. Поступок не мальчика, но мужа. И тщетно губернёр бегал жаловаться к отцу. Тот, видя, что метода варвар-педагога провалилась, дал ему расчёт.

Отец не считал Мишу пригодным для военной карьеры – не вышел ни телосложением, ни характером. Пусть занимается науками. Скобелева-младшего отправили в Париж – и тут ему по-крупному повезло: он попал в пансион к Жиранде, одарённому воспитателю, нашедшему в мальчике «душу возвышенную, искреннюю, полную жажды знаний». Мы редко задумываемся, насколько сильно влияют на наше мировоззрение впечатления детства. Кто знает, не этот ли контраст между двумя педагогами – жестоким немцем и сентиментальным французом – повлиял на то, что Скобелев в зрелые годы был сторонником союза с Францией, а Германию считал заклятым врагом России? Как бы то ни было, но под началом блестящего педагога Скобелев оказался не менее талантливым учеником: освоил восемь европейских языков, на которых мог и читать, и свободно говорить. Юноша легко сдал экзамены на математический факультет Петербургского университета. Правда, стать учёным Михаилу было не суждено. Из-за студенческих волнений университет вскоре был закрыт, и Скобелев вернулся домой. За год он вырос и возмужал, и отец впервые увидел его другими глазами. «А не определить ли его в кавалергарды?» – подумал он, и вскоре сын оказался в рядах юнкеров в том же полку, где когда-то служил и сам Дмитрий Иванович. Здесь он найдёт школу гусарской науки – попойки с приятелями, интрижки с дамами, безумные пари. Однажды на спор даже сиганул с третьего этажа – показывал молодецкую удаль. Конец веселью положило новое польское восстание: повстанцы нападали на русские гарнизоны, толпы громили дома русских жителей Варшавы. Советские историки будут представлять всё это борьбой за национальное самоопределение, но ведь в действительности мятежники ставили целью восстановление бывшей территории Речи Посполитой, собираясь отторгнуть от России не только польские земли, но и Западную Украину с Белоруссией. Сторону инсургентов приняла часть русских офицеров, увлечённых мечтами о новом, конституционном государстве, но Скобелев был не из таких. Верный заветам деда о служении Отечеству, двадцатилетний юноша пошёл волонтёром в войска – и вскоре за мужество в бою удостоился первого в жизни ордена. Участие в боевых действиях принесло перелом в его мировоззрение – он заинтересовался военной наукой. Поступив в Академию Генштаба, он начинает запоем глотать книги: стратегия, тактика, военная история, инженерные

науки. На выпускном экзамене Скобелев должен был найти маршрут переправы через реку Неман, подготовив письменный ответ. Когда экзаменатор вернулся к оставленному на берегу Михаилу, он пришёл в ярость: тот валялся на травке, предоставив вороному пастишь рядом. Бланк с картой был чист. «Так где же, сударь, место, выбранное для переправы?!» – взорвался профессор. В ответ Скобелев вскочил на коня, бросился в воду и переплыл реку туда и обратно. Пришедший в восторг профессор настоял на назначении Скобелева в Генштаб. Однако то, что для любого военного в его возрасте было несбыточной мечтой, для Скобелева оказалось подлинной каторгой: душа требовала подвигов, а не кабинетных размышлений. Он искал выход – и в результате напрасился принять участие в походе в Туркестан. Так он оказался на земле Средней Азии, которая принесёт ему первые военные подвиги.

Парк русского периода

В 90-е годы прошлого века, после того, как Узбекистан обрёл независимость, узбекские националисты любили порассуждать о том, что их народ – величайший в мире. Недаром и само слово «узбек» на их языке означает «сам себе господин». Ирония истории заключается в том, что в действительности название народа происходит от имени монгольского хана Узбека, которое позже принесли с собой кочевники Шейбанихана, огнём и мечом прошедшие по Туркестану. Нет сомнений, что Узбек был сам себе господином, а вот его подданные, названные по имени хозяина, были покорными рабами. История, поучительная для любого националиста. «Суверенный Узбекистан», у которого якобы похитили независимость русские, в XIX веке не был единым государством – только крупных стран на его территории было целых три: Хивинское и Кокандское ханства, а также Бухарский эмират. Территория каждого из них фактически представляла собой большой оазис с размытыми, терявшимися в пустыне границами. Да и узбеки не были единым народом – в древних городах жили сарты, жителей кишлаков называли просто тюрками. Собственно, осознавать себя нацией жители страны стали именно благодаря русским, как, впрочем, и многие из тех, чьи земли влились в состав Российской империи. До этого все политические образования были предельно эфемерны – ханы бесконечно воевали друг с другом, отбирая друг у друга земли и престолы, становились жертвами восстаний и дворцовых переворотов. Неудивительно, что со временем наиболее дальновидные из них задумались о том, чтобы искать поддержку шаткой власти за границей: хивинский хан Шах-нияз упрямил Петра Великого принять его в своё подданство. Послы расписывали царю богатства

своей земли: золота в Амударье много, как песку. Пётр, вечно искавший средства на войну, заинтересовался и отправил в далёкую Хиву экспедицию князя Бековича-Черкасского. Однако за то время, пока экспедиция шла по бесплодным пустыням, в Хиве уже успело смениться несколько ханов. Тот, что был актуален на время появления экспедиции в городе, не питал любви к неверным – под предлогом, что ему негде держать столько гостей, он расселил русских в пяти разных местах, после чего вероломные хивинцы поодиночке уничтожили каждый из отрядов. Голову самого князя владыка Хивы отправил в дар бухарскому эмиру. Извиниться за убийство послов пришлось уже новому хану – хивинские владыки пролетали по политическому небосклону, как лёгкие облака.

Впрочем, отношения между государями – это одно, а между подданными – другое. Купцы из Средней Азии приводили караваны в Поволжье, привозя хлопок, ткани и украшения, и зависимость от России росла. Когда при Николае I хан запретил торговать с Россией, цены на хлопок в Хиве подскочили в 2,5 раза, а на хлопок – столь же сильно упали. Враждебность к далёкому Петербургу, которая жителям ханства была невыгодна, подогревалась феодалами, понимающими, что вхождение в империю положит конец их вольготным походам друг против друга. Однако присоединить Туркестан было не так-то просто – прискорбным доказательством этому стал поход на Хиву генерала Перовского. Двигаясь по заснеженной степи в тридцатиградусный мороз, солдаты сотнями гибли от голода и обморожений. После двух с половиной месяцев бессмысленного путешествия Перовский вынужден был повернуть назад. Поход научил его многому: назначенный самарским и оренбургским военным губернатором, он будет возводить крепость за крепостью, осторожно продвигаясь в самое сердце Туркестана. Приехавший в Туркестан Скобелев с удивлением наблюдал эту страну, где время остановилось – ханы век за веком грабили земли друг друга, угоняя в плен местных жителей, чтобы продать их на невольничьих рынках. Местное население смотрело на русских с надеждой. Это хорошо понимал генерал-губернатор Туркестана Кауфман, которому хивинские купцы доносили, что местные недовольны запретом на торговлю с русскими. Кауфман, успевший повоевать и на Кавказе, и против турок, хорошо понимал психологию Востока: перед местными владыками он неизменно появлялся в блеске восточного паши – с пышной, в парадных мундирах свитой, под грохот военных оркестров. Именно здесь Скобелев оценил силу внешних образов: до конца жизни он будет водить войска в бой с развёрнутыми знамёнами, под бой барабанов и бодрые песни. Да и знаменитую белую форму он впервые наденет здесь.

Но пока на Скобелева, попавшего в войска в самый разгар подготовки похода на Хиву, боевые офицеры смотрели как на желторотика из Генштаба, и, чтобы внушить им побольше уважения, ему пришлось дважды драться на дуэли. Когда войско наконец выступило в поход, Скобелеву поручили командовать авангардом одного из отрядов. Под нестерпимо палящим солнцем пехота и казаки двигались по бесплодной пустыне. Задачей отряда было искать колодцы и оборонять их от нападений кочевников. «Вода – это жизнь», – гласит узбекская поговорка. Без драгоценной жидкости основная часть армии была бы обречена. Во время ночного нападения кочевников Скобелев получил семь сабельных ран и дальше ехал лёжа в арбе. Подойдя к городу, Кауфман попытался в последний раз договориться с ханом, однако залпы пушек красноречиво возвестили об отказе владыки. В ответ русские принялись обстреливать ядрами стены города, и вот уже скоро отряд Скобелева ринулся в брешь, возникшую в воротах. На улицах древней Хивы закипел жаркий бой. Сломив сопротивление защитников стен и башен города, Скобелев и его солдаты прорвались к ханскому дворцу.

Хан бежал, однако вскоре вернулся в город по великодушному приглашению Кауфмана. В беседе с генерал-губернатором он признавал свои ошибки, ругая дурных советников. «Великий Белый царь готов простить вас и оставить на престоле», – ободрил его Кауфман. Хивинский поход был закончен. На обратном пути Скобелев совершил дерзкую авантюру – с несколькими провожатыми из местных отправился на разведку колодцев, переодевшись туркменом. Офицеры были уверены, что прощаются с ним навсегда, однако через неделю он вернулся и нарисовал на карте маршрут с указанием колодцев и опасных мест. Состоявший в войсках живописец Василий Верещагин, с которым Скобелеву предстоит подружиться на всю жизнь, воскликнул: «Неужели вы никого не встретили на пути, кто бы признал в вас русского?» Скобелев раскрыл секрет: «Я всегда высылал вперёд моих джигитов, они заводили разговоры о том о сём, а я тем временем проскальзывал вперёд».

После непродолжительного отдыха в Европе (именно тогда он и поучаствовал в партизанской войне в Испании) Михаил вынужден был вернуться в Туркестан. Но уже не в Хиву, а в Коканд, где местное население свергло жестокого Худояр-хана, терзавшего народ непосильными налогами. Однако победу в восстании одержали не дехкане и ремесленники, а знать и муллы, посадившие на престол марионетку – старшего сына свергнутого хана Насреддина. Муллы поднимали народ на «священную войну»: пущенные по улицам проповедники-дerviши возглашали, что бедствия, кото-

Кокандъ. Продажа мѣстныхъ гончарныхъ издѣлій.

рые постигли их страну, проистекают от неверных, желающих обратить узбеков в христианство.

«Воины газавата» попытались взять гарнизон Ходжента. У крошечной горстки защитников не было сомнений, что жить им осталось недолго. Спас гарнизон Скобелев, внезапно подошедший к Ходженту с отрядом в две сотни человек и открывший по кокандцам шквальный огонь, обратив тысячи «воинов Аллаха» в беспорядочное бегство.

Кауфман понимал, что пламя, вспыхнувшее в Коканде, непременно перекинется на Бухару и Хиву. С шестнадцатью ротами и тысячей казаков генерал-губернатор выступил из Ходжента. Скобелев командовал кавалерией. Через три дня произошёл первый бой. Войско кокандцев превосходило отряд русских в двенадцать раз – пятьдесят тысяч против четырёх, однако Скобелев недаром в своё время грыз гранит тактической науки: он предугадал, что неприятель будет наступать тесным строем, и в начале боя пустил в ход артиллерию. В результате сражение сильно напоминало сцену из фильма «Аватар»: всадники в парчовых халатах, размахивая саблями, скакали на русские пушки, гремевшие без остановки. Залпы разметали ханскую конницу, и она вынуждена была отступить в город Махрам. Его взятие представляло собой непростую задачу, но Скобелеву удалось воодушевить солдат личным примером –

в числе первых он ворвался в город и кружил на коне по улицам, в капусту рубя многочисленных нападавших. В первые минуты боя он был ранен в ногу, но слез с коня лишь в тот момент, когда сопротивление кокандцев было подавлено.

Показательно, что остальную часть пути до Коканда русское войско проделало не просто без единой стычки – местные жители встречали солдат хлебом-солью, жалуясь на произвол хана. Они уже были наслышаны о великодушии отважного офицера: после боя он посылает медиков не только к своим солдатам, но и к раненым противникам. Насреддин подписал с русскими мирный договор, но, едва войска вышли из города, туда ворвался вождь кипчаков Абдуррахман Автобачи, сверг Насреддина и возобновил газават. Терпеливый Кауфман вышел из себя и отправил в Коканд новое войско, определив Скобелева начальником штаба. Здесь-то и пригодился Скобелеву опыт герильи, полученный в Испании, – ведь бои шли на узких улочках узбекских городов. Так, во время битвы за Андижан солдатам приходилось продвигаться по лабиринту глиняных заборов, из-за которых то и дело вели стрельбу враги. Получив чин генерал-майора, Скобелев повёл решающее наступление на Коканд. От кишлака к кишлаку, от города к городу шли легенды о заговорённом от пуль «белом генерале». Кокандцам было невдомёк,

что белый конь и белый мундир Скобелева – не только мера психологической атаки, но и удачный способ камуфляжа: фигура всадника сливалась с цветом летней степи, мешая стрелкам прицеливаться. После кровопролитного боя войскам удалось взять Коканд. Отныне Кокандское ханство было упразднено, а вместо него учредили новую область. По решению Скобелева, назначенного её первым губернатором, был основан новый город, названный Новым Маргеланом.

Трудная победа

Русские успехи в Средней Азии вызвали воодушевление в России – впервые после унижения в Крымской войне одерживались военные победы. А вот старый соперник России на Востоке Англия негодовала: в британских газетах расписывались зверства казаков, якобы насаживавших на пики кокандских младенцев и насиловавших женщин. Реакция неудивительная: английские войска, два десятилетия назад утвердившиеся в соседнем Афганистане ценой чудовищной резни, рассматривали Среднюю Азию как лакомый и легко доступный кусок. И вот незадача – её увёл у них прямо из-под носа противник, который ещё недавно казался им таким жалким! А французские газеты, между тем, цитировали слова Скобелева: «Мы за твёрдое будущее границ наших и не ищем чужих земель, но и не позволим английскому

штыку блеснуть в долинах Ферганы и Коканда». Британская пропаганда того времени – вещь любопытная: её умение преподнести читателю иллюзорный мир, где жестокость выглядит мило-сердцем, дикость – цивилизацией, а право других держав на существование – как преступление против человечности, задавало высокую планку для последующих западных пропагандистов (планку, которую они, впрочем, не раз превосходили). Например, будучи союзником Османской империи, просвещённая Великобритания постоянно замалчивала чудовищные зверства, которые турецкие войска творили в отношении балканских славян. И всё же безмолвие не могло продолжаться вечно. В 1876 году Европа пришла в ужас от жестокости, с которой было подавлено Апрельское восстание в Болгарии: убийство десятков тысяч гражданских – стариков, женщин, детей, сожжение почти сотни селений было новостью из ряда вон выходящей. Народы цивилизованной Европы словно проснулись, обнаружив у себя под боком «больного человека» – варварское средневековое государство, которое – о ужас! – всё это время поддерживали их собственные правительства. В защиту болгар высказывались Уайльд, Гюго, Дарвин, Гарибальди. Лорду Дизраэли, «большому другу турок», обе парламентские партии Англии устроили столь яростную обструкцию, что ему пришлось попогреться с политикой.

Кокандъ. Сарты передъ выборами въ Государственную Думу.

Если бы не реакция общественности и не умелые действия русской дипломатии, балканские славяне и румыны и по сей день бороться за независимость в составе Турции – как, например, нынешние курды. Война, объявленная Османской империи, вызвала небывалый патриотический подъём в России: добровольцами записывались даже седые ветераны. Семья Скобелевых отправилась на фронт почти полностью: отец и сын – в действующие части Дунайской армии, сёстры Михаила, Надежда, Ольга и Зинаида, стали сёстрами милосердия. Михаил Скобелев, возглавивший штаб казачьей дивизии, поступил под начало князя Имеретинского. «Белый генерал», прославившийся покорением Коканда, успел нажить себе немало завистников. Надо сказать, что в период между Крымской войной и войной с турками в российской армии происходили перемены к лучшему – возрастало новое поколение генералов и офицеров, лучшим представителем которого был сам Скобелев. Старое поколение считало основой победы правильно составленную перед боем диспозицию, а солдат считало слугами, которые должны покорно выполнять приказы. Скобелев как никто другой понимал, как важны во время боя понимание солдатом своей задачи и личная инициатива: бой никогда не идёт по плану, надо уметь использовать внезапно возникающие возможности. За время пребывания Дунайской армии под Плевной он досконально изучил местность при помощи смелых вылазок. Однажды турецкий часовой едва не прошёлся по головам затаившихся в зарослях винограда Скобелева и его казаков. Военные старой закалки считали смелые авантюры Скобелева мальчишеством, а его дружеские отношения с солдатами – недопустимым панибратством. Однажды генерал жёстко отчитал офицера, посмевшего бить солдата: «Солдат должен гордиться тем, что он защищает свою Родину, а вы этого защитника, как лакея, бьёте!»

Провальность прежних подходов к командованию ярко проявилась по время осады Плевны. Этот город, превращённый одним из лучших турецких генералов – Осман-пашой – в хорошо защищённую крепость, стал для Дунайской армии костью поперёк горла: турки с лёгкостью отбили два штурма, нанеся русским потери. После первых успехов русские войска приуныли. У начальника штаба Павла Зотова не было никаких идей, как взять крепость, не имел их и князь Имеретинский. Видя замешательство князя, Скобелев принялся убеждать князя, что ключом к Плевне может стать близлежащий город Ловча, от которого турки подвозили к Плевне

вооружение и продовольствие. Имеретинский махнул рукой и поручил Скобелеву командовать штурмом: получится – отлично, не получится – сам виноват будешь. Скобелев не только взял Ловчу, но и выбил турок из редута, воздвигнутого по дороге в Плевну. Радостный Имеретинский дал телеграмму царю. Имя «Скобелев» повторяла в те дни вся столица. Зотов, желая обелиться в глазах императора за первые два штурма Плевны, стал готовить третий. Скобелев пытался убедить командование, что момент для взятия города упущен – на выручку Осман-паше успели подойти подкрепления. Однако штабные теоретики и слушать не хотели: по диспозиции, артиллерия должна была разбить укрепления Плевны, после чего войска захватят ближайший к городу Гривицкий редут и овладеют Плевной. Как и ожидал Скобелев: пушкам не удалось нанести существенного урона укрепления Плевны. Наконец с помощью отряда Скобелева удалось взять редут. Генерал понимал, что до подхода подкрепления и речи о продолжении штурма быть не может. Но штаб, давший генералу невыполнимую задачу защищать редут, и не собирался посылать никакого подкрепления. Наступил новый день, и солдаты, сидевшие в редуте, оглохли от шума барабанов и диких криков: в атаку вёл турецкие войска сам Осман-паша! Отряд Скобелева отстре-

▶ Генералитет русской армии. Город Бяла. 1877 г.
▶ Мастерские возводят шатры для армии. Село Горна Студена. 1877 г.

ливался как мог, но вынужден был отступить по залитой кровью дороге.

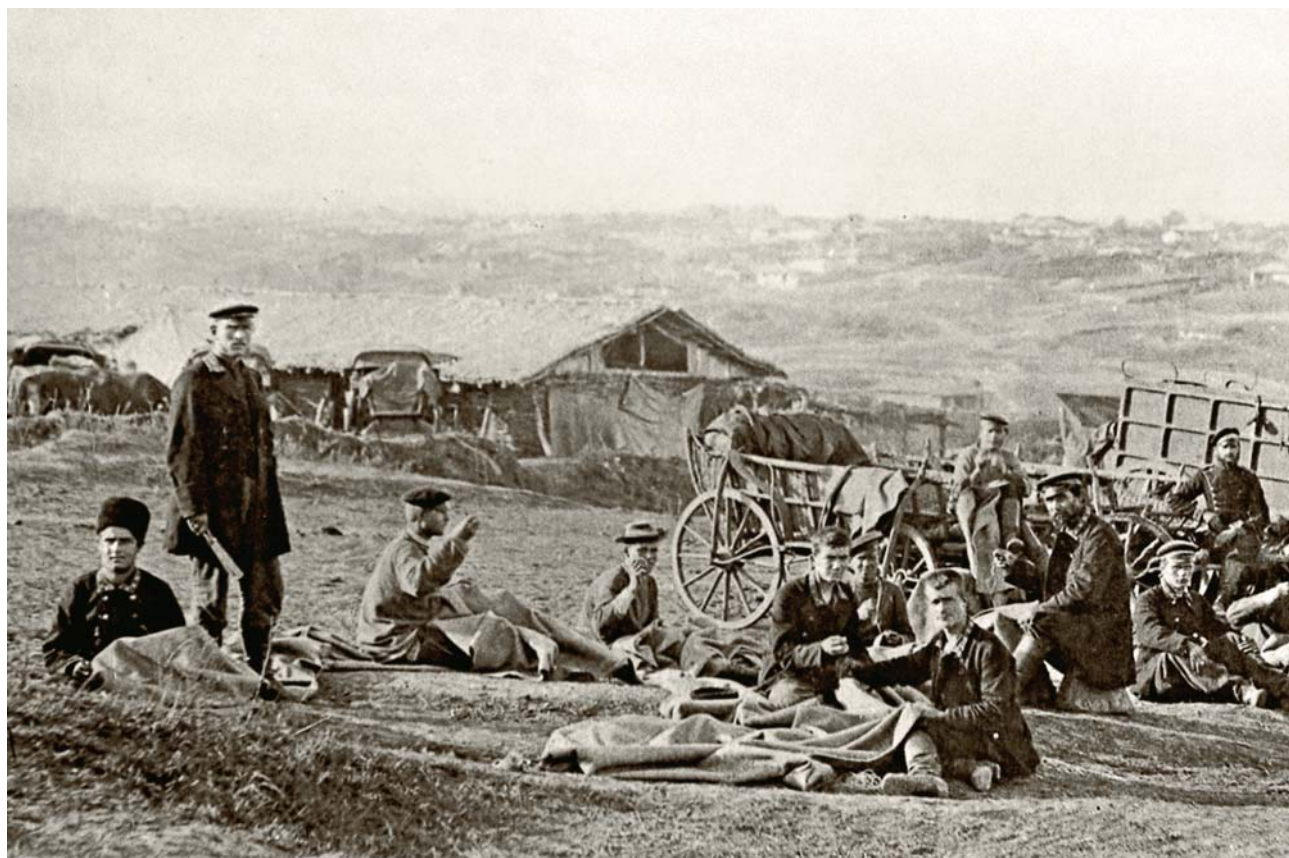
Три неудачных штурма Плевны были оплачены жизнями тридцати двух тысяч русских солдат! «До третьей Плевны я был молод, оттуда вышел стариком! – горестно говорил Скобелев, потерявший почти весь отряд. – Я искал тогда смерти, и, если не нашёл её – не моя вина!» Провал вынудил государя заменить Зотова героем Крымской войны, опытным военным инженером Тотлебенем. Старик генерал рассудил мудро: от попыток новых штурмов отказаться, а Плевну обложить со всех сторон. Русским удалось взять крепости, через которые турки подвозили в город боеприпасы. В городе начался голод. Осман-паша решил с боями выбраться из крепости. То был шаг отчаяния: в бою с заметившими вылазку русскими войсками полегли шесть тысяч турок, а оставшиеся сорок три тысячи сдались в плен.

Победа над турками стала для Скобелева делом чести: он стремится доказать, прежде всего себе, что чудовищные жертвы были не напрасными. Он вспоминает свой придуманный ещё в Туркестане девиз: «Избегать поэзии в войне», и лично берётся за обучение и снабжение своих солдат – ругается с лукавыми снабженцами, выбивая полушубки и фуфайки. Его дивизия становится лучшей во всей армии. Во время следующей крупной опера-

ции русских войск – знаменитого перехода через Балканы – колонне Скобелева удалось ворваться в самое сердце укрепленного лагеря турок, спасши тем самым всю операцию. За этот подвиг государь пожаловал героя золотой шпагой. Теперь Скобелеву, назначенному главой авангарда армии, предстояло вести войска на Адрианополь, а затем и на Стамбул. И, обгоняя его, будут нестись страшные рассказы о неуязвимом для пуль «белом генерале».

Весь в белом

Война закончилась. Несмотря на то что европейские державы не позволили России развить успех и отправить «больного человека» в вечный карантин, была достигнута важная цель: пять веков османского ига для болгар кончились. Кипучая жажда деятельности, которой отличался Скобелев, давала о себе знать и в мирное время: генерал занялся созданием в Болгарии «гимнастических обществ» – отрядов самообороны, которые после вывода русских войск могли бы самостоятельно отражать турецкие атаки. По его совету «гимнасты», уже считавшие его своим национальным героем, массово приобретали русские ружья. «Если нужно, отдайте сына, жену, но винтовку храните до последнего», – повторял Михаил Дмитриевич. В России имя Скобелева тоже не сходило с уст. Когда он вернулся на родину, его засыпали

письмами со всей страны: просили советов, как сделать Россию сильнее и счастливее, просили личной помощи. Многим он действительно помогал: давал солдатам деньги на обустройство хозяйств, пошатнувшихся, пока они лежали под пулями. Он стал подлинно народным героем, единственным в своём роде, и именно это заставило и высшее общество по-новому на него взглянуть. В переписку с ним вступают крупнейшие мыслители того времени – например, славянофил Иван Аксаков. Вместе они грезят о будущем освобождении славян и создании прочного союза во главе с Россией, который станет главной европейской силой.

Счастливые годы заканчиваются внезапно: сперва умирает отец Дмитрий Иванович, крепкий, красивый мужчина, которому не было ещё и шестидесяти. Внезапность его смерти заставила некоторых говорить об отравлении. Недругов у Скобелева-старшего было немного, и его гибель сторонники теории заговора сочли ударом, нацеленным против сына. Подозрения усиливаются новая трагедия, последовавшая меньше чем через год. Небольшая предыстория. В Болгарии со Скобелевым случился неприятный инцидент: пропали два бриллианта из его золотой шпаги. Вор отыскался быстро. Им оказался ординарец генерала Алексей Узатис – юноша хотел покрыть карточный долг, продав камни ростовщику. Скобелев не захотел ломать жизнь молодому человеку – ограничился его переводом в общий офицерский резерв. Великодушие оказало ему медвежью услугу. Летом 1880 года мать генерала Ольга Николаевна, глубоко почитаемая болгарами начальница военных лазаретов, отправилась на прогулку в коляске. В пути на её экипаж напали разбойники – главарь бандитов остановил коляску и одним ударом зарубил Ольгу Николаевну. То был Узатис. Вот так негодяй отплатил за проявленное к нему снисхождение. Грабителей быстро настигли, однако Узатис сдаваться не захотел –

**«Я БОЮСЬ ОДНОГО:
ВДРУГ ПРОСНУСЬ
И УЗНАЮ, ЧТО
СКОБЕЛЕВ СО
СВОИМ ОТРЯДОМ
ЗАЛЕЗ В КОНСТАН-
ТИНОПОЛЬ»**

РУССКИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ЭДУАРД ТОТЛЕБЕН

пальнул себе в рот из револьвера. Гибель матери потрясла Скобелева: он, которого никто ещё не видел плачущим, рыдал, как младенец. Впервые в жизни он, не боявшийся ни пуль, ни наветов, почувствовал себя совершенно одиноким.

Следующий год принес ещё одну утрату: от рук террористов пал государь. Отношения Александра II и Скобелева не были простыми, и всё же царь любил своего непокорного генерала. А вот наследник не упускал случая указать генералу его место. И надо сказать, Скобелев часто давал Александру III повод для этого. Так, встретившись в Париже с сербскими студентами, Михаил Дмитриевич не смог остаться безучастным к вопросу о том, когда же их многострадальная родина обретёт свободу. «Я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своей славянской миссии, – говорил Скобелев. – Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Чужестранец проник всюду! Он одурачивает нас своей политикой, мы жертва его интриг, рабы его могущества». Скобелев не ограничился намёками, прямо указав врага – Германию, и пророчески добавил: «Борьба между славянством и тевтонами неизбежна». Речь, мгновенно попавшая на страницы французских газет, привела императора в ярость. Он вызвал Скобелева на ковёр и долго отчитывал, прося не забывать, что его военные не имеют права выдавать свои политические взгляды за позицию России.

Популярность опального генерала, которому не было ещё сорока, в обществе была огромна. Поползли слухи, будто Скобелев – настоящий русский вождь – собирается сместить этого номинального вождя и дать народу конституцию, о которой мечтал прежний император. Когда генерал вернулся из последней для себя экспедиции в Среднюю Азию – Ахалтекинской, на станциях его встречали толпы людей. В Москве сам генерал-губернатор князь Долгоруков едва смог протиснуться в вагон через десятитысячную толпу.

В личной жизни Скобелеву не везло катастрофически: его давний, навязанный родителями брак с фрейлиной Марьей Гагариной распался через год. Уже в зрелом возрасте он познакомился в Минске с умной и обаятельной Екатериной Головкиной, которой не на шутку увлёкся, но девушка была «эмансипе» и потребовала от генерала едва ли не абсолютной власти над его жизнью. Огорчённый таким поворотом событий, Скобелев вышел в отпуск и приехал в Москву.

Друзья, с которыми он встретился, заметили его необычайную угрюмость. Едва ли она была вызвана лишь сердечными делами. Он передал Аксакову связку писем, умоляя сохранить их: «Боюсь, что у меня их украдут: с некоторых пор я стал подозрительным». После званого обеда он отправился

в гостиницу «Англия», что на Петровке. Здесь он выпил шампанского с каким-то неизвестным почитателем и отправился спать. Наутро он должен был ехать в Спасское. Однако судьба распорядилась иначе. Ночью к дворнику прибежала заплаканная кокотка Ванда, жившая в гостинице, и сообщила, что у неё в номере умер офицер. Администрация без затруднений опознала в покойном Скобелева. Уже на следующее утро Россия рыдала и ломала голову: чья рука нанесла последний удар Скобелеву? Вероятно, это навсегда останется тайной. Одни рассказывали, будто великие князья, всерьёз опасавшиеся переворота, собрали негласный «суд сорока», приговоривший Михаила Дмитриевича к смерти. Другие отмечали, что оказавшаяся в последнюю ночь со Скобелевым Ванда была этнической немкой, и считали, что это кайзер избавился от «белого генерала», настраивавшего российское общество против Германии. В любом случае мало кто сомневался, что гибель Скобелева была политическим убийством. Уверенность в этом росла по мере того, как проступала неизбежность новой европейской войны.

На похороны Скобелева, превратившиеся в день общенародного траура, вышла вся Москва. «Кругом виднелись заплаканные лица, десятки тысяч рук подымались, чтобы издали перекрестить своего любимца. Чёрные сюртуки, изящные дамские платья – и тут же грязная потная рубаха рабочего, сибиряка-крестьянина», – писал друг Скобелева, брат знаменитого театрального режиссёра Василий Немирович-Данченко.

Вечная память

Нелюбовь к Скобелеву Александра III понятна: император лавировал между политическими блоками и не мог не возмущаться высказываниями в духе: «Кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Европе Восточной нет ни предела, ни меры». Прогрессивные газеты, видевшие в Европе идеал, Скобелева тоже не любили. Они постарались охаять павшего героя. Либеральный публицист Градовский, например, посвятил Скобелеву целую книгу, где доказывал, что покойный был ретроградом, милитаристом, фантазёром да к тому же едва ли не расистом – считал всех турок дураками. Страшно подумать, что написали бы нынешние просвещённые журналисты, появившись такой человек в наши дни.

И всё же народная память оказалась сильнее официальной: позже, при Николае II, Новый Маргелан получил новое название – Скобелев, а незадолго перед Первой мировой войной, так прозорливо предсказанной «белым генералом», на Тверской площади, там, где сейчас стоит памятник Юрию Долгорукому, был поставлен памятник герою. Простояла конная статуя генерала, впрочем, недолго: большевики распилили её, чтобы отлить

«ГРАНИЦУ НАДО ЗАЩИЩАТЬ ПОД КУШКОЙ, ЕСЛИ МЫ НЕ ХОТИМ ЗАЩИ- ЩАТЬ ЕЁ ПОД ТАГАНРОГОМ»

МИХАИЛ СКОБЕЛЕВ

из металла часть композиции «Советская конституция». «Красные дьяволята» сделали всё, чтобы память о герое была утрачена: город Скобелев стал Ферганой, в книгах по истории генерала представляли суровым царским баскаком, подавлявшим национально-освободительную борьбу народов Востока. Этой «освободительной борьбой» Советская власть, кстати, вырыла себе могилу – когда настала перестройка и в союзных республиках стал поднимать голову национализм, обильно питаемый из-за рубежа, ложь о великой будущности местных народов, которую у них якобы похитили русские, легла на подготовленную почву. А ведь понять, что это была ложь, можно было с помощью простого подсчёта. За период владычества русских число узбеков, которых во времена скобелевских походов было чуть более миллиона, выросло тридцатикратно. Есть ли индейское племя, которое показало бы такой демографический всплеск после того, как к берегу Америки причалил «Мейфлауэр»? Русским ставили в вину даже пересыхание Арала, забывая о том, что благодаря построенным ими ирригационным каналам огромная часть Узбекистана превратилась в цветущий сад.

Историческая справедливость возвращается только сейчас. В прошлом году в Москве появился новый памятник «белому генералу» – пусть пока и не в центре, а на проспекте Вернадского. Да и в Средней Азии происходит переоценка: ошалевшие от четвертьвековой независимости узбеки с удивлением слушают рассказы аксакалов об утраченном здравоохранении, социальной системе, развитой промышленности, культуре... Так греки гомеровских времён не верили в то, что прекрасные дворцы погибшей крито-микенской цивилизации могли быть построены людьми, считая, что их создали титаны и циклопы. Но русская Средняя Азия, созданная благодаря таким людям, как Скобелев, уже не вернётся – как град Китеж, она навсегда ушла на дно. ☉

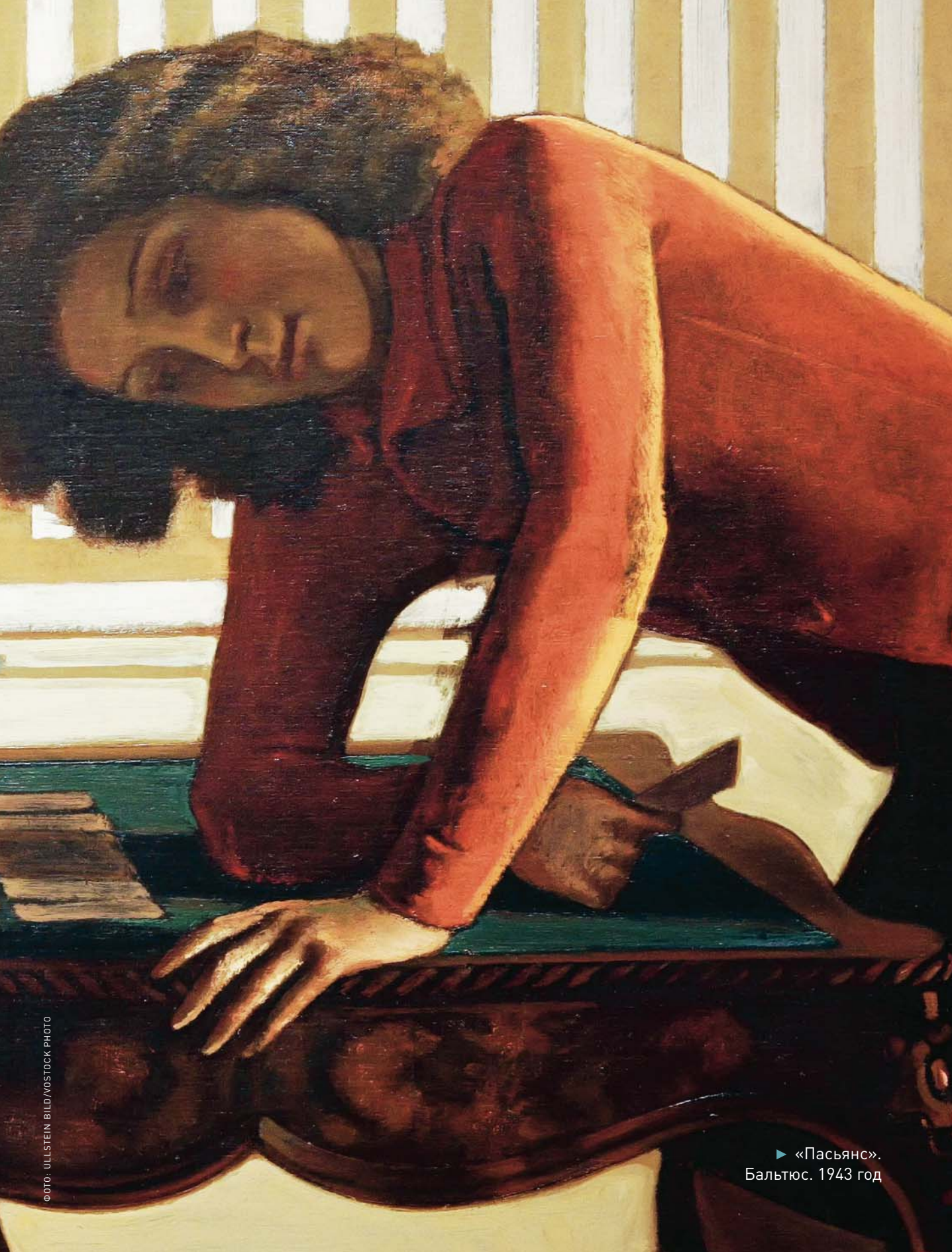
A painting of an interior scene. In the foreground, a dark, ornate chair with a blue-green upholstered back is partially visible. To the right, a tall, dark candlestick holds a single white candle. Next to it is a small, dark, textured cup. In the background, a window with vertical blinds is partially open, letting in light. The overall style is expressive and somewhat somber.

— ❖ ИСТОРИЯ ЖИВОПИСИ ❖ —

Ангелы ГОСТИНИЧНЫХ номеров

Можно ли создать салонную живопись помимо салона – вне общества, которое образует салон, создать салон в одиночестве?

МАКСИМ КАНТОР

Гоген писал один, на далёком острове, и его живопись опровергает живопись салонную – а иначе зачем бы он стал уезжать, если бы собирался писать как салонный парижанин? Зачем в одиночестве, в горах, создавать глянцевый, паркетный мирок? Вообразите Робинзона Крузо, который ходит по острову в напудренном парике. Франсиско Гойя уехал в горы, чтобы в Casa del Sordo (Дом глухого) выкрикнуть во всю силу лёгких то, что не мог произнести и шёпотом в Мадриде, – он написал размашистые чёрные картины, отменяющие конфетти столичного быта. Но представьте художника, который скрылся в горах, чтобы писать ещё более глянцево, нежели в столице. Ещё резче поставим вопрос: можно ли стать салонным художником в знак протеста против авангарда? Если все вокруг плюют на пол, искажают форму, плещут краску из стакана, то одиночка, продолжающий академические штудии, – он что же, получается своего рода бунтарём? Ах да, ведь обыватель в XX веке уже не тот, теперь обыватель любит сюрреализм и букету сирени предпочитает инсталляции. Стало быть, бунт против вкуса обывателей сегодня может быть академически-гламурным?

Некогда Пикассо объяснил, зачем он рисует парадоксально и искажает формы: «Я их (буржуа. – М.К.) пугаю». Но в современном мире, где буржуев таким образом пугают уже сто лет подряд и буржуазия к таким фортелям привыкла, очевидно, напугать буржуа уже можно лишь античными пропорциями.

Не напугать, конечно, но, скажем осторожно, озадачить. Рынок искусств, управляемый буржуа, принял и аккумулировал неправильности. Стало быть, для того, чтобы выделиться из обычного ряда, требовалось нечто неожиданное. В то время, когда искусство куда-то понеслось сломя голову, нашёлся хладнокровный господин, мастер своего дела, который придержал лошадей. Бальтюс был человеком уравновешенным, отнюдь не экзотической натурой; остроумный, крайне расчётливый, он работал для удовольствия, но, разумеется, отлично понимал, какую стратегию поведения выстраивает. Образ художника ткётся из многих деталей, в частности из манеры обращаться с краской и холстом. Он с детства научился работать медленно – как средневековый мастер (а совсем не артист XX века).

Бальтюс работал неторопливо – и это в тот век, когда художников терзали страсти, а они, отвечая вызову времени, рвали холсты, швыряли краску на картины, лили краску из банок, размалёвывали стены общежитий, двери общественных туалетов – и проделывали все эти манипуляции рывком, впопыхах. Он же, словно цеховой мастер, вообще никуда не спешил. Ценил обдуманное лессирование, то есть тонкий, прозрачный слой краски, нанесённый на основной цвет на лаке, а вот пастозную

живопись, резкий мазок, всё то, что стало паролем современной ему живописи, – не выносил.

Бальтюс оставил после себя сотни однообразных холстов – писал он фактически всего три мотива: обнажённых девочек (именно не зрелых женщин, а подростков), горы Швейцарии, портреты богачей и знаменитостей, – и это всё. Он писал аккуратно, заглаживая кистью шероховатости краски, избегая неуравновешенной композиции. Рассказывают, что Пикассо (сам Пикассо!) завидовал волшебному свету его картин – и впрямь, от частых лессировок и уплотнения цвета возникал особый, равномерный свет, как бывает на итальянских картинах XV века, например у Чимы де Канельяно. Сам Бальтюс ассоциировал себя (любил об этом порассуждать) с флорентийскими мастерами, но сходства с целомудренным Боттичелли нет; скорее лукавые венецианцы или равнодушная Сиена. Бальтюс стремился к сходству с итальянцами – он много лет прожил в Риме, возглавляя французскую академию при вилле Медичи. Италия стала одной из его родин: он француз, поляк, еврей, швейцарец; он авантюрист, выдающий себя за графа, но не имеющий даже твёрдых сведений об отце; беглец из Европы, трагедий которой не разделил.

Станным образом жизнь богатого баловня, швейцарского художника, уединившегося в горах кантона Во, миновавшего вообще все течения и стили и страсти XX века, стали считать одним из пиков достижений культуры века. В этом сказало не столько лицемерие культуры, сколько растерянность культуртрегеров: не зная, какой ярлык приклеить, приклеили «экзистенциализм», а экзистенциализм – это стало в 60-е очень модно.

Жизнь художника Бальтазара Клоссовского, принявшего псевдоним Бальтюс, – скандального живописца, красавца, напоминающего манерой поведения прагматичных обольстителей из «Человеческой комедии», – прошла на фоне трагедий века. Бальтазар Клоссовский рисовал исключительно красивые картины – в том представлении о прекрасном, которое разделяет подавляющее большинство жителей нашей планеты: на его холстах всё аккуратно, это лаковая живопись в пастельных, мягких тонах, формы обтекаемые, линии струятся и извиваются, а предмет изображения волнует чувственную сторону сознания.

Вообще говоря, обнажённых девушек рисовали все – надо исхитриться, чтобы изображение запомнилось, выделилось из миллиона других изображений. Лапидарностью форм и скупостью эмоций запоминаются картины Модильяни, но Бальтюс рисует таких чувственных девушек, каких нарисовал бы любой порнограф XVIII века. Собственно, художник постоянно балансирует на грани порнографии, подобно Сальвадору Дали или Ренуару. Однако рисование «ню» и сладость

в передаче форм отнюдь не означают слабости – Бальтюс это знал отлично.

Говоря о приторно-сладком живописце Ренуаре, следует учесть то, что само имя «Ренуар» для любого знакомого с французской средневековой литературой отрицает жеманство. Ренуар – имя одного из главных героев французского эпоса, соратника Гильома Оранжевого, победителя сарацин, легендарного великана с палицей. Вообразите, что салонного автора розовых «ню» зовут не Сомов, а Святогор или Муромец, – вы по-другому взглянете на его кокоток. И, к слову будь сказано, художник Огюст Ренуар, превозмогавший недуг, привязывавший карандаши к артритным парализованным пальцам, когда уже не мог карандаши держать, вполне оправдывает своё имя.

Живопись Бальтюса столь откровенно салонна, что невольно начинаешь подозревать, что это специальный приём – только очень смелый художник может столь откровенно производить салонную продукцию. Как, спрашивает зритель, глядя на холсты Бальтюса, вот это и есть искусство художника, которого считают одним из гениев минувшего века, того, где были Освенцим и ГУЛАГ? Солженицын, Сартр, Оруэлл – понятно, а этот красавец что сделал? Холодной рукой вырисовывал обтекаемые формы модели, словно выпиливал лобзиком. Другие художники писали пожары, становились коммунистами или фашистами, стрелялись, умирали от голода. Зачем обществу Европы глянцево-отшельник?

Картины Бальтюса воплощают представление буржуа о прекрасном – то подлинное представление, которое у буржуа остаётся неистребимым, какими бы кубизмами его, бедолагу, ни пичкали, какими бы инсталляциями его ни обучали, как бы он ни был привержен моде на «беспредметное» и «концептуальное». Внутри буржуа остаётся тем же ловкачом, каким он был в те годы, когда хладнокровный Растиньак или Максим де Трай выжимали из аристократии капиталы. Буржуазный новатор лишь кажется brutальным – он хочет того же комфорта, что у герцога.

Картины Бальтюса прилизаны, но одновременно пикантны и порочны; пропорции тел не нарушены, но вместо непонятных искажений кубизма в них присутствует некий нравственный кубизм. Чувства и страсти смещены в такую гротескную плоскость, что кажутся карикатурой на мораль, а сама поверхность живописи утверждает, что традиция сугубо хранится. Но ведь традиция для буржуа – это есть оболочка морали! А тут такое противоречие. Не это ли вековая мечта буржуа – чтобы всё было незыблемо, а при этом удовольствия были на грани запретного? Недаром холстами Бальтюса стали иллюстрировать «Лолиту»: на его картинах голые несовершеннолетние девушки и вместе с тем какая чистота форм! Традициона-

«БАЛЬТЮС – ЭТО ХУДОЖНИК, О КОТОРОМ РОВНЫМ СЧЁТОМ НИЧЕГО НЕ ИЗВЕСТНО. СМОТРИТЕ КАРТИНЫ»

БАЛЬТЮС О СЕБЕ

лизм, но такой пикантный, что не у всякого новатора отыщешь.

Отвергнуть моду – смело; но ведь есть такая вещь, как непреходящая мода; салон, который актуален всегда. Надо различать «салон» как предприятие современного нам рынка – и вечный онтологический салон. Когда произносим слово «салон», мы подразумеваем спектакль столичных масок, яркие персонажи выходят на сцену, чтобы превратиться в кукол; так происходит раз за разом много веков подряд. Формальная «оригинальность» стала общим местом, удивить абстракцией, отказом от живописи и т.п. уже никого нельзя. Когда отрицание чего-либо делается повсеместным, то наиболее эффектный способ оригинально заявить о себе – вернуться к традиционной манере.

Он не хочет изменений! Он не будет играть на вашей сцене, где составляют мифы сверхъестественных авторитетов, – нет, он копирует Пьеро делла Франческа. Оригинальность Бальтюса состоит в том, что этот художник вопиюще традиционен – в условиях моды на авангард это воспринимается как поза. Художественный мир предполагает, что у Бальтюса имеется какое-то специальное знание, которое «разрешает» ему просто аккуратно рисовать, вместо того, чтобы эпатировать публику. Говорят о «магическом реализме» (теперь сравнивают с Феллини), о застылых, словно во сне, жестях персонажей (тут уместно вспомнить Бергмана), об экзистенциализме (будто бы он был знаком с текстами). Считается, что имеется какая-то выданная авангардным начальством справка: мол, этому парню разрешено рисовать почти реалистически, а всё-таки будем считать его новатором.

Жизнь Бальтюса прошла внутри нехитрого софизма, сформулированного культурой XX века, – возможно, против желания самой культуры. Общепринято выражение: «Надо сначала научиться рисовать академически, а когда поймёшь азы гармонии, тогда можно от гармонии отказаться,

▶ «Спящая Тереса».
1938 год

▶ С племянницей
Фредерикой Нисон

разрешить себе вольности авангардного толка». Если это правило верно, то тогда верно и обратное правило: усвоив логику авангарда, позволительно от авангардности отказаться и заняться опять традиционной живописью – и, тем не менее, остаться новатором. Если условием состоятельности поступка является отрицание имеющегося опыта, то таким опытом может выступить что угодно. Этим якобы моральным отрицанием внешней ханжеской морали XX век и славен. Бальтюс, отрицая опыт современного ему авангарда, оставаясь внутри апофатической логики современников. Ему была знакома манера Пикассо или Брака, и, дожив до старых лет (он умер в 92 года), он увидел, как производят инсталляции и концептуальные объекты, но рациональное сознание не позволило участвовать в общем хоре. Оставаясь нейтральным к новациям, как Швейцария к политическим конфликтам.

Швейцария, выбранная им как место жительства, стала символом неуязвимого для моды самосознания. Сохранять спокойствие перед лицом сменяющих друг друга школ, манер, группировок («Сегодня прозвучит самое последнее слово!», «В этом сезоне носят только это») художнику XX века непросто. Обладать характером Сезанна или Гогена, сознательно отгородившихся от столичной чехарды, дано не каждому. Для Бальтюса кантон Во стал, в силу политического нейтралитета Швейцарии, значимого во время долгой европейской войны, тем же, чем для Гогена был мир Полинезии: крепостью, спрятавшей от раздражавшего внешнего мира. Он бежал не от самой войны, но от трескучих политических деклараций, которых на дух не переносил, ни правых, ни левых. Конечно, по складу характера и привычкам Бальтазар Клоссовский был типичным буржуа, причём буржуа-нуворишем, с тягой к роскоши, с потребностью в комфорте, – комфорт для него ассоциировался со свободой. Свободным он не был рождён и швейцарцем стал не вдруг.

Бальтюс не был, разумеется, ни графом, ни французским дворянином, никаких фамильных гербов у его рода не было, а художник впоследствии импровизировал на эту тему многожды, отличить иронию и подлинное желание выдумать родословную – трудно. Бальтазар Клоссовский был польским евреем из области Бреслау, его мать – та самая женщина, что увлекла влюбчивого поэта Рильке, – происходит из семьи синопольских иудеев. Отец был поляком, вероятно, также с иудейскими корнями, – местечко, в котором родились братья Бальтазар и Пьер, входило в черту оседлости, было в составе Пруссии – географически это мало что сулит тщеславному юноше. Ни Франция, ни Италия, ни Швейцария (художник последовательно жил в этих странах) не были его родиной. В том, что он стал переселенцем, Бальта-

зар Клоссовский обязан разводу родителей и пылкому нраву матери – судя по всему, женщины незаурядной. В дальнейшем ремеслу изгнанника Бальтюса обучил сам Райнер Мария Рильке, ставший спутником семьи. Баладина (так друзья называли мать) с двумя мальчишками следовала за поэтом, который до романа с Баладиной пребывал в страстном союзе с роковой красавицей Лу Саломе, общей возлюбленной сразу нескольких поэтов. Помимо прочего, Райнер Мария Рильке был ещё и женат, к тому же участвовал в нескольких, вполне платонических, но душераздирающих мелодрамах (переписка с Цветаевой, например). Все эти альковные подробности были бы не важны, если бы они не формировали детское сознание, а художник Бальтюс с младенчества пребывал не просто на культурной сцене, но, так сказать, находился в грим-уборной культуры XX века. Он видел сцену с другой стороны, то есть смотрел не на декорации, а на то, как герой-любовник меняет носки и как плачет обманутая им инженер. То, что для многих красивая легенда культуры XX века: поэтические школы, дебаты и т.п., – для Бальтюса обернулось переездами из гостиницы в гостиницу, жизнью в случайных домах. Так возникла и Швейцария: Рильке снял дом в Швейцарии, куда сам поэт приезжал лишь время от времени, участвуя параллельно в трёх разных мелодрамах. Мы помним по картинам «розового периода» Пикассо эту бивачную жизнь предвоенных беженцев-акробатов-арлекинов, Пикассо очень нежно изобразил поэтических перекаати-поле – они ведь все поэты и ранимые существа, даром что одеты в шутовские колпаки. Бальтазар Клоссовский и его брат Пьер и были именно такими арлекинами все годы своей юности. Можно сказать, что сюжет европейской культуры XX века стал их судьбой буквально; семья участвовала в этой европейской мистрии странствующих комедиантов – Манна, Ремарка, Пикассо, Рильке, Чаплина, Модильяни.

В этом отношении художник Бальтюс – воспитанник (трудно удержаться, чтобы не употребить слово «пасынок») поэта Рильке. Райнер Мария Рильке был ветреным человеком, но исключительно страстным, склонным к мистике; к тому же постоянное ожидание смерти (поэт угасал от лейкемии) наложило специальную меланхолическую тень на его мелодраматическое творчество. Влияние его личности было настолько велико, что картины Бальтюса можно считать с точки зрения поэтики Рильке – застылыми формы, рифмы в пастельных тонах, туманные ландшафты, вечерний свет. Бальтазар стал художником, а Пьер – писателем, и оба пережили влияние спутника матери – тогдашнего кумира культурной Европы; без Рильке ни этого художника, ни этого писателя никогда бы не было.

► «Тереса». 1938 год

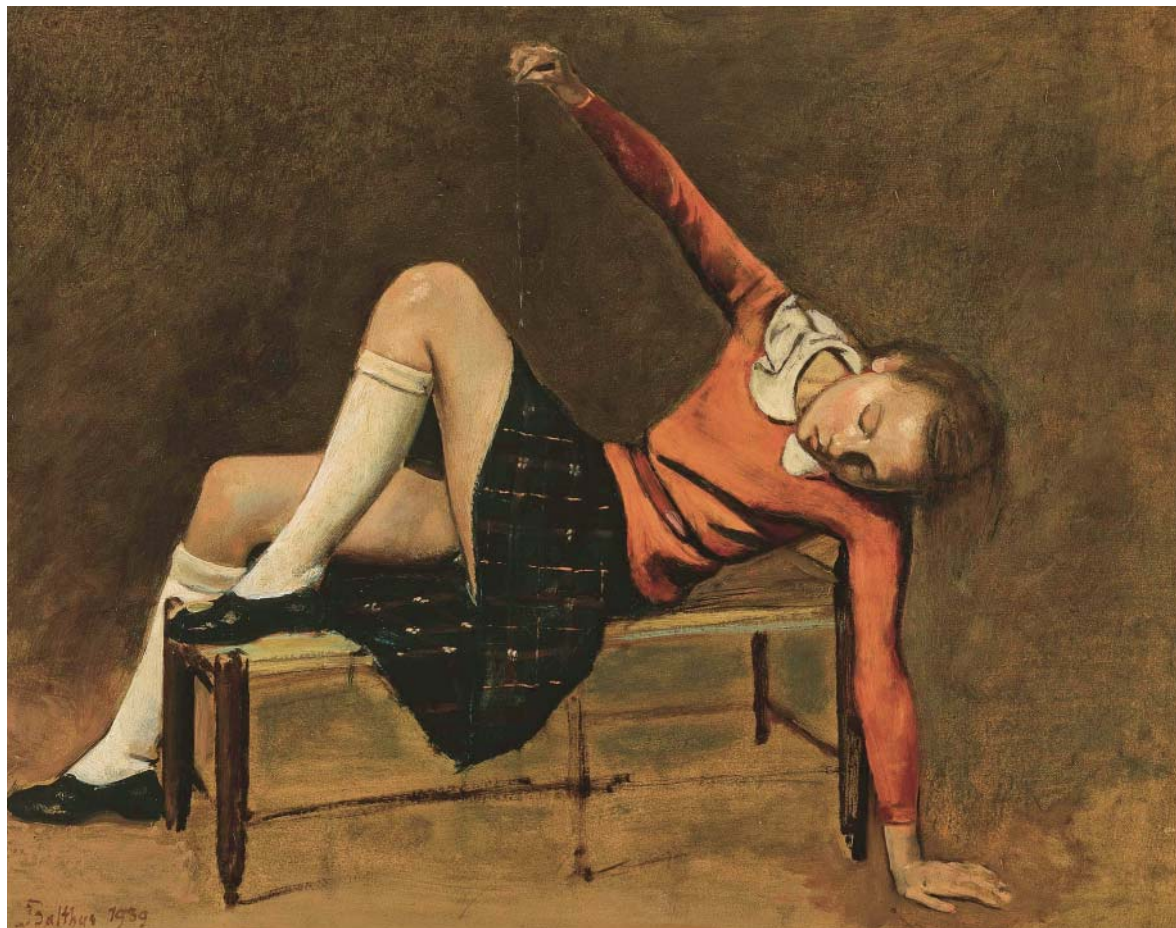

«Если бы я возопил, кто вопль мой услышит в ангельских хорах?» – пишет Рильке в «Дуинских элегиях», и разве эта фраза не описывает всё творчество художника Бальтюса, причём в психологических подробностях? Кричать для современников Бальтюс не собирался – он писал для ангелов; и ангелов же – искусительных, противоречивых, странных – он всю жизнь и изображал. Его Лолиты, нимфетки, обнажённые двенадцатилетние девочки с подробно выписанными гениталиями – это не стариковская похоть; это так художник

вочка-подросток, соблазн и восхищение одновременно. Бальтюс, всю молодость прилежно копировавший итальянское Кватроченто, не мог не учитывать опыт рисования ангелов ренессансными мастерами – просто он переселил ангелов в мир европейской гостиницы эпохи мировой войны.

То, что ангелы не имеют быта, – согласитесь, закономерно для ангелов. Быт и у эмигранта, рисующего ангельский чин, чистое визионерство, имеет место в случайном пристанище, на пути в никуда. И это тоже урок Рильке, выбравшего за идеал ду-

представлял себе ангелов. Приглядитесь – иные из них словно приготовились для полёта. Один из холстов с обнажённой девочкой изображает ту в позе ангела из Благовещения Чимы де Каньяно – такие совпадения случайными не бывают, особенно в творчестве искусённого человека. Бальтюс всю жизнь рисовал ангельский чин, просто он поверил утверждению воспитателя Рильке, что «всякий ангел – ужасен»; вот для художника этим «ужасным ангелом» стала европейская де-

- ▶ **Наверху:** Последний портрет Тересы
- ▶ С племянницей Фредерикой

ховную Россию, которую поэт совершенно себе не представлял (был два раза и ничего не увидел).

Рильке родиной считал Россию и Богемию, рождён был в Праге, говорил по-немецки, а жил во Франции и Швейцарии, и всё в жизни этого человека было относительно – кроме визионерства. Этому Бальтазар и научился. Именно то, что нигде не живущий Рильке выбрал финальным пристанищем дистиллированную Швейцарию, где нет выраженной культуры и воспоминаний, и стало уроком для живописца Бальтюса.

Живопись – это такая субстанция, которая не может существовать вне среды – предметной,

бытовой, самой банально-житейской. Нам важно, в каких рубашках ходил Пикассо, на каком стуле сидел Гойя, в каком доме жил Брейгель, – это не сопутствующая подробность, это существо живописи, из этих (тактильных даже) ощущений и слагается плоть искусства. Гоген говорил, что стук его сабо по каменной почве Бретани напоминает ему ярко-красный цвет, которого он хочет достичь в картине, – это высказывание лишь по видимости непонятно, на самом деле оно кристально ясно: грубая природа деревянных сабо столь же откровенна, как локальный кричащий цвет. Это не пастельный цвет, который передаётся шуршанием драпировок. Среда Гогена (бретонская и полинезийская) или среда Ван Гога (он сменил несколько стран и городов, но всегда переживал средю страстно, влюбляясь в предметы) – крайне вязкая субстанция. Мы знаем каждый предмет Ван Гога, его стул, стол, кровать, башмаки; мы знаем его улицу и его город. Бальтюс – художник комнаты, которая может быть где угодно. Это даже не комната его собственного дома, здесь нет им любимых и выглаженных его рукой предметов, нет книги отца, чашки матери, стула деда – это просто номер пятизвёздочного буржуазного отеля, уставленный пошловатой ампириной мебелью с гнутыми ножками. Здесь никто не живёт, а если ночует, то случайно. Дети играют – а художник часто изображает играющих детей, причём рисует девочку и мальчика, но никогда не двух мальчиков, он как будто прячется от биографии, – в чужой комнате, где пол чисто подметён, на полу нет игрушек, нигде нет их детских вещей; дети – в доме чужих взрослых, в гостиничном номере, где холодно и не особенно уютно. Часто художник изображает детей, залезших под стол, причём это не весёлая игра в прятки, но какое-то подсознательное (прежде всего для самого художника) желание – найти укромное место в чуждом пространстве. Этой Швейцарией для детей становится пространство под столом.

Попробуйте сказать, какой предмет характерен для искусства Бальтюса, какой предмет быта ассоциируется с его образом или созданным им героем. Такого предмета не существует. Гоген – тот вообще дошёл до того, что сам создавал свои предметы, отвоёвывая своё собственное пространство у небытия и не-истории, – он лепил из глины чашки, из которых пил, он вырезал из твёрдого дерева стулья, наличники окон, тимпаны дверей, трости; Сезанн описал нам столько своих любимых бутылок и корзин, что можно создать музей быта Сезанна. Ни трубка, ни куртка, ни стул Бальтюса нам неизвестны.

У Рильке есть принципиальное для поэта высказывание – о «превращении в предмет душевного состояния человека» (то есть не переживание

существующей среды, не наделение растущего дерева или отцовской книги свойствами души, но создание нового предмета из пока что неявного движения души). Для самого Рильке этими предметами были стихи, часто посвящённые сновидениям, видениям или невообразимым рациональным умом ситуациям (книга «Часослов» написана как рассказ православного священника, коим Рильке, разумеется, не был и православным не был тоже, да и Россию знал как турист – лубочную); для Бальтюса такими предметами, появившимися из сновидений, стали картины. Изначают эти картины другие сновидения, и чаще всего это сны об ангелах в гостиничных номерах.

Перед зрителем тот тип странствующего комедианта, который, путешествуя, не оставляет следов и вечно живёт в чужом доме, – и сны ему снятся (даже если это эротические сны) не конкретные, а как странная сцена в случайном отеле. И хотя дома, приобретённые Бальтюсом, были огромны и роскошны – он покупал виллы в Швейцарии на берегу озера и в горах, это дворцы, – они так и оставались необжитыми. Даже позднее увлечение Бальтюса японской культурой (опять что-то очень далёкое и дистиллированное, не аффектированное, стильное), его поздний брак с японкой Сетсуко – это о том же: о вечном путешествии. Польский еврей, считающий себя французом, живёт в Швейцарии с японкой – и ничего не хочет знать о войне в соседней стране; он – свободный, мистический, при этом, несмотря на всю свою мистику, исключительно хладнокровный человек.

Гостиничное сознание – это не что иное, как ответ на ангажемент Европы, но то (обязательное, как считал экзистенциалист Сартр) ангажирование творца историей, которое происходит в мире неизбежно. Чтобы стать европейским художником, ты должен быть ангажирован веком – ты не можешь отказаться от участия в общей битве; а Бальтюс прошёл мимо и постарался не запачкаться даже о быт. «Я не знаю, сколько впереди ещё будет войн, – говорит Хемингуэй, – но я подписал договор на всё». Он же приводит цитату из Джона Донна: «Не спрашивай, по ком звонит колокол, – он звонит по тебе». Для художника Бальтюса всё это было нонсенсом.

И в этом своём гостиничном понимании европейской культуры Бальтюс был совсем не одинок. вспомните Набокова, буквально прожившего жизнь в отеле Монтрё (к слову будь сказано, Набоков не переносил пафос Хемингуэя), вспомните Лоренса Даррелла, исчезнувшего с европейской сцены – растворившегося в средиземноморском жарком климате; вспомните эскаписта Генри Миллера, который и вообразить себе не мог, что разделит с какой-либо из сторон страсть борьбы.

► Эюд к «Трём сёстрам». 1954 год

В годы войны Бальтюс пишет всё те же «ню», изысканные и болезненные одновременно, – как стихи Рильке, как эротические сны запертого в гостиничном номере человека. Впрочем, одна из картин – «Горный перевал» – всё же имеет отношение к происходящему в истории. Перед нами подробно написанный горный кряж, который не преодолим. Горный кряж прекрасен, но он тёмный и страшен, и что скрывается за ним – нам неизвестно. Однако тропинка упрямо взбирается вверх по горе. Пожалуй, это единственное высказывание Бальтюса, которое можно трактовать как рассказ о времени, от которого художник убежал. Бальтюс много рисовал из окна – швейцарские ландшафты с горами на заднем плане, с бесконечными пастбищами, эта неторопливая и величественная природа так же завораживала его, как обнажённые тела девочек. Мы вольны считать его картины с изображением швейцарских гористых ландшафтов призывом к свободе – вероятно, директора музеев так и делали, помещая эти тихие картины в экспозиции наряду с Гроссом, Диком или Пикассо, рассказавшими о страшной европейской войне.

Вполне возможно прочесть творчество Бальтюса как квинтэссенцию европейской культуры – и во многом это будет справедливо. Такая линия развития в европейской культуре тоже есть: имеется сон Рильке, «розовый период» Пикассо, средиземноморский Лоренс Даррелл, Набоков в гостинице. В этой позиции эскаписта присутствует, разумеется, определённый стоицизм и упорство: пусть коммунисты и фашисты перегрызут друг другу глотки, суть искусства (по Бальтюсу и Рильке) от этого не изменится. Но в ещё большей степени здесь есть этакий дендизм, цинизм, ведущий свою родословную от Уайльда; именно цинизм – необходимая черта для модного художника XX века. Наглость Поллока, льющего краску из банки; стратегия Уорхола, тиражирующего фотографии; цинизм Джеффа Кунса, делающего позолоченные скульптуры собственных половых актов, – эти артистические жесты вполне соответствуют эстетической позиции Бальтюса. Подозрение, будто традиционный художник Бальтюс обладает охранной грамотой от авангарда, позволяющей ему быть в рядах авангардистов, но оставаться предметным реалистичным мастером, – оправданно: он действительно такую охранную грамоту имел. Это был главный приём XX века – кунштюк, используемый теми, кто презирал Сартра и Хемингуэя: артистический цинизм. Бальтазар Клоссовский де Рола был принят веком не случайно, не вопреки моде, но именно благодаря моде – мода благодарна мастерам, оправдывающим светскую жизнь; Бальтюс оставил светской публике индульгенцию на жизнь в дорогом отеле. При желании можно считать такую жизнь духовным служением. ☉

▶ С женой японкой Сетсуко.
1998 год

БУЛГАКОВ

Актёр и режиссёр Сергей Юрский рассказывает о том, что много лет не расстается с книгами Михаила Булгакова

ИРИНА КРАВЧЕНКО

– Это была удивительная встреча в Праге 68-го, совершенно булгаковская, запомнившаяся мне на всю жизнь. Но прежде расскажу, как в моей жизни возникло это имя – Михаил Булгаков.

В 1946 году мы с родителями жили в грузинском местечке Сагурамо, в писательском Доме творчества. В смысле бытовых условий это было скромное на сегодняшний взгляд, даже жалкое место: всего несколько небольших комнат. Под громадным ореховым деревом, около бежавшего с горы ручья, стояли стол и три соломенных стула – вот и вся площадка для бесед взрослых и игр детей. Иногда мы, дети, начинали шуметь, нас просили вести себя потише, а когда разговаривали взрослые, ручей чаще всего заглушал их. Но порой до нас, совсем не стремившихся услышать, что там родители между собой говорили, долетали отдельные слова.

Одним из них было «Булгаков». И ещё «Заболоцкий». Звучали они либо громче других слов, либо тише, и мои детские уши невольно напрягались. Фамилия «Булгаков» произносилась обычно тихим голосом. Собеседниками, сидевшими за столом под ореховым деревом, были мой отец, режиссёр Юрий Сергеевич Юрский, и его близкий друг Сергей Александрович Ермолинский. Незадолго до бесед у шумевшего ручья он, как я узнал позднее, был освобождён из лагеря, получил по освобождению запрет на проживание в большин-

стве крупных городов Союза и приехал в Грузию, где писал пьесу о Грибоедове. Сергей Александрович был другом Булгакова, присутствовал при последних его днях. Но как получилось, что ещё в 40-м году это имя – Булгаков – хорошо знали, а спустя всего несколько лет после ухода писателя из жизни его вообще публично не упоминали? Впрочем, многие советские поэты и прозаики резко «исчезли». Тот же Николай Заболоцкий был в лагере, потом в ссылке, а к описываемому времени только-только вернулся оттуда.

Итак, 46-й год и первое упоминание Михаила Булгакова не только в моей жизни, но и в жизни всего моего поколения. Позднее, в 60-е годы, во времена «оттепели», Ермолинский написал про него в журнале «Театр», хотя сделал это осторожно. Мой отец уже умер, Сергей Александрович жил в Москве, я в Ленинграде, но однажды вспыхнувшая искра общения переросла в крепкую дружескую связь. Причиной тому был Булгаков, всё большее место занимавший в моей жизни: ко мне одно за другим приходили его произведения. В первую очередь – «Жизнь господина де Мольера».

«Уж не пожар ли это в Старом Лувре? Нет, это тысячи свечей горят в люстрах Гвардейского зала, и в свете их оживают неподвижные кариатиды». Так вводит нас Булгаков в атмосферу спектакля Мольера перед королём. Некоторые говорят, что

*«Счастье как здоровье:
когда оно налицо, его не замечаешь»*

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

- ▶ Полёт на аэроплане с оперным режиссёром Леонидом Баратовым
- ▶ Третья и последняя жена – булгаковская Маргарита – Елена Шиловская
- ▶ Писатель Булгаков в роли Судьи в спектакле МХАТа «Записки Пиквикского клуба»

такого русского языка, как у Владимира Набокова, не знали до знакомства с его произведениями. В моём случае открытие несметных языковых богатств произошло, когда я стал читать Булгакова. Для меня Набоков так и остался слишком изысканным, филологическим писателем, который ставил слова так, чтобы мы всё время отдавали себе отчёт, как здорово они поставлены. У Булгакова же речь льётся сама, иногда как водопад, иногда как ручей, а то словно река, но это всегда свободно движущаяся вода. Приведённые мной строки – прощание с королевским комедиантом. Финал никак не мрачен, а торжественен. Горечь от неудачной, порушенной любви, от запрета на христианские похороны, от уничтожения всего материального, что осталось от человека, была у меня помножена на восторг от того, что такой человек был. Хотелось ещё и ещё раз проследить его жизнь, и я перечитывал книгу... не знаю даже сколько раз. Это ослепительное произведение – по лёгкости, изяществу, артистизму, ритму, то есть по постановке слов во фразе. Булгаков мог бы соревноваться с самим Мольером. Фигура французского драматурга и актёра всегда меня интересовала, но, восприняв её воплощённой в булгаковском романе, я был ослеплён и покорён. Поставленный мной на сцене знаменитого БДТ спектакль «Мольер», где я сыграл главную роль, – одно из важнейших событий моей жизни.

Об артистах писали многие, некоторые удачно, а вообще, если начинают рассказывать о жизни театра даже хорошие писатели, они фальшивят. Нет, ну нет, хоть тресни! Наверное, так написать о Мольере, как это сделал Булгаков, мог лишь друг Мольера. В книге та свобода общения с внутренней жизнью великого драматурга, которой способен достичь только гениальный, прозорливый писатель и доктор. Чехов – вот кто ещё умел писать об актёрах правдиво и точно, но он давал эту линию в качестве боковой в общем действии. Булгаковский «Мольер», весь пронизанный театром, стал для меня книгой на всю жизнь.

Потом вышли «Записки юного врача». Позже один мой близкий друг очень доверительно дал мне напечатанные на машинке страницы романа со странным названием «Мастер и Маргарита». Когда я читал их, у меня создалось впечатление, что я вхожу в замок с несметными сокровищами. Думал ли я, что вскоре увижу прообраз Маргариты, воплощённый в реальную, очень привлекательную женщину – Елену Сергеевну Булгакову? Мы стали общаться. Булгакова не было на свете уже почти тридцать лет, все эти годы его имени почти не существовало в пространстве нашей жизни – и вот он возвращался, в виде книг и дружб. Я хотел познакомить Наташу Тенякову, игравшую в моей – первой в Союзе – постановке по произведениям Булгакова Маргариту, с Еленой

Сергеевной, но не удавалось, всё-таки мы жили в разных городах. Сам же я с ней встречался, и одна из встреч произошла при обстоятельствах удивительных.

В 68-м мы с Большим драматическим театром были на гастролях в Чехословакии. «Пражская весна», время невероятной вспышки талантов. Спустя несколько месяцев я снова был там, на маленьком фестивальчике. Когда он закончился, мы с моим другом собирались ещё несколько дней пожить в Праге. 20 августа, прогуливаясь по городу, неожиданно встретили Елену Сергеевну с сестрой: роман «Мастер и Маргарита» должен был выйти на чешском языке. Переводчицей его оказалась моя приятельница Алёна Моравкова, переводившая и мои книги, писавшая о нашем театре – о БДТ. На следующий день, 21-го, вечером, мы все сидели у Алёны. А в Прагу по тем же улицам входили советские танки...

«ПИСАТЕЛЬ ВСЕГДА БУДЕТ В ОППОЗИЦИИ К ПОЛИТИКЕ, ПОКА САМА ПОЛИТИКА БУДЕТ В ОППОЗИЦИИ К КУЛЬТУРЕ»

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Огромный отель, где жили мы с моим другом, опустел: все иностранцы уехали, мы остались там одни. Нашли Елену Сергеевну, надо было помочь ей и её сестре вынести чемоданы и доехать до вокзала. Но поезда в Союз не шли. Несколько дней мы ходили по городу, в котором не работал общественный транспорт и передвигалась военная техника. Разговаривали и всё время возвращались к Булгакову, к выведенным в его романах сдвинутым временам, и описанное им переключалось с тем, что переживали в те дни мы. Наконец сели в поезд и двинулись в сторону Москвы, но не доехали до неё: остановились, паровоз был отцеплен. Потом всё-таки нас повезли дальше, мы не знали куда, но добрались до Варшавы. И дальше, дальше, в сторону нашей границы... Во всей той фантазмагории мы постоянно вспоминали написанное Булгаковым и, несмотря на ужас происходившего вокруг, подсмеивались над нашей собственной ситуацией. Я знаю писателей, у ко-

торых абсурд превышает допустимые пределы, но у Булгакова – такая гармония искренних, глубоких переживаний с насмешливостью! Поэтому он – родной и понятный.

Ещё в Праге те чешские кроны, что были у нас и не могли быть нами потрачены, потому что магазины закрылись, мы пытались отдать чехам, но они отказывались прикасаться к «нашим» деньгам. И тогда я купил в дьюти-фри бутылку «Чинзано». Оно считалось у нас напитком мечты. Когда мы стояли на пражском вокзале в ожидании поезда, мой друг, засуетившись, толкнул ногой чемодан, тот задел сумку с «Чинзано», она упала – и бутылка разбилась. Со мной случилось что-то вроде истерики: единственное, что везли из Праги, и то вдребезги! Елена Сергеевна сказала мне: «Успокойтесь, дома что-нибудь придумаем». В Москве мы созвонились, и она позвала меня в гости. Когда я пришёл, протянула мне валютные чеки: «Возьмите, это вам от Михаила Афанасьевича. Купите себе в «Берёзке» вина и хороших сигарет». Я купил «Чинзано» и сигарет и воспринимал это как подарок от Булгакова.

Мне всё хотелось познакомить с Еленой Сергеевной мою Наташу. Наконец в один из наших с ней приездов в Москву я говорю ей: «Пойдём, без звонка». Отправились в знакомый мне угловой дом у Никитских Ворот, стали подниматься в квартиру. На лестнице обнаружилось много странных, не понравившихся мне вещей, какие-то ходили люди несимпатичные, но я старался не обращать внимания. Подошли к двери, я позвонил. Открыл нам сын Елены Сергеевны, я спросил, дома ли она. Он ответил: «Она дома. Она умерла». Такое было «знакомство», точнее, прощание – и забываемость. Всё это навсегда привязало меня к Булгакову.

...Ну ладно, одно дело – воспоминания и другое – живые книжки, которые он написал. Его фразы, ритм его прозы, умение сразу втянуть читателя в повествование. Вот пример: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилён летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс. Но дни и в мирные, и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь».

В трёх начальных предложениях, не понемногу разгоняющихся, а прямо влетающих в происходящее, уже представлены место и время действия, герои и дано общее настроение всего этого месива, называющегося романом «Белая гвардия». Так и начало любой главы из «Мастера и Маргариты» – воронка с мощным втягивающим эффектом, мгновенно переключающая читатель-

ское внимание даже с предыдущей главы. То же и в «Театральном романе»: «Гроза омыла Москву 29 апреля, и стал сладостен воздух, и душа как-то смягчилась, и жить захотелось. В сером новом моём костюме и довольно приличном пальто я шёл по одной из центральных улиц столицы, направляясь к месту, в котором никогда ещё не был. Причиной моего движения было лежащее у меня в кармане внезапно полученное письмо».

Несколько строчек сразу, без всяких предисловий, подходов втягивают тебя – и ты уже движешься вместе с героями Булгакова. Это волшебство. И его юмор тоже. Юмор – божественная вещь. Мера булгаковского юмора для меня целебна и учебна, она безошибочно, изумительно точно выверена. Юмор наполняет романы Булгакова на всём их протяжении. Булгаков всегда насмешлив, в первую очередь по отношению к самому себе, потому что он мог представить себя в описываемой им ситуации. В «Театральном романе» в Максудове показывает, по сути, свой характер и в то же время отделяет персонаж от себя и позволяет себе подшучивать над ним, собственные страхи, собственные нелепые поступки рассматривая не с отчаянием, но насмешливо. И, может, благодаря юмору Булгакова в его книгах присутствует великолепная отстранённость от происходящего, то есть правда. Кстати, здесь на него повлияла его первая профессия – врачебная. Как врач он знал больше других, а как писатель – имел право не хранить тайну, мог воспользоваться ею художественно. И всё то страшное, что происходило в Москве 30-х годов, Булгаков воспринимал таким, каким оно было. Но и насмешливо. Отсюда его взгляд на любые события чуть-чуть сверху. Вот Маргарита мстит за Мастера, но автор находится немного отдельно: он не вместе с ней летает, не вместе с ней крушит мебель. Может быть, именно поэтому в кино, где метафоры надо перевести в зрительный ряд, нарушается булгаковская интонация. Одно дело, когда всё выражается словами и возникает в воображении читателя, другое – когда выстраивается декорация и начинают ломать мебель. Одно – сказать изумительным текстом Булгакова, который – почти стихи, только без рифмы, и другое – показать это. Во втором случае уходит тот воздух, которым пронизана булгаковская проза.

У Булгакова соединяются вымысел, феерия – и реальность. Он постоянно ставит серьёзные вопросы. Например, в «Мастере и Маргарите» ведёт подспудный разговор о том, почему люди в ситуации нравственного выбора нередко отказываются от добра. Но даже нелестные для читателя вещи Булгаков пишет с чувством достоинства, с любовью и способностью смеяться, в том числе и над собой. Поэтому книги его улучшают настроение и, надеюсь, всего человека. ☺

4

ГЛАВА

ОПЫТЫ ЛЮБВИ

*В которой дом режиссёра
Астрахана навещают грабители
в масках **с.108***

.....
*а поэт Евтушенко отбивается скалкой
от вора, покусившегося на книжку
Пушкина **с.116***

АЗАРТ

В прошлом номере на никуда не плывущем корабле появилось новое действующее лицо — упитанный, громогласный человек — медийная звезда восточноевропейской поэзии, от блеска которой было не спрятаться и не скрыться

МАКСИМ КАНТОР

Глава седьмая

ВЫСОКИЙ ДОСУГ

Первые пять мешков я осилил на кураже, а потом ноги подкосились. Кой-какой рабочий опыт у меня имелся, но его оказалось недостаточно. В юности, когда меня исключили из школы (я рисовал антисоветские стенгазеты и клеил их в классе), я несколько месяцев работал на вокзале, носил ящики. На Казанском вокзале путь от перрона до пакагуза был коротким, ящики мы наваливали на тележку, и порой мне случалось ехать верхом на ящиках. Работа не кажется особенно тяжкой, если тебе шестнадцать лет и ты усвоил главное правило — вовремя перекурить. На работе не надрывались, а проводили время. Советская власть развивала в трудящихся исключительное жизнелюбие и даже гедонизм. Один из вокзальных грузчиков носил в кармане стакан — деталь поразительная: а) стакан легко разбить, б) пить можно из горлышка, зачем стакан? Но коллега-грузчик был эстет и водку переливал непременно в стакан, а работал неторопливо, чтобы не задеть карман, где стакан хранился. Мы перекуривали каждые десять минут, и лозунгом была армейская присловка «солдат спит, а служба идёт».

В дальнейшем я не раз козырял романтическими подробностями биографии. Быть грузчиком — это пикантно, если вы понимаете, что я хочу сказать. Беседуешь, скажем, с другим художником: колорит, композиция, то-сё... и вдруг — лёгкий штрих в беседе. Вы вот работали на вокзале грузчиком? А я, представьте, и такой опыт имею, да-с.

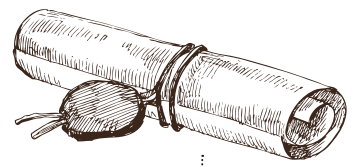
Опыт вокзального грузчика мне в порту не пригодился. Требовалось разгрузить баржу до вечера, и это было нужно нам самим, а не какому-то дяде с графиком. Курить некогда — и, кстати, когда задыхаешься и ловишь воздух ртом, уже не до дыма. Нас было шестеро сравнительно крепких мужчин — Август бодро сказал, что за три часа мы управимся; он ошибся.

В мешке сорок килограммов. Не так уж и много, если перенести пару мешков внутри сарая. Нам надо было пройти длинный причал, занести мешок на склад — и так двести двадцать пять раз подряд. Всего на барже было около тысячи мешков с какао-бобами, это была крупная баржа. Голова моя стала жаркой, дыхание прекратилось вовсе, я булькал и хрипел, ноги при каждом шаге сводило. Труднее всего распрямляться, после того как примешь мешок на спину. Один из нас спускал с борта баржи мешок на спину тому, кто стоял на сходнях. На барже работал музыкант Йохан, он присоединился к нам на причале. Йохан медленно опускал мешок на плечи Августу, а длинный Август балансировал на сходнях с мешком на плечах, потом переваливал мешок на спину, склонившуюся перед ним. Это была моя спина, или спина лысого актёра, или спины немецких рыбаков. Принял мешок, распрямился — и бегом по причалу. Рывок, когда распрямляешься с мешком на спине, отдаётся во всём организме, но надо бежать, чтобы Август не простаивал. Четверо человек бегали по причалу с мешками, а Август танцевал на шаткой жёрдочке. Скоро мы перестали бегать — волочились.

— Тридцать мешков — и перекур, — сказал актёр.

— Сорок, — сказал Штефан.

– Пятьдесят, – сказал Зиммель.

– Верно, – согласился Штефан, – лучше пятьдесят.

Я ничего не сказал, воздуха в лёгких не было. Про себя подумал: ещё десять раз вот так пройду – а потом инфаркт. Уверен, и актёр думал так же точно, работа на свежем воздухе в амстердамском порту не шла на пользу; лицо у парня было тёмно-красное, как мороженный тунец, и глаза мутные, как у тухлой камбалы.

– Вот он – азарт, – прохрипел актёр. – Хорошо Август корабль назвал, с прицелом!

«Вот она – утопия», – подумал и я. Всякая утопия непременно кончается тем, что дураки таскают мешки, а умники их погоняют.

– Вот перетаскаем тысячу мешков и тогда купим десять досок, – прохрипел актёр.

Мы сталкивались с ним, когда я порожняком возвращался к барже, а он ковылял навстречу под мешком. Я видел только лысину и мешок. Его лысина стала пунцовой, и на лысине выступили капли пота; диковинное зрелище – мокрая лысина. В тот краткий миг, когда мы с актёром встречались, – он, погребённый под мешком, и я, переводящий дух, – мы и говорили. Следующий раз – всё ровно наоборот: я волочусь под мешком, он плетётся навстречу, переводя дыхание. Диалогом это назвать трудно, скорее мизансценки. Он хрипел свои реплики из-под мешка с какао. Я не всегда успевал ответить.

– На кой ляд мне такая свобода!

– Да я вообще рисовать приехал!

– Это ж надо! Задарма таскать мешки!

– Так ведь...

И разошлись. В другой раз так поговорили:

– Десять досок за десять часов!

– Так мало?

– Самый дешёвый труд – мешки таскать!

– А что потом делать?

И разошлись. В другой раз так:

– А потом нас поставят картошку чистить...

– Почему картошку?

– Или полы мыть... Ещё десять досок купим...

– Так ведь...

В следующий раз:

– Это у нас такой путь к мечте?

– Зато честно...

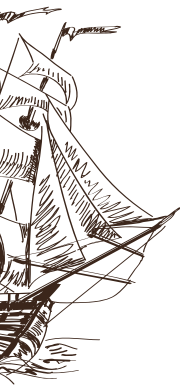
– Тебе-то зачем тут уродоваться?

– Все пошли – и я пошёл...

И правда, а зачем я пошёл перетаскивать мешки? Я ведь приехал рисовать – ехал в круиз на океанской яхте, и вот одного дня не прошло, как уже таскаю мешки с какао-бобами в амстердамском порту. Я же хотел в каюте морские пейзажи рисовать... Эволюция мечты меня потрясла. Я даже поставил мешок на бетонный причал и сел на него, прервал трудовой процесс. Ведь это же поразительно, думал я, как просто заставить человека работать, причём совершенно бессмысленно работать! Кто сказал, что нам надо перенести эти дурацкие мешки? Зачем их таскать? Чтобы купить доски? Которые положат на палубу ржавого корабля, который не плывёт? А если корабль однажды поплывёт, то пойдёт он по северным рекам, и дурень Йохан будет на палубе скакать козлом и играть на консервных банках? Вот ради этого безумия я сейчас тут сдохну под тяжестью какао-бобов?

Моросил мелкий дождь, дул холодный ветер, плоский пейзаж со складскими помещениями бурого цвета был отвратителен. Свинцовое море шумело, и, если глядеть пристально в чехарду волн, кружилась голова. Зачем я здесь? Какая идея стоит того, чтобы я здесь помер?

– Ты помираешь потому, что любишь труд в компании. Ты человек коллектива. И тебе неловко увильнуть, если другим тяжело. – Это сказал Адриан, угадав ход моих мыслей. Оксфордский историк развалился под навесом на тюках с шерстью, отгруженных с аргентин-

ского корабля. Тюки сложили в сухом месте, под крышей, и вот британец расположился там с комфортом, покачивал жёлтым ботинком и наблюдал, как мы корячимся.

Общество утопии стратифицировалось стремительно. В отличие от широко известной схемы Платона (поэты, стражи, философы) наша утопия предложила свои страты: пролы, идеологи и торговцы. Пролетарии тягали мешки; с нами всё было ясно. Идеологи нас поучали; для поэта Цветковича, оксфордского балабола Адриана и активистки Присциллы пролы были предметом исследования. Торговцы искали выгоду помимо нас; Яков, Ян и Микеле были заняты аферами.

Поведение у каждой из страт было особенным. Торговцы остались на корабле, их на дождь выманить было невозможно. А вот идеологи явились на причал, поглядеть вблизи, как пролетариат надрывается, дать трудящимся совет. Правда, устроились идеологи в сухом месте. Присцилла столь же вальжно, как и Адриан, возлежала на тюках под навесом и оттуда наблюдала за нами. Никто и не ждал от дамы, что она будет носить тяжести, но деликатность могла бы проявить. Впрочем, она хотя бы не отпускала циничных реплик. А вот Адриан про деликатность не ведал в принципе; он изучал нас, как тритонов, копошащихся в канаве. Вслед носильщикам учёный отпускал обидные реплики:

– Как думаешь, Присцилла, сколько ходок немец сделает? Сто? На кого ставишь – на актёра или художника? Кто раньше упадёт?

Немцы не поворачивали головы, не реагировали, сэкономили силы. Я же пристыдил британца. Адриан мне ответил так:

– Труд ваш глуп. Впрочем, как всякий социалистический проект. Тяжёлый и нерезультативный труд. Вам придётся проделать, – историк делал пометки в блокноте, умножал, вычитал, – э-э-э... примерно двенадцать раз, чтобы собрать деньги на палубные доски. Гарантирую, что в процессе труда трое из вас придут в негодность, то есть коэффициент производительности упадёт вдвое. Стало быть, восемнадцать раз минимум вам надо перенести подобные мешки. Заметим, что реальный труд по ремонту палубы ещё не начнётся, когда вы соберёте деньги на доски. А сил уже не будет. Причём речь лишь о ремонте верхней палубы. Настил внизу абсолютно гнилой, и там требуются работы по металлу.

Историк Адриан поудобнее улёгся на тук, забрался под навес чуть поглубже, чтобы ветер с моря до него не дотянулся, не забрызгал дождём.

Сырой ветер Северного моря на ощупь похож на скользкую рыбу. Мокрый и колючий, он шлёпает тебя по щеке, бьёт сырые пощёчины, обдирает кожу, словно по щеке хлестнули мокрой рыбиной с колючей чешуёй. Сырой рыбный ветер и приторный запах какао. И выцветший серый цвет когда-то зелёной воды. Вода ещё зелёная в глубине, но на поверхности серая мутная пена, взбаламученная ветром и дождём.

Мы, пролетарии, были мокрые от пота и от мелкой россыпи дождя – вот и актёр подошёл ко мне, он тоже уронил мешок и устался на соглядатаев. Так вот и стояли пролетарии под дождём и слушали циника-идеолога.

– И глупее всего то, – говорил нам Адриан, – что вам предлагали доски бесплатно, но бесплатно вам ничего не нужно. В этом отказе от подарка – стереотип коммунистического строительства. План Маршалла – то есть внешняя помощь – вам не нужен. Парадокс: с одной стороны, коммунисты мечтают о несбыточном, но, когда с неба валится манна, они манну отвергают. Вы хотите строить коммунизм за счёт рабского труда, а не за счёт подачек капиталистов.

– И они правы! – заметила левая активистка. – Труд людей учит, а подачки развращают.

– Что даст напрасный труд?

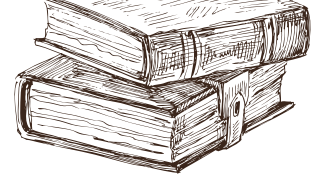
– Счастье! – сказала левая активистка Присцилла. – Счастье содержится в самом акте труда. Подлинный результат в самом труде, в его процессе. Сизиф, катящий камень в гору, – счастлив.

– И не важно, что камень неизбежно сорвётся с горы вниз и камень придётся катить снова?

– Совершенно не важно! Сизиф счастлив самим трудом!

Левая активистка достала кiset, свернула самокрутку, задымила. Вот у них, идеологов, был настоящий перекур. Что именно она курила – чёрный ли табак «житан», как все деятели 68-го

года разлива, или же марихуану, как это принято среди левых сейчас? Не ведаю, но дым от её самокрутки был сладковатым, сквозь рыбный дух моря и аромат какао дошёл этот дымок и до нас.

– Ага, в ход пошёл аргумент Камю, – заметил Адриан, качая ботинком. – Как я ждал этого банального софизма! Камю не заметил, что, переставив акцент с цели на процесс, он фактически повторил лозунг эсеров... «В борьбе обретёшь ты право своё», знаем, проходили... классика демагогии. Отличное оправдание лагерям.

– При чём здесь лагерь?

– В нацистских лагерях практиковали бесполезный труд, чтобы человек был угнетён постоянно. Заключённых заставляли переносить брёвна с места на место.

– Борьба за право и лагерь – несопоставимы! Вам, колонизаторам, рождённым во дворцах, не понять логику баррикад.

– Право существует помимо борьбы, а процесс труда вне личной заинтересованности делает труд рабским. Твой Камю и не предполагал, что его «Миф о Сизифе» есть оправдание Беломорканала.

Я (представитель пролетариата) наблюдал, как беседуют идеологи, и чувство классовой ненависти охватило меня. Ненависть была сродни той, что возникала при созерцании советского начальства, когда правительство являлось народу на парадах. Вот дармоеды, думал я, мы тут работаем, а они в это время... Любопытно, что ни в пору советской власти, когда население поголовно, включая грузчиков на Казанском вокзале, сачковало, ни сейчас, в порту Амстердама, где мы таскали мешки исключительно по своей прихоти, начальство дармоедами назвать было нельзя. Дармоедами были абсолютно все.

– А что, – протянул Адриан раздумчиво, – если квалифицировать деятельность этих безумцев как высокий досуг?

– Досуг? – И впрямь, прогулка с мешком на отдых не походила.

– Я говорю в терминах Аристотеля, – оксфордский историк зевнул.

Парижская активистка, подобно всем левым, читала только листовки, где в трёх репликах пересказывались работы властителей дум марихуанно-концептуальной молодёжи. Имя Аристотеля в листовках не фигурировало. Присцилла обиделась.

– А вот Фуко писал... – Но поскольку она не знала, что писал Фуко, реплика не сложилась.

Пока идеологи беседовали, а мы им внимали, мимо нас трижды прошли немецкие рыбаки с мешками. Немцы работали без остановки, дышали тяжело, но ровно.

Шэфтан приговаривал: «Айн-цвай-драй», и снова: «Айн-цвай-драй», так он считал шаги.

– Высокий досуг, – продолжал Адриан, – не связан с производительностью труда. Высокий досуг – это нравственная потребность в деятельности: люди вкалывают, потому что не могут иначе состояться как мыслящие индивиды.

– В чём-то ты прав, – заметила Присцилла, дымя марихуаной. – Вот шагают бесправные рабочие, и, обрати внимание, немцы только и ждут, кто бы ими скомандовал! Немцу не нужен подарок, немцу нужен порядок. Им не нужна свобода. Братство в труде им заменяет идею республики. Заметь, как эти братья дружно маршируют.

– Наш Август запустил алгоритм бессмысленного труда, и – бинго! – братское общество построено... ненадолго... – зевая, заметил историк. – Сколько, кстати, ваши фаланстеры существовали?

– Что? Фаланстеры? – Даже нам, портовым грузчикам, было заметно, что активистка Присцилла не вполне владеет фактами французской истории. Про Фуко слышала, но про Фурье в её журналах вообще не писали. Обижаясь, Присцилла крепко затягивалась сладким дымом и хмурилась, скривив рот, – становилась похожа на Симону де Бовуар. Мыслью она уносилась в шестой аррондисман, бульвар Сен-Жермен, кафе «Флор». Но, чтобы заслужить долгие часы в кафе «Флор», надо однажды пройти испытания борьбы – вот она и мучилась в амстердамском порту. Курило, думала, страдала.

Адриану, оксфордскому лентяю, её пантомимы были безразличны. Он рассуждал, покачивая штиблетом.

– Фаланстеры сдулись лет за десять... Перемерли работяги. Вы, леваки, любите бессмысленный труд... Для других, конечно... В какой момент имперская власть становится сизифовым трудом?

– Сталин! – Присцилла оживилась, разговор сделался понятен. – Это ведь Сталин! Поэтому Камю и вышел из компартии!

– Любопытно, – осведомился Андриан, зевая, – какой архетип воплощает славянская культура? Мне казалось, что идеал славянства – это справедливое, равномерное угнетение всего коллектива. Однако современная страсть к наживе это опровергает.

– Да вот же эта культура – цветёт!

И Присцилла указала на сербского поэта Цветковича, который – нет, вы подумайте! – давал интервью телекомпании, стоя на причале под дождём.

Глава восьмая

НАРОДНАЯ ПРАВДА

Откуда-то Цветкович раздобыл енотовую шубу, облачил необъятное своё тело в меха и таким вот боярином времён царя Иоанна стоял на причале под дождём – диковинный дикий человек в мехах. В руке поэт держал бутылку водки и постоянно прихлёбывал. Его полные щёки, разгорячённые алкоголем и ветром, пылали. Сербского поэта обступали западные корреспонденты с микрофонами и камерами, а Цветкович, выставив вперёд все свои подбородки, вещал. Спрашивали разное:

– Будет ли война с Боснией?

– Будет. – И отхлебнул.

– Будет ли война с Хорватией?

– Уже идёт.

– Правда ли, что Милошевич строит лагеря?

– Спросите хорватов, что они сами строят.

– Вы за Югославскую федерацию или за Сербскую автономию?

– Я за народ!

Война в Югославии в тот год стала реальностью – правда, никто из журналистов твёрдого мнения не имел: кого надо поддерживать, кто там прав и кто виноват. Балканы – это что-то такое манящее и пугающее одновременно, неопратно-притягательное, как клошар на бульваре Сен-Жермен; близко подходить неохота, а посмотришь издали – и залюбуешься. Война в Европе на обломках социализма будоражила и ставила вопросы. Беззастенчивые писки спрашивали поэта об убитых и покалеченных, о лагерях смерти Омарска и Приедора, о пытках, о генерале Караджиче, о расстрелах военнопленных.

Закутанный в енотовую шубу Цветкович говорил мужественно и просто. Да, стреляют. Идёт война. Народ имеет свою правду. За правду мы умрём.

– А если два народа, то две правды?

– Не говорите глупости.

– Но вы лично уехали от войны?

– Я всегда на передовой.

– Но вы человек обеспеченный, великий поэт. Вы не должны рисковать.

– Моё сердце в горах Сербии.

– Зачем поселились на сломанном корабле?

– Скажите, в доме, где живёте вы, всё в исправности? Подвал, чердак, электропроводка? А на планете Земля – всё исправно?

– Сломанный корабль – символ планеты Земля?

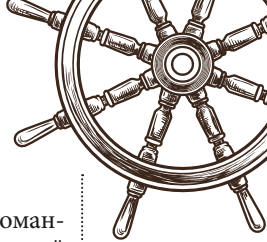
– Вы угадали.

– Скрываетесь от мусульман?

– Где меня искать, знает весь мир.

– Это культурный эксперимент?

Цветкович повелительным жестом пресёк поток вопросов.

– Это не эксперимент, – сказал Цветкович. – Это ответ на вызов времени. Собираем команду. Создаём альтернативную цивилизацию – воскрешаем идею Атлантиды. Мысль о новой Атлантиде носилась в воздухе; я сумел её сформулировать первым. Когда предложил Августу проект – мой друг занялся кораблём. Строим! Работаем! Поэтому я здесь. – Поэт развёл руками, распахнулась шуба, колыхнулся живот.

– Видите новую Атлантиду как православный проект? Как спасение сербской культуры?

– Вижу в этом путешествии спасение европейской культуры в целом.

– По-вашему, Старый Свет тонет?

– А не видите? – И тут порыв злого голландского ветра поднял волну, швырнул охапку мутной воды на причал, окатил поэта и корреспондентов. – Не видите близкого потопа?

– Что нас спасёт? Искусство? Мораль? Вера?

– Всё обречено. Вы пропали. Европа погибла. – Гигант в енотовой шубе погрозил морю кулаком. – Стихия поглотила уже не одну культуру! Но мы всё выстроим заново.

– Где ищите?

Цветкович махнул рукой, охватывая весь горизонт, забираясь в необъятные дали, туда, за дельту амстердамского Амстеля. Там, далеко на севере, во льдах, в вечной мерзлоте, где ещё не протухли базовые ценности Европы, лежала новая земля обетованная. Туда, к новому, звал поэт. Журналисты возбудились; ни ветер, ни дождь их эмоций не студили.

– Скажите, вы чувствуете себя европейцем? Или вы славянин?

– Я больший европеец, чем вы, – Цветкович снисходительно осмотрел журналиста. – Мои стихи переведены на двадцать два языка, я обедал в лучших европейских ресторанах и ни в чём себе не отказывал, мои портреты печатали в сотне газет... Я ношу одежду фирмы «Дольче и Габбана», пользуюсь одеколоном «Босс» и дружу с футболистом Бекхэмом. Спрашиваете, европеец ли я?

– Боже мой, простите...

– Принцесса Монако ходит в футболке с моим портретом.

– Извините великодушно...

Цветкович вздохнул, махнул рукой – и простил.

– Берёте хорватов в команду? Албанцев? Евреев? Турок?

– Всеотзывчивость мировой души – вот основа нашего проекта. – Цветкович сжал полные губы, нахмурился.

– Вы живёте здесь инкогнито?

– Скажем так: не люблю себя афишировать.

– В Любляне открывается ваш музей, там представлены фотографии, рукописи, первые издания. Что бы вы пожелали первым посетителям?

– Хочу передать в дар музею рулевое колесо нашего корабля!

И Цветкович сделал шаг в сторону, гигантская фигура сместилась, и мы увидели внушительных размеров упаковку, стоявшую на причале.

– Вот рулевое колесо корабля «Азарт», которое я передаю в дар своему музею в Любляне!

Цветкович сорвал картон и предъявил корреспондентам гигантский штурвал, снятый им с «Азарта». Это был штурвал корабля Августа – тот самый штурвал, который робко потрогал мой сын, когда ступил на гнилую палубу «Азарта». Гигантское рулевое колесо из рубки на носу корабля – Цветкович принёс это колесо на причал.

Вспышки камер, смех, аплодисменты.

– Разрешите вас сфотографировать рядом со штурвалом?

– Символ...

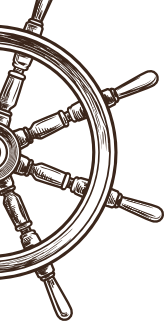
– А положите-ка руки на штурвал...

– Исторический момент...

– Пример для молодёжи...

Цветкович принял позу рулевого – широко расставил ноги, раздул живот, подставил лицо дождю и ветру, взялся за шпаги рулевого колеса и застыл, позируя фотографам. Жирный че-

ловец в шубе стоит за штурвалом на пустом причале; корабля нет, моря нет – рулевое колесо на асфальте и барин в шубе. У Сальвадора Дали такой картины, насколько мне известно, нет.

Как поэт исхитрился снять рулевое колесо, как вытащил штурвал из рубки рулевого? Как дотащил он штурвал до этого места? Колесо было огромное и неподъёмное.

Признаюсь, я растерялся. Даже флегматичный Адриан (а пробить цинизм британца было невозможно) вылез из своей тёплой норки под дождь, подошёл ближе. И Присцилла подошла, нравственно переживая – это было написано на её тонком лице.

Прибежал Август, бросил мешки. Ленты его бескозырки хлопали на ветру, капитан Август бежал издалека, тощие ноги мелькали точно спицы велосипеда. Добежал. На Августа было страшно смотреть.

– Предатель!

– Как ты можешь мне это говорить! – Цветкович разбух от обиды.

– Как ты посмел снять рулевое колесо с «Азарта»? Как?!

– А зачем тебе рулевое колесо?

– Что???

– Зачем твоему «Азарту» рулевое колесо?

– Так ведь это корабль... – Август даже заикается стал. – Без штурвала не поплывёт.

– Скажите, какая проблема! Корабль на приколе, команды нет, некому колесо крутить. «Азарт» – это символ, понимаешь? А в музее – символическая деталь символического корабля.

Август не находил слов. Он глядел на рулевое колесо, на Цветковича, на толпу журналистов – и не находил слов. А журналисты – о бессовестные, бестактные существа! – подносили ему микрофоны:

– Поделитесь эмоциями!

– У вас есть комментарии?

– Вы давно работаете с Цветковичем?

– Читали его последние стихи «Барка времён»?

Август схватил Цветковича за грудки – сгрёб енотовую шубу в горсть, рванул поэта к себе.

– Ты немедленно отнесёшь штурвал на место!

– Руки прочь!

– Верни штурвал, подлец!

– Куда рулить будешь, рулевой?

– Отдай штурвал, шкура!

Кстати, слово «шкура» довольно точно описывало впечатление от фигуры поэта в енотовой шубе.

– Успокойтесь, гражданин! – Журналисты призвали Августа к порядку.

Журналисты – зыбкий, неверный народец, они любят только героя дня и своё начальство, а вовсе не истину. Август для этих людей с телекамерами интереса не представлял – разве что как деталь в репортаже. Прошли времена, когда журналисты отправлялись в провинцию, чтобы защитить бабку, у которой отняли пенсию. Нет больше таких журналистов. Зато предвыборные штабы вороватых депутатов полны верных зоилов. За пристойное вознаграждение, за возможность постоять рядом с кумиром, за кресло в редколлегии – да что там, просто за возможность принадлежать к бойкому кружку – они любому слабаку горло перегрызут.

Поэт Деян Цветкович был кумиром масс, а безвестный Август был в глазах журналистов нулём. Журналисты стеной надвинулись на Августа, оттесняя капитана от поэта.

– Послушайте-ка, господин как-вас-там, – рослый зоил пихнул Августа в грудь, – имейте, наконец, совесть! А ну отойди! Что? Мало? Могу добавить! Руки, говорю, убери! Убери руки! Тебе поэт Цветкович идею подарил, сделал соавтором, а ты что вытворяешь?

– Какую идею? Что он подарил? Он штурвал украл... – Август уронил руки, беспомощно поглядел на нас.

– Отойдите от поэта! – Журналисты оттеснили Августа прочь. – Трус! (Почему Август трус – было не вполне понятно.) Сербский поэт жертвует для своего народа... Капиталист! Вор!

– Это не я вор... Это он украл...

Вокруг нас собралась толпа портовых зевак. Подходили владельцы складов и капитаны сухогрузов, моряки и грузчики и просто бродяги и наркоманы из сквотов. Голос Цветковича гремел и витал над толпой, а Август от волнения голос вовсе утратил.

– Балканы! Борьба! Штурвал! У народа есть своя правда! – Слов было сказано столько, что логика пропала вовсе. Я обратил внимание, с каким удовольствием оксфордский профессор разглядывает безумное собрание. Он упивался общественным маразмом.

– Скажите им что-нибудь, – попросил я Адриана.

– Что именно? – Оксфордский деятель улыбнулся. Я уже говорил, что рот британца напоминал розовый бутон. Бутон распустился в улыбке. – Что же я могу им сказать? Я такой аргументацией не владею.

– Скажите, что Август не виноват.

– Видите ли, – сказал мне Адриан, и впоследствии я не раз вспоминал его слова, хотя в тот день слова мне показались глупыми, – видите ли, когда в обществе возникает тяжёлая обида, понятие «права» теряет смысл. Сама обида получает права – и формирует свои законы.

– Правда! Совесть! Нечего есть чужой хлеб!

– Боже, хлеб тут при чём?

Но дискуссия уже вышла из берегов.

– Однако... Не ожидал. – От толпы отделился сумрачный голландец, владелец баржи с какао-бобами. Подошёл вплотную к Августу. – Знаешь, друг, проваливай с моей баржи. У меня жена из Белграда.

– Так ведь договорились... – Августу стало обидно ещё и за напрасный труд.

– Вот как ты с Сербией, так и я с тобой. Ни о чём мы не договаривались. Катись к себе на посудину! Ничего я тебе не заплачу!

Подошли и немцы Зиммель со Штефаном, послушали.

– Мы работали, – кратко сказал Штефан, – заплати нам за три часа труда.

– Ворам не плачу! – Владелец баржи был возбуждён до крайности. Как это часто бывает с преданными читателями лживых газет, его незнание достигло степени абсолютного прозрения. – Я сам видел! – кричал владелец баржи, багровея, – на моих глазах вот этот длинный отнимал штурвал у поэта! Ни копейки вора не дам!

– Правильно! – гудела толпа.

– Я не отнимал... – Это Август пролепетал. – Я ворованное хочу вернуть...

Поэт Цветкович, вальжный гигант в енотовой шубе, призвал толпу в свидетели:

– Помощь Сербии разворовывают... Отнимают последнее... Я своё кровное унёс с проклятой посудины! – Цветкович впал в то блаженное состояние экстагического вранья, когда враньё превращается в грозное идеологическое оружие. Слушатели трепетали от гнева.

– Заплати за нашу работу, – сказал Зиммель негромко.

– Гони ты этих фрицев! – кричали из толпы владельцу баржи.

Только сейчас я по-настоящему оценил рыбаков из Гамбурга.

Ни один из них не повысил голоса и не двинул рукой, но твёрдость намерений была очевидна. Голландец попятился.

– Меня весь порт знает! Ребят позову! Вас порвут, немчура!

– Тебе это вряд ли поможет, – сказал Штефан.

Я прежде думал: как немцы шли служить в гитлеровскую армию в сорок пятом году, когда Германия уже лежала в руинах? Германия была агрессором и кругом виновата, но мальчишки ведь не знали про Холокост. Они шли в армию, потому что беда, и стояли на Зееловских высотах, когда уже всё пропало.

– Плати, – сказал Штефан. – Быстро.

И голландец отсчитал купюры в ладонь Штефану.

Тот не сказал «спасибо», просто пересчитал и отдал Августу:

– На всю палубу не хватит, но кое-что. Идём на корабль.

Продолжение романа читайте в следующем номере.

—❖• СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ •❖—

Папа Астрахан

У снимающего фильма о любви кинорежиссёра Дмитрия Астрахана шестеро детей, сам он в родительской семье был пятым, младшим сыном. Но, как бы ни был богат личный опыт и сколько бы ни было снято на означенную тему фильмов, загадка чувств всё равно остаётся

НАТАЛЬЯ ДЬЯЧКОВА

Семейный пример

– Мой отец всю жизнь очень сильно любил маму, а она его. Они были студентами, когда влюбились друг в друга, учились в одной группе на истфаке Ленинградского университета. Собирались пожениться, но тут началась война. Папа ушёл на фронт, воевал в народном ополчении, был комиссаром, защищал блокадный Ленинград. А мама оказалась в эвакуации, в Саратове. Отца демобилизовали только в конце 1946 года. Мама ждала его почти шесть лет и, слава богу, дождалась. Она сохранила все письма, которые отец прислал с фронта, – около двухсот страниц. Мамины письма, к сожалению, пропали, а послания отца – на общие темы, сдержанные, суховатые и мало откровенные. Наверное, он догадывался, что их читают. И всё равно они полны любви. Правда, было одно письмо... Как мы поняли, мама высказала отцу что-то по поводу случайных связей, которые бывают на фронте, и между делом сообщила, что танцевала на вечеру у кого-то из подруг. Отец в ответ чётко дал понять, как ему тяжела даже мысль о том, что она может позволить себе какой-то флирт... Но их любовь выстояла, несмотря на разлуку. Они так ценили жизнь, так умели радоваться каждому дню! Оба были историками, отец писал книги и статьи, мама тоже. Мама для отца была главным цензором. На ночь она любила читать журналы, лучшее давала папе или пересказывала ему романы из «Нового мира», «Юности», «Иностранной литературы», а он любил её слушать. Мне кажется, он любил её слушать, что бы она ни говорила. Она всегда очень ярко, эмоционально рассказывала, а папа смотрел на неё и улыбался... Ещё они любили гулять вдвоём. Оставив младших на попечение старших, чтобы сделать уроки и легли спать, они отправлялись на вечернюю прогулку – дорожили редким временем, когда можно не отвлекаться на детей. Летом мы все вместе ездили в Зеленогорск или Репино, а зимой родители снимали комнату в дачном доме, чтобы уединиться и отдохнуть от нас. Папа там что-то писал, а мама просто была рядом. Им было хорошо даже без детей. Мама нам говорила: «Родственников не выбирают! Будь любезен любить тех, какие есть». И она как-то успевала всем нам, шестерым, уделить внимание. Мы с братьями привыкли в любых ситуациях советоваться с мамой. Перед сном шли к ней в спальню, садились рядом на кровать и шёпотом обсуждали свои проблемы. Папа пытался уснуть, а мама терпеливо выслушивала всех по очереди. Однажды во время нашей долгой беседы папа сквозь сон сказал: «А можно встречу с интересными людьми перенести на завтра?» Мы с мамой

засмеялись. Исповедь заблудшего сына была прервана... Мой отец был сдержанным внешне, но обладал удивительно тонким чувством юмора. И ещё скромностью. Ветеран войны, профессор, проработавший в своём институте больше тридцати лет... Как-то он вернулся с работы и рассказывает, что к нему подошёл человек, занимавшийся в институте хозяйственными вопросами, и сообщил: «Пришло две «Волги» на институт. Вам же не нужна машина?» Папа, не задумываясь, ответил: «Да, не нужна». На эти «Волги» тогда стояли бешеные очереди, разворачивались интриги мадридского двора, за них шла бойня. Хитрый хозяйственник знал, к кому подойти, – ведь отец был чужд житейских интересов, никогда не мог попросить для себя, хотя другим выбивал и путёвки к морю, и квартиры в строительном кооперативе. Мама обижалась на него, а он часто повторял: «Мне неудобно!» Сценарист фильма «Ты у меня одна», мой друг Олег Данилов, приписал эту реплику Збруеву, потому что она очень точно передаёт такой характер. Родители Олега из той же университетской среды. Это был такой круг – этим людям неудобно было что-то выпрашивать...

Лично мной отец особенно не занимался, он больше вложился в старших сыновей. Но каждое воскресенье было «нашим». Не знаю, насколько для папы это было весело, но он ехал с нами на каток или кататься на лыжах. Я обычно стонал и выл, что меня насильно тащат в лес. Правда, с этих прогулок мы возвращались счастливые и довольные. Очень жалею, что мы с отцом мало говорили по душам, я о многом не успел его спросить. О родне знаю совсем чуть-чуть. Знаю, что отец родом из крестьянской семьи, а в квартире собиралась ленинградская интеллигенция. Они выпивали, разговаривали, спорили, обсуждали книги, фильмы, спектакли. А мы, дети, сидели за столом вместе с ними и слушали, потому что было интересно!

Когда я родился, родители и четверо братьев жили в проходной комнате в коммуналке. Там папа с мамой и писали свои диссертации. Мне было чуть больше года, когда нам наконец дали квартиру – большую, трёхкомнатную. У папы была приличная зарплата, но мы всё проедали. Пятеро растущих мужиков! В восемнадцать лет у меня появилась первая вещь, которую купили лично мне – брючный костюм, а до этого я donaшивал то, что доставалось от братьев. Это было естественно, никаких комплексов я не испытывал. Другого алгоритма жизни просто не знал! Мне нравилось, что нас много. И мы всегда держались друг друга. Родители сумели каким-то образом воспитать в нас любовь друг к другу. По большому счёту это я сейчас и пытаюсь передать своим детям... А когда мы выросли и кто-нибудь из

► «Женское царство» режиссёра Дмитрия Астрахана. Плюс белокурой Витя

нас пятерых собирался жениться, мама говорила потенциальным невесткам: «Я в вашу жизнь лезть не буду и вообще на многое могу закрыть глаза. Но если посорите моих сыновей – не прощу! Проклянута». Думаю, она не шутила. Она понимала, что женщина может внести раздор в семью, и очень этого боялась. К счастью, ничего подобного не произошло. Мы, видимо, правильно выбирали спутниц жизни. Братья мои умудрились жениться раз и навсегда (пока). Я даже не сомневался, что у меня будет так же, но вышло иначе. Но ничего плохого о своих жёнах я сказать не могу. Они все трое прекрасны!

«И тогда ты пожалеешь, Кулакова...»

– Сейчас мне кажется, что нас мало – из пятерых братьев осталось только четверо. Виктора уже нет. Он был светлым человеком, который очень тонко чувствовал других. Думаю, мог бы работать свахой. Двоих своих друзей познакомил с девушками, и у них сложились счастливые браки. Ну, а если говорить обо мне... Первое светлое чувство у меня возникло в Выборге, в спортивном лагере. Я влюбился, нам было по десять лет. Она занималась фигурным катанием, я – классической борьбой. Мы как-то пошли в кино – смотрели «Хозяин тайги», и оказались с ней на соседних сиденьях. Это было очень волнующе, сидеть с ней рядом! Потом я назначил ей свидание на скале, в очень романтичном месте, в парке Монрепо. Почему-то мы договорились встретиться там в шесть утра. Я проснулся, но так хотелось спать, что я не смог себя поднять, и... не пошёл. Чувство было сильное, но сон оказался сильней. Он победил. Моя любовь, конечно, обиделась... А первые сильные переживания, связанные с любовью, я испытал, когда смотрел фильм «Римские каникулы». Сначала я смеялся вместе с людьми в кинозале. А в конце испытал ужасное чувство боли оттого, что двое не могут быть вместе, при том что очень сильно любят друг друга. Между ними преграда: она – принцесса, а он – обычный журналист. Эта лёгкая комедия с трагичным концом безумно меня тронула...

Был ли я влюбчив? Наверное, да... Но если уж влюблялся, то, как честный человек, сразу был готов под венец! Первый такой порыв случился в восемнадцать лет... Мы вместе учились в школе, но роман вспыхнул уже после её окончания. Я как-то пригласил её домой, отмечать с нами Новый год. И жениться, конечно, собирался. Но моя любовь внезапно объявила, что мы должны расстаться, и при этом отчаянно плакала, ничего толком не объясняя. Я не понимал, что произошло, и весь испереживался. Мама мне сказала: «Ну что ты хочешь? Она – дочка крупного чиновника, они постоянно ездят за гра-

ницу, а ты еврейский парень, хороший, чудный, но можешь стать ей помехой в жизни. Думаю, родители ей это объяснили». Мы расстались, но со временем, когда страсти улеглись, смогли общаться. Прошло почти восемнадцать лет, мы оба развелись, я приехал в Ленинград. Мы договорились, что я загляну в гости, просто поболтать. Но она задерживалась на работе, и я два часа просидел с её отцом. Я рассказывал ему свои замыслы, обсуждал новый фильм по Островскому. Как сейчас помню, сильно его ругал, объясняя, почему пьеса сильнее. Мне было что рассказать, я работал театральным режиссёром в Свердловске, а Георгий Товстоногов позвал к себе в театр... Потом пришла моя бывшая любовь, мы поболтали и расстались. Наутро она звонит – слушай, отец потрясён. Он забыл, когда он последний раз так интересно разговаривал. А моя мама сказала: «Это им наказание за то, что они не оценили тебя тогда!»...

Да, бывало, что меня отвергали. На первом курсе я отдыхал в Крыму. Мы жили в палатках, в бухтах, а рядом располагался санаторий для чиновников авиационной промышленности. И с одной девушкой у меня случился восхитительный летний роман. Целый месяц мы были неразлучны. А потом она уехала домой в Москву – и всё, как отрезало. Я маялся и страдал в Ленинграде. Мама посоветовала: «Найди эту девушку, выясни отношения и закрой вопрос!» Я знал только её имя, фамилию, что она живёт в Москве и учится в МАИ. Но вот что удивительно – везде, в канцелярии, в деканате, мне с ходу все бросались помогать. Мой безумный вид, видимо, мобилизовывал. И я её нашёл! Вхожу в огромную римскую аудиторию – она стоит в центре ряда. Поразительно, её тоже звали Лена, как мою жену, и смотрит на меня глазами неотразимой московской красавицы. Но ко мне не рвётся. Я ей машу – иди ко мне! Она машет – нет, ты иди! В этот момент надо было развернуться и уйти. Всё было уже ясно. Но ведь мы, влюблённые, всегда надеемся! И я пробираюсь через ряд. Она спрашивает: «Как ты меня нашёл?» «Нашёл, потому что я хотел тебя видеть. Уйдём отсюда. Надо поговорить». Лена в ответ: «Я хочу дослушать лекцию». Это был второй момент, когда надо было уходить. Но я ждал её целый час. Потом мы с ней гуляли, и она очень спокойно мне объяснила, почему мы не можем быть вместе. Оказалось, что она дочка замминистра и через полгода выходит замуж на собора «Комсомольской правды». Я был для неё не вариант. После этого разговора я поехал к друзьям и вырубился. Проспал шестнадцать часов, перепугал всех. Я видел такое в спектакле «Фантазии Фарятьева» в БДТ. Когда любимая героя уходила к Бедухову, он после дикой истерики садится на диван и за-

сыпает. Сергей Юрский очень точно это подметил и сыграл.

Самое болезненное в жизни – это безответные чувства. Для кого-то неразделённая любовь – драма, даже трагедия, но я, по счастью, другой. Меня неудачи подстёгивали. Хотелось стать лучше, добиться чего-то, реализоваться и, может быть, доказать, как жестоко они ошибались! Помните, как поётся в детской песенке: «И тогда ты пожалеешь, Кулакова, что портфель мне свой носить не доверяла. Что за партою одною ты сидела не со мной и так много о себе воображала...» Я считаю, что девушки, отвергнувшие меня, совершили огромную ошибку, недооценив масштаб моей личности. Это правда! Наверняка потом локти кусали! *(Смеётся.)*

Женился впервые я в двадцать два года. Был настроен серьёзно, думал, что у нас с Машей всё будет как у моих родителей. У нас ведь тоже студенческий брак, поженились ещё в институте. Училиась в ЛГИТМиКе, я – на режиссёрском факультете, она – на актёрском. После института меня пригласили на должность режиссёра в Свердловский ТЮЗ. Маша поехать со мной в провинцию не смогла, потому что ещё училась. Осталась в Ленинграде... Потом я ушёл в армию. Жена, видимо, думала, что я так и завязну в провинции. В общем, испытание разлукой мы не выдержали. Когда разводились, я ей сказал: «Маша, ты не поняла! Я ещё не начал даже, я только разминаюсь, я на старте!» Чувствовал, что в Свердловске надолго не задержусь, что жизнь изменится. И вскоре вернулся в Ленинград, работал какое-то время в БДТ у Георгия Товстоногова, а потом стал худруком Театра комедии имени Акимова. Произшёл довольно быстрый взлёт. В 1991 году вышел мой первый фильм «Изыди», и меня пригласили на Берлинский фестиваль. Там я впервые дал большое интервью, и его показал центральный немецкий канал. Одна моя знакомая, которая помогала Маше ухаживать за её детьми (а они с мужем уже жили в Германии), рассказывала, как они смотрели по телевизору эту передачу: «Журналист объявил: «Запомните этого режиссёра! В мировом кино появилась новая звезда!» – и тут ты со своей наглой рожей! Мы так смотрели с Машей, что её муж заметил нашу реакцию – а что вы там такое смотрите?» Интересно было бы знать, о чём Маша тогда думала... Между прочим, свою первую дочь я назвал Машей, мне это имя нравится. Жизнь, надо сказать, иногда дарит нам необычные повороты. На каких-то посиделках я познакомил первую жену с нынешней. И Лена пошутила: «Ну вот, наконец-то я увидела женщину, в честь которой названа наша дочь».

► Любящий папа на даче. С женой и дочкой

Елена Прекрасная

– Лет в четырнадцать я посмотрел фильм «Конформист» Бертолуччи и влюбился в героиню, которую сыграла актриса Доминик Санда. Прекрасная белокурая француженка, в фильме она была балериной. Когда я встретил Лену, сразу понял, что это серьёзно. Но осознал, что она очень похожа на мою юношескую мечту из «Конформиста», уже потом. В тот день я поздно возвращался домой из театра. Ехал в метро с одной известной ныне артисткой, был уставший, слегка нетрезвый. Увидел Лену и понял, что просто не могу её упустить... И дальше мне стало везти. Впереди была остановка «Технологический институт», где моя спутница выходила. И я молю бога, чтобы они не вышли обе. Лена, к счастью, осталась. Хотя вообще знакомлюсь сложно, а тем более в общественном месте, но, видимо, алкоголь поспособствовал, и я сумел начать разговор. Банальная фраза: «Девушка, мне кажется, я вас где-то видел», – попала в точку. Оказалось, за пять лет до этого я действительно видел Лену на ступеньках театрального института, когда искал актрису в фильм «Изыди». Даже подходил к ней, но на пробы её так и не позвали, потому что появилась актриса, которую мы быстро утвердили... Вдобавок незнакомка оказалась балериной Мариинского театра! И тогда я представился: «А я главный режиссёр в Акимовском театре. Моя фамилия Астрахан». – «Этого не может быть!» Она вспомнила нашу встречу у театрального института... И тут мне в третий раз повезло – мы выходили на одной станции. Лена согласилась, чтобы я её проводил... Часа два мы бродили по городу, пришли к её дому. У подъезда стояла Ленина мама, ждала её, было уже глубоко за полночь. Лена предложила: «Зайдёшь в гости? Чаю попьём!» Но мама отрезала: «Нет! Не зайдёт!» Надежда Николаевна опасность почувствовала сразу. Ещё бы, какой-то непонятный мужик пришёл за её брильянтом! Лена была совсем молоденькая, красавица, балерина. А мне на тот момент было уже тридцать восемь, довольно сомнительной наружности, да ещё и женат. Естественно, маме я категорически не понравился.

Тот период оказался очень для всех тяжёлым. Моя вторая жена Оля была замечательной женщиной. (Актриса Ольга Беляева, снималась в фильмах Астрахана «Все будет хорошо!», «Четвёртая планета» и «Перекресток». – *Прим. ред.*) И когда я уходил, испытывал глубокое чувство вины. Но так получилось... С Леной мы вместе двадцать один год, у нас шестеро детей. Пашу, нашего с Олей сына, Лена воспитывала с семи лет. Когда Оля погибла в 2000 году, Паша сразу стал жить с нами. В подъезде, где жили бывшая жена с сыном, случился пожар, они оба угодили в открытый огонь. К сожалению, мы не смогли спасти

Олю. А Паша чудом остался жив, нам тогда помогли все. Знакомые и незнакомые люди принесли деньги, потому что лечение оказалось очень дорогостоящим... А потом именно Лена и её мама Надежда Николаевна в течение нескольких лет возвращали его к нормальной жизни. Сыну было очень тяжело. Потеря матери, страшные ожоги. К Лене он относился по-разному, и не всё у них гладко складывалось. Но она была очень внимательна и терпелива, несмотря на бесконечные заботы о других детях. Когда Паше исполнилось шестнадцать, он сказал Лене: «Я хочу называть тебя мамой. Можно?» И с тех пор у него две мамы, одна – на небе, а другая – рядом... Паша – хороший парень, ему двадцать три. Учился в Московском институте музыки имени Шнитке, пробует открыть свою звукозаписывающую студию, всё делает сам, крутится, старается заниматься любимым делом. Он по-прежнему советуется с Леной и доверяет ей свои сердечные тайны. И если, не дай бог, что-то случится между мной и женой, абсолютно уверен, что Паша встанет на её сторону.

Вопрос женской реализации

– Ну не было у меня установки на многодетную семью! Я не нацеливался на определённое количество детей. В отличие от жены. Когда мы с Леной, едва познакомившись, гуляли по Ленинграду, она обмолвилась, что в будущем видит большой обеденный стол, а за ним – шестеро детей. Такое заявление из уст балерины Мариинского театра звучало настолько абсурдно, что я пропустил его мимо ушей. А зря! Сегодня это реальность, в которой я живу. Причём Лена почему-то не помнит, что она тогда напропорочила. И воплотила в жизнь то же она. Но вообще, как мне кажется, решать, сколько должно быть детей, – это право женщины. Дети – это вопрос женской реализации. Если женщина считает, что её счастье и предназначение в детях, то она обязательно должна воплотить свои мечты. И мужчина тут не вправе препятствовать, он может только подчиниться. Муж сегодня дома, а завтра неизвестно где. Он всегда немного в стороне, а женщина в эпицентре семьи. Лена ради детей во многом себе отказывает, но это её выбор! А я за них не волнуюсь, потому что у них есть мама, которая держит руку на пульсе. Правда, старшую, Машу, которой скоро будет двадцать, контролировать сложновато. Родительские советы и наставления она слушает, стиснув зубы, – сама всё знает. Наташе уже шестнадцать. Глаше – одиннадцать. Я вообще-то назвал третью дочь Аней, и в свидетельстве о рождении она Анна, но старшие – Паша, Маша и Наташа – потребовали рифму, поэтому теперь она Глаша... Вите – девять, Лизе – семь. Когда Аня-Глаша должна была родиться и срок родов приближался к началу марта, Паша Лене пригрозил: «Только

попробуй родить первого марта!» И накаркал – теперь Паша с Глашей радостно празднуют свои дни рождения в один день. Кровь эти дети у мамы, конечно, пьют и в этом себя не стесняют. Когда Лена совсем устаёт, то говорит: «Всё, уезжаю от вас», – и сбегает на пару дней. В другой город, но недалеко. Ходит по музеям, по монастырям, тихим местам. И ещё продолжает работать в Мариинском театре и на сцену выходит. Хотя мы последние одиннадцать лет живём в Подмосковье, но жена ездит в Петербург на работу. Недавно неделю отсутствовала и чем-то там занималась. Сказала, что работала. Надеюсь, так оно и есть. (Смеётся.)

Таинство брака

– На чём держится наш брак? На плечах трудового народа, то есть на мне. А если серьёзно – на хрупких плечах моей жены, на её мудрости. Ну и на любви, само собой, как без неё? С Леной мне очень повезло. Мало того что она воспитывает шестерых детей, так она ещё и меня терпит. А это подвиг, скажу я вам! Не каждая женщина способна понять мужа, для которого профессия в приоритете и мало времени на семью... Лена приняла меня таким, какой я есть. У неё ангельская внешность, и со стороны она кажется хрупкой, но на самом деле она очень сильная. Там, внутри, – стальная воля.

Однажды был страшный случай. Я уехал по делам, дома оставались Лена, няня, Наташа и Глаша, которой тогда был всего год. И в дом ворвались бандиты в масках. Рыскали повсюду, искали, что забрать. А у нас никаких особых ценностей и денег не было. Они спешили, нервничали, главный стал орать: «Где деньги?!» Лена, внешне сохраняя спокойствие, сказала: «Ребята, мы все волнуемся, давайте не будем кричать и нервничать. Вот вам деньги, которые остались на хозяйство. Вот ключи от всех комнат. Берите всё, что считаете нужным». Её тон грабителей успокоил. Один из них даже читал Наташе книжку, пока остальные собирали вещи. Взяли шубу, видеотехнику, часы хорошие сняли у Лены с руки... Перед уходом решили женщин связать. Няня запричитала: «Что вы делаете? Здесь же грудной ребёнок!» Те растерялись, в суматохе они Глашу и не заметили! Но Лена и с этим согласилась: «Ребята, всё нормально, вяжите и идите!» И бандиты удалились, оставив женщин со связанными руками в ванной. Потом Наташа, проявив сообразительность, их как-то освободила. Шоковая ситуация! Ужасная! Конечно, потом у Лены был нервный срыв, но перед грабителями она была хладнокровна. Как потом она сказала: «Почему-то в такой момент очень хорошо соображаешь».

Лена никогда ни в чём меня не упрекала, не ограничивала в свободе. У меня насыщенная творческая жизнь, друзья, общение – Лена в это

не вмешивается. На ней домашние дела и семейная идеология. Быт для неё – это мелко, она больше следит, чтобы дети читали, много знали, стремились к чему-то. Ну, и я тоже хочу, чтобы моей жене было хорошо. Потому что если ей плохо, то я уже не могу думать ни о чём другом.

Я всю жизнь очень много работаю. Скоро выйдет фильм «Подари мне поцелуй», летом собираюсь приступить к съёмкам следующей картины. В последние годы активно снимаюсь как артист, ещё преподаю. Чем больше работы, тем лучше я себя чувствую. Не понимаю, зачем нужно свободное время. Мне всегда хочется его заполнить. Максимально использовать для дела. Поэтому я «нахапываю» работу, жадничаю, берусь за всё, что интересно. Наверное, в этом смысле я похож на своего отца. Но у него были сыновья, а у меня – женское царство. И мне это царство нравится. Витю, правда, сёстры периодически достают. Помню, как-то на даче он выбежал из комнаты, где, видимо, сёстры его замучили, и, воздев руки, буквально завопил: «Боже мой, почему мои сёстры такие дуры?!» Это было исполнено прочувствованно и с глубоким знанием вопроса, а было ему года четыре. Я заранее сочувствую Витиной будущей жене. Четыре сестры, любящие своего брата, – это серьёзное испытание. Они и сейчас его опекают и, думаю, в дальнейшем не перестанут беспокоиться о брате. Он пока очень симпатичный мальчик, блондин с голубыми глазами, копия матери... Надеюсь, что мои дети будут опорой друг другу. Обещали, по крайней мере. Лет пять назад няня пересказала нам беседу двух сестёр. Наташа завела разговор о том, что папа у них уже не молодой, и Глаша сказала: «Ну что ж поделаешь? Пашу и Машу родители ещё успеют выучить. С тобой сложнее. Но всё-таки есть мама, которая тоже не совсем молодая... Ну что ж, значит, нам, старшим, придётся Вите с Лизой давать образование! Это ляжет на нас!» – сказала шестилетняя Глаша. Так что, надеюсь, скоро я смогу расслабиться.

Про любовь

– Пронзительнее всех писал о любви Иван Бунин. Его рассказы «Тёмные аллеи» – энциклопедия любовных отношений. В них есть и комическое, и трагическое, и какие-то мексиканские страсти, и развратные сцены, убийства, резня, отчаяние, боль. Когда студенты спрашивают, как играть любовную или эротическую сцену, я им говорю: «Читайте «Тёмные аллеи», там вы найдёте все оттенки страстей». На меня лично особое впечатление произвёл рассказ о людях, которых судьба сводит в эмиграции, в Париже. Он – белогвардейский офицер, она – красивая девушка, намного моложе его. Оба маются от одиночества, но встречаются друг друга, влюбляются, начинают жить вместе. Но счастье оказывается коротким, он умирает.

«Я СНЯЛ МНОГО
ФИЛЬМОВ
О ЛЮБВИ. НО
Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО
ЭТО. ЛЮБОВЬ
НЕ ПОДДАЁТСЯ
ОПРЕДЕЛЕНИЮ»

ДМИТРИЙ АСТРАХАН

И она снова остаётся одна – возвращается с похорон любимого, обнимает его шинель и рыдает в неё безудержно. Этот рассказ пронизан невыносимой тоской и безысходностью. Осознаёшь, что любовь – это лишь миг, упоительное мгновение, которое может закончиться в любой момент. Но это с одной стороны так... Мы со сценаристом Олегом Даниловым сняли много фильмов о любви. И вот почему так любим и популярен фильм «Ты у меня одна»? Его смотрят и смотрят... Во-первых, естественно, блистательный сценарий и прекрасная режиссура! (Смеётся.) Во-вторых, великолепная актёрская игра Александра Збруева, Марины Неёловой, Светланы Рябовой. А в-третьих, это в своём роде революционная история. Там доказано невозможное – что можно и через двадцать лет совместной жизни любить свою жену, несмотря на неустроенность, безденежье, проблемы. Но для этого жена должна была сыграть Марина Неёлова! И ещё можно через двадцать лет вернуться к своему первому возлюбленному, не разочаровавшись в нём. Но для этого на роль героя потребовался Збруев. Герой Збруева мог уехать в Америку с холёной красоткой, которая искушает его всячески. И хотя измена всё-таки имела место, но остаётся он с женой. Я снял этот фильм в тридцать шесть лет, ещё до встречи с Леной. А теперь по собственному опыту могу сказать, что настоящие чувства с годами никуда не исчезают. Каждый мужчина периодически стоит перед выбором, попадает в ситуации соблазнов. Ох уж эти женщины, они так и норовят соблазнить нашего брата! Мужчины – лопухи, придурки по сравнению с ними. Женщина – источник наслаждения, за ней обаяние, красота, сексуальность, поэтому, как правило, именно женщина владеет ситуацией. Если она умна, то мужчина ради неё горы свернёт. А если глупа... всё может кончиться печально. Она может уничтожить мужчину, а может высоко поднять... И то, чем я сейчас являюсь, во многом заслуга женщин, с которыми сводила меня судьба. ☉

Зебра

Пушкин, подводная лодка, керосиновый бак, генерал, зебра, бриллианты, первомайская демонстрация и любовь сотрудника КГБ к иностранке – всё в одном флаконе.

Точнее – в рассказе Ираклия Квирикадзе

Это рассказ о трёх Инзовых. Один из них – генерал Иван Никитич Инзов – во время южной ссылки Пушкина всячески поддерживал поэта и выказывал ему большую любовь...

Когда-то, живя в Америке, я написал для кинокомпании «20 век Фокс» сценарий «Фотографии дуэлянта Пушкина». Сегодня, раскрыв его на страницах, связанных с генералом Инзовым, я прочёл: «...В форменном мундире, при шпаге, Александр стремительно шагает сквозь пыль, поднятую овцами. Он спешит к генералу Инзову, хозяину южных колоний России. Посреди двора, заросшего крапивой, стоит генерал и смотрит на полосатую зебру – зебра громко ржёт, показывая огромные жёлтые зубы. Александр, удивлённый этим зрелищем, подходит к генералу.

– Коллежский секретарь Пушкин. Прикомандирован к вверенному вашему высокопревосходительству управлению... Честь имею вручить казённый пакет на ваше имя...

Генерал протянул руку за пакетом. Зебра вновь заржала. Генерал улыбнулся:

– Дикие животные – моя страсть. Имел страуса – не выжил. Верблюд Бонапарт в реку свалился. Теперь красавца этого прикупил у цыган.

Генерал Инзов разорвал пакет.

– Пишут о вас. Могу прочесть?

– Но, наверное, это не для моих ушей?

– Будете знать, что о вас думают в Петербурге...

«Господин Пушкин увлекался анархической доктриной... (Читает молча.) Его покровители полагают, что он раскаялся искренне и что, удалив его из Петербурга и окружив добрыми примерами, можно сделать из него прекрасного слугу государства, а также поэта первой величины...»

Зебра громко заржала.

... По окнам барабаны крупные капли дождя. В комнате беспорядок. Открыты чемоданы, вывалены книги. Входит вестовой генерала Инзова.

– Господин Пушкин, вас требует к себе Иван Никитич.

Александр открыл глаза.

Двор. Под дождём стоят генерал, Пушкин и несколько офицеров. Все смотрят на зебру, с которой стекают чёрные и белые полосы и оголяется серая шкура осла. Краски текут по двору мутными ручьями. Генерал оглядывается на Пушкина:

– Вот вам первое задание. Четыре дня назад, обдурив меня, старого осла, цыгане бежали в сторону Солёных озёр. Разыщите разбойников. С вами – десять всадников и лёгкая пушка для устрашения!»

О том, что произошло далее, мало кто знает. Военный отряд несколько дней разыскивал цыган – нашли их в местечке Варзареште. Александр один пошёл на разговор с главой табора – були-баши. Вернувшись, велел отряду двигаться назад. Сам остался, ничего не объясняя. Десять дней провёл Пушкин с цыганским табором. Десять ночей падал в объятия дочери були-баши. Однажды утром проснулся один, цыганка исчезла. «Она устала от тебя. Ты надоел ей», – получил он такую информацию. Пушкин покинул табор. Денег вернуть за фальшивую зебру не смог. Зато написал поэму «Цыганы». Инзову поэма очень понравилась, он простил молодого автора.

Потомок генерала Ивана Никитича Инзова жил в Тбилиси в сороковых – пятидесятых годах прошлого века. Я его хорошо помню. Он жил по соседству с нами в Музейном переулке, 16. Правнука генерала звали Никита Львович Инзов. У него была своя керосиновая лавка. Инзова не любили. Помню очереди, выстраивающиеся ещё затемно, я просыпался от звона бидонов, от грузинского, русского, армянского мата. Женщины дрались бидонами, кто-то из мужчин размахивал саблями, от него все шарахались. Напротив нашего дома

жила голубоглазая восьмидесятилетняя княгиня Текла Баратова (Бараташвили). Сыновья её воевали на фронте, она жила одна, с собакой, которую звала Пушкин. Имя пса ничем не объяснить, кроме как безумной любовью Теклы Баратовой к Александру Сергеевичу Пушкину, к его стихам. Помню, как она целовала собаку в нос, лоб, глаза и шептала: «Мой Пушкин». Никита Львович Инзов сам приносил Текле шестилитровый бидон керосина несколько раз в месяц. У Инзова было два среднеазиатских помощника, они разносили бидоны уважаемым жильцам Музейного переулка и окрестностей площади Лаврентия Павловича Берии. Наш Музейный выходил на эту площадь. К княгине Бараташвили нёс бидон лично хозяин. Текла была малоподвижна, сидела зимой и летом в большущем мужском драповом пальто, слушала по радио Левитана, Ойстраха, Долорес Ибаррури, Клавдию Шульженко. Когда Инзов ставил у её ног шестилитровый бидон керосина, голубоглазая княгиня расстёгивала верхние пуговицы своего пальто, потом расстёгивала верхние пуговицы своей шерстяной кофты, оголяла шею.

На шёлковом шнурке были нанизаны изумрудные, бриллиантовые, сапфировые кольца, серьги... Она снимала одно из украшений и вручала керосинщику. Тот доставал лупу и тщательно разглядывал очередную плату за керосиновый бак. Была зима, когда княгиня не смогла снять с шёлкового шнурка очередное кольцо. Кончился длинный ряд драгоценностей, шнурок опустел. Инзов посмотрел на голую шею княгини, оглядел её комнату, заметил вышитый цветным бисером портрет поэта Пушкина на стене, спросил: «Шарики стеклянные?» Текла Бараташвили ответила: «Стекланные». Инзов поднял принесённый шестилитровый керосиновый бак и ушёл с ним. Об этой истории узнали в Музейном переулке. Некоторые считали, что керосинщик Инзов поступил правильно...

Третий Инзов, Иосиф, – главный герой этой разбросанной во времени и пространстве хроники. Её можно было бы по-хулигански назвать «Инзовиада», но я назвал её «Зебра, или Празднование 1 Мая 1980 года в Москве».

Иосиф, сын Никиты Львовича, самый хорошо знакомый мне человек из этой семьи. В юности, когда мы, мальчики Музейного переулка, играли в футбол, он, самый младший из нас, стоял на воротах, ловко отбивал мячи. Потом переехал в Москву, в 1980 году мы встретились в гостинице «Интурист», и его рассказ завершает мою хронику.

...1 Мая. Улица Горького заполнена толпами людей. Они движутся к Красной площади, где на Мавзолее стоит всё правительство страны. На фасаде гостиницы «Интурист» висит огромный портрет Леонида Ильича Брежнева. Он заслоняет несколько этажей... (Лучше начать рассказ чуть

раньше.) ...Утро того же дня. Парад ещё не начался. В номере 713 гостиницы «Интурист» лежит Мари Мориссо, молодая канадка. Она глотает таблетку. Морщится. У неё ангина. В окне видна обратная сторона портрета Брежнева. Прозрачный красный холст, на котором глаз, густая бровь, часть носа. На коленях Мари Мориссо – открытки с видами Москвы. Мари пишет письма, при этом кашляет. Обвязывает горло шарфом.

В кабине гостиничного лифта едет Иосиф Инзов. Ему двадцать пять лет. Он практикант школы КГБ. Не так давно начал работать в гостинице. На нём светлый плащ, серая сорочка, полосатый галстук. На седьмом этаже лифт останавливается. Иосиф Инзов выходит и идёт по коридору. Стучится в 713-й номер. Выждав паузу, достаёт из кармана плаща связку ключей. Выбрав один, Иосиф просовывает его в замочную скважину и порывисто входит в номер. Видит молодую канадку, лежащую в постели, говорит:

– Извините, но вы должны встать и выйти из номера.

Говорит по-русски, но Мари поняла, так как слова «встать» и «выйти» Иосиф изобразил с расчётом, чтобы иностранка поняла его.

– А почему? – спрашивает Мари по-французски.

Инзов бойко, на этот раз не задумываясь, как донести до молодой женщины смысл своего требования, говорит:

– Во время праздничных парадов на Красной площади с десяти утра до четырёх часов дня не разрешается находиться в номерах, выходящих окнами на улицу Горького...

– Но почему?

Иосиф показал пальцем в окно, где сквозь брежневский портрет можно различить праздничную толпу со знамёнами, плакатами.

– Во избежание террористического акта. Возьмёт кто и бросит из окна бутылку, и не просто бутылку, а «коктейль Молотова». Представляете, что может случиться?! Вам надо встать и уйти.

Мари не очень поняла монолог Иосифа, но жесты показывали «надо встать и уйти».

– Я больна.

Иосиф только сейчас заметил на стуле, рядом с постелью, таблетки, градусник. Иосиф повернулся и, ничего не говоря, вышел из номера. Постучался в соседний. Дверь открыл пожилой немец.

– Вы говорите по-русски?

Немец отвечает с сильным акцентом:

– Немножко.

– Вы должны уйти из номера. Он до четырёх часов должен быть закрыт. После парада возвращайтесь...

– Да-да...

Немец ухмыльнулся, захлопнул дверь номера. Иосиф открыл ключом следующую дверь. В номере пусто. Иосиф заглянул в ванную, там никого.

«Видимо, вышел или не ночевал», – сказал он сам себе. Поднял пёстрый галстук, приложил к воротнику своей рубашки, секунду полюбовался в зеркало, потом вернул галстук подушке и вышел. Проверил ещё один номер. Ряд номеров, выходящих окнами на улицу Горького, закончился.

Иосиф сел в лифт и спустился на первый этаж. Пройдя коридор, вошёл в небольшую рабочую комнату. Денис Творогов, лейтенант, сидел за столом и смотрел в окно. Иосиф сообщил лейтенанту:

– В номере семьсот тринадцатом больная с высокой температурой. Лежит, не встаёт.

Лейтенант оглядел Иосифа с головы до ног:

– Что ты сказал, Инзов?

– Иностранка в семьсот тринадцатом, больная...

Лейтенант молча встал, толкнул дверь. Иосиф за ним. Сели в лифт, поднялись на седьмой этаж. Вошли в 713-й номер.

Мари лежит, не меняя позы. Лейтенант пытливо посмотрел на иностранку.

– Высокая температура?

Мари не поняла. Лейтенант сделал шаг к постели, взял со стула градусник, посмотрел на деления. Потом подошёл к брежневскому глазу и посмотрел сквозь него вниз на улицу Горького.

– Нельзя, но... – Он явно не знал, как поступить в данной ситуации. – А может (повернулся к Иосифу), побудешь в номере до четырёх часов? Возьми стул и сиди.

Иосифу не по душе была перспектива сидеть в номере больной до четырёх часов.

– А что она может сделать, Денис Васильевич?

– Оставлять её одну нельзя. Год назад пьяный поляк бросил из своего окна «Зубровку», бутылка долетела до человека, старого стахановца, бедный держал зная, голова треснула, как арбуз! С нас три шкуры содрали...

Лейтенант резко повернулся к Мари и тоном, не терпящим возражения, сказал:

– Этот человек будет сидеть здесь!

Лейтенант взял стул и, как бы иллюстрируя свои слова, подтолкнул к стулу Иосифа, усадил его.

– Он не будет вам мешать. Считайте, что его нет в номере. Человек-невидимка!

Лейтенант ушёл. В гостиничном номере воцарилась долгая, неловкая пауза. За красным полотном портрета кричали «ура!». Инзову хотелось обернуться к молодой красивой иностранке, но раз он не сделал этого сразу, после ухода лейтенанта, не спросил её: «Как ваше имя?», то сейчас это сделать было неловко. Мари, указав пальцем на холодильник, сказала:

– Я могу попросить дать мне воду?

Иосиф подошёл к холодильнику и открыл его. В пустом холодном пространстве стояла бутылка минеральной воды. Иосиф вынул её. Увидел среди лекарств открывалку. Шипучая вода полилась в стакан.

– Аква!

– Аква!

Выпив воды, Мари улыбнулась Иосифу:

– Знаете метро «Парк культуры»? Там букинистический магазин. На витрине книга – в одном томе весь Пушкин. Огромный том. Не понимаете, что я говорю?

Иосиф удручённо кивнул.

Мари сделала жест рукой, давая понять: «Не смотрите на меня, я должна встать и пойти в туалет». Иосиф отвернулся. Мари выбралась из-под одеяла, у неё хорошая фигура, загорелые ноги проглядывают сквозь кружевную комбинацию.

Иосиф посмотрел на свои часы. Они встали. Иосиф потянулся к телефону, набрал «100» – справочную точного времени. Ответа нет. Иосиф вышел из номера.

Коридор. Настенные часы. По ним Иосиф ставит стрелки на своих часах. Бесшумно мерцает экран телевизора, в котором праздничные толпы демонстрантов идут по улице Горького. Рядом с телевизором лежат кем-то оставленные ветки сирени. Видно, что ветки свежие. Иосиф сел в кресло. В этот момент раскрылись двери лифта. Вышел лейтенант Творогов, не заметив Иосифа, прошёл мимо. Лейтенант открыл дверь номера рядом с номером Мари Мориссо. Вошёл.

Иосиф осторожно пошёл по коридору. В дверной щели увидел лейтенанта, который стоял, прижав правое ухо к стене, весь превратившись в слух. Похоже, вслушивался, что происходит в номере Мари Мориссо.

В вестибюле беззвучно мерцает телевизор. На Мавзолее стоят члены Политбюро. Неожиданно Иосиф схватил сирень и осторожно пошёл к дверям немца. Лейтенант продолжал держать ухо прижатым к стене. Увидев Иосифа, сказал:

– Осторожность, осторожность и ещё раз...

Не договорив, лейтенант легонько подтолкнул Иосифа в номер Мари.

...Девушка спит. Иосиф вошёл в ванную комнату, налил в пустой графин воду, поставил в неё сирень. Резкий стук в дверь. Иосиф – к дверям. Графин с сиренью поставил на пол. В дверях грузный, хмурый человек.

– Ты взял цветы?

– Какие цветы?

– Сирень.

– Нет.

К мужчине подошла женщина небольшого роста с высокой рыжей причёской:

– Как же нет, товарищ Батыров, я видела – он взял и прыжками, как козёл...

– Я не козёл.

– У тебя девица в номере?

Женщина резко ворвалась в номер и оказалась рядом с графином, полным цветущей сирени. Победно хохотнув, она вытащила из графина цветы,

зло взглянула на Мари, которая проснулась и не понимала, что это за женщина с высокой причёской и что за цветы. Женщина вышла, хлопнув дверью, крикнула:

– У него девица в номере голая! Он охмуряет её нашими цветами, товарищ Батыров!

Мари спросила:

– Как вас звать?

Иосиф молчит. Мари спрашивает по-английски, английский более понятен.

– Иосиф.

– Я Мари Мориссо. Я не поехала в Ярославль со своей группой... Глупо получилось... И этот том Пушкина...

Иосиф не понимает её слов.

– У вас есть друг, кому можно позвонить? Кто знает язык?

Иосиф догадался, что она сказала. Заглядывая в блокнот, набрал номер.

– Алло, Иракий?

...Если кто читал в журнале STORY мой рассказ про гостиницу «Интурист», может, помнит, что какое-то время благодаря Анфисе Никаноровне Тушиной, администраторше и родственнице, я работал в «Интуристе» переводчиком с французского. Там-то я и встретил Иосифа Инзова, давнего тбилисского соседа по Музейному переулку, 16, проходящего практику в «Интуристе».

– Иракий, я сейчас в смешном положении. Канадка что-то мне говорит на французском, а я не понимаю её. Она мне очень нравится...

– Ты хочешь, чтобы я перевёл ей «ты мне очень нравишься»?

– Нет-нет, я у неё в номере нахожусь, ты же знаешь, во время парада... Выселяют из номеров...

– Знаю.

– А она лежит больная. Я слежу...

– За чем?

– Хрен знает за чем! Можно я передам ей трубку? Она что-то про Пушкина меня спрашивает, а?

– Можно. Но давай я позвоню тебе через двадцать минут?

Иосиф положил трубку, погладил себя по животу и спросил:

– Живот у тебя голодный, да?

Мари засмеялась. Закивала головой. Иосиф пошёл к выходу. Ручка двери зацепила карман плаща и разодрала его. Мари приподнялась на подушках, показала:

– Давай зашью!

Иосиф отмахнулся: бог с ним. Вышел.

Горячие сосиски, сыр, хлеб, горчица. Всё это на двух тарелках Иосиф внёс в номер больной иностранки. Мари надкусила сосиску.

– Вкусная.

Зазвонил телефон. Мари подняла трубку.

– Это Иракий Квирикадзе. Вы хотели что-то сказать Иосифу, он просил перевести.

– У вас есть время послушать мой бред?

– Да.

– У моей бабушки Елизаветы, русской, в Торонто... Фамилия её Толбухина. С ударением на «у»... У неё много русских книг...

– В Торонто?

– Да, главная бабушкина книга – Пушкин. Издание «Академкнига», весь Пушкин в одном томе. В детстве я часто листала её...

Иосиф любит Мари, увлечённо говорящей на своём языке. Мари сняла шарф, улыбается, оживлённо говорит. Она стала очень красивой – пшеничные волосы, зелёные глаза.

– ...Одна картинка к стихотворению «Утопленник» всегда пугала меня. Утопленник стучится в окно. Я до смерти боялась его. В волосах водоросли, пустые глазницы, я боялась на него смотреть. А остальные картинки чудесные – «Сказка о царе Салтане», «Евгений Онегин». Когда я наталкивалась на «Утопленника», я плакала, кричала в ужасе!

– От картинки?

– Да. Я вырвала картинку «Утопленника». Знаю, что это преступление.

– Мари, что вы хотите, чтобы я перевёл Иосифу?

– Я была маленькой, когда наш дом ограбили.

Всё унесли. И тот том Пушкина.

– И?

– Прошло пятнадцать... нет, семнадцать лет.

В Москве два дня назад в букинистическом магазине около метро «Парк культуры» смотрю – Пушкин, такой же, в витрине. Продавца прошу, он показал книгу, листаю... Руки почему-то дрожат. Почему мне кажется, что именно эта книга – бабушкина? Тираж-то огромный – сто тысяч! И... О боже... Нет картинки «Утопленника». Вижу следы вырванной картинки...

– Та самая книга?

– Та самая.

– Невероятно. Как она попала из Канады в Москву? А может, кто-то ещё пугался этого «Утопленника»?

– И тоже вырвал картинку? Нет. Я даже узнала свой обрыв.

– Странно. А сколько книга стоит?

– 165 рублей. Знаю, дорого. Но я схватила своего Пушкина, не отпускаю. А мне его не продают. У меня доллары. Продавец ни в какую не принимает доллары. Чуть не выгнал меня. Магазин закрывался, было восемь часов...

Говорящие на французском так увлеклись диалогом, что забыли об Иосифе. Тот молча смотрит на Мари Мориссо. Она продолжает:

– Завтра второе мая. Всё закрыто. А послезавтра утром мы улетаем...

В номер 713 резко, без стука вошёл лейтенант Творогов.

– Четыре часа!

– Уже?
 – Прощайся, Инзов. Пошли.
 Иосиф встал со стула, взглянул на Мари:
 – Она что-то хотела мне сказать.
 – Пошли. Наговорились.
 ...Иосиф и лейтенант – в комнате спецотдела.
 В окне видна площадь, группы расходящихся демонстрантов. Какой-то человек собирает брошенные на тротуаре фанерные щиты с надписями «Мир», «Равенство», «Братство». Лейтенант протягивает Иосифу исписанный лист бумаги:
 – Что за история с сиренью?
 Иосиф молча читает. Потом говорит:
 – Я хотел сделать ей приятное...
 – Ну и как? Ей было приятно?
 – Она не успела увидеть цветы, ворвалась эта, – Иосиф указал на лист, – схватила сирень и унесла. А потом пишет: «пьяная в постели...»
 – А ты знаешь, что находиться в номере наедине с молодой иностранкой запрещено?
 – Но вы же сами велели мне сидеть с ней с десяти до четырёх?
 – Да, велел. Но вот тут написано... – листает инструкцию. – Правила поведения работника госбезопасности. В поезде, например: если в купе с тобой едет молодая иностранка, ты обязан вызвать проводника и потребовать перевести тебя в другое купе... Во избежание провокации!
 В комнате воцарилась тишина. Лейтенант говорит:
 – Я бы порвал это письмо про сирень, но ты не даёшь мне возможности верить тебе. Влюбился в иностранку!
 – Влюбился? Я сидел и смотрел на неё, как вы велели...
 Лейтенант вынул пачку «Голуаз», закурил, затянулся, выпустил дым и погрозил Иосифу пальцем.
 – Иди! Но знай, гостиница «Интурист» не бордель, чтобы никаких больше шуры-муры с иностранками!
 ...Иосиф идёт по вестибюлю гостиницы. Остановился, посмотрел в зеркало пустого лифта и неожиданно вбежал в него. Нажал кнопку седьмого этажа.
 Мари Мориссо взглянула на Иосифа так, словно ждала его возвращения. Не зная, что сказать, Иосиф показал на рваный карман:
 – Пожалуйста... Пришейте!
 Мари рассмеялась. Показала ему жестом «снимите плащ» и «подайте вон ту сумку». Иосиф подал. Мари достала иголку, нитки. Иосиф снял плащ, сел на стул.
 ...Вечер. В ресторане «Интурист» на эстраде поёт Анна Шагал. Луч света направлен на поющую певицу. В полумраке видны Инзов и Ираклий Квирикадзе. В ресторанном шуме Иосиф сказал:
 – За эти пять часов, что я не произнёс ни слова, что-то случилось со мной.

– Любовь?
 – Не знаю. Весь день думаю, что это...
 Ираклий попытался пошутить:
 – Весна. Девушка в постели...
 – Ираклий, о чём она тебе говорила по телефону? Почему всё время повторяла Пушкин, Пушкин, Пушкин?
 Неожиданно в ресторане погас свет. Анна Шагал продолжала петь без микрофона. Ираклий прошептал Иосифу историю книги Пушкина, которую Мари Мориссо случайно обнаружила в букинистическом магазине у метро «Парк культуры».
 – Как?
 – Так. Та самая книга. Одна из ста тысяч!
 – Фантастика!
 Оба молчат. Темнота. Кто-то принёс горящую свечу, осветил лицо Анны Шагал. Иосиф поискал рюмку на столе. Выпил.
 – Я куплю этого Пушкина и подарю ей.
 – Книга антикварная. У неё деньги есть, нужно только поменять доллары. Но проблема в том, что третьего утром её группа уезжает, она никак не успевает. Магазин открывается в одиннадцать. А самолёт в двенадцать. Так она сказала.
 – Я знаю, что делать. Я пошёл. Ираклий, спасибо! ...Инзов позвонил жене Оле Сорокиной, с которой недавно развёлся.
 – Здравствуй, Оль... Хочу встретиться. Два слова сказать. Не по телефону.
 – Приходи!
 Небольшая комната на площади Восстания.
 – Оля, мне нужно сто шестьдесят пять рублей. Точнее, сто тридцать, остальное у меня есть. Верну, клянусь! Не отказывай, Оль! Надо позарез...
 – Работаешь в «Интуристе»?
 – Да.
 – Пригласил бы в ресторан. Там у вас так гуляют. По Москве легенды ходят.
 – Вообще-то давай, приглашу тебя и твоего нового, как его звать?
 – Босх Константин, очень ревнивый.
 – Что за фамилия?
 – Босх как Босх...
 – Богатый?
 – Да. (Пауза.) Сколько ты сказал – сто тридцать? Раздался резкий звонок в дверь. Оля от неожиданности надкусила губу.
 – Сегодня же он дежурит! Сейчас! А куда тебя девать, Инзов?
 Идёт открывать дверь. На пороге мужчина в чёрном костюме, галстук, с цветами. Тяжеловес, но рыхлый.
 – Нас отпустили. Оставили Тиграна дежурить. А нам дали волю. (Смеётся.)
 Босх обнял Олю. Сгрёб в одну охапку и её, и цветы. Энергично, по-медвежьи бросил их на кровать.

- Сегодня праздник, я выпил и...
- Костя, подожди...
- Девочка, не брыкайся!

В щели шкафа, где неожиданно для себя оказался Иосиф, видно, что Босх пытается раздеть его бывшую жену. Иосиф не выдержал стыда тайного высиживания в шкафу, резко открыл дверцу и вышел. Константин опешил:

- Это кто?

Иосиф отводит глаза от полуобнажённой Оли и говорит:

- Оля, сто тридцать рублей, и я исчезну.

Босх взревел:

- Что?! Что?!

Он в два прыжка оказался рядом с Иосифом и ударил его. Иосиф пошатнулся, но тут же как-то ловко нанёс удар тяжеловесу. Началась драка. Её не назовёшь красивой, но длилась она изрядно долго. Босх навалился на Иосифа, тот с трудом выполз из-под туши и стал бить его ногами. Оля оттащила бывшего мужа от лежащего на полу медведя в прихожую. Сунула руку в лакированную сумочку, вынула оттуда деньги, всучила их Иосифу, открыла дверь:

- Линяй!

Босх, встав с колен, рванул к ним. С пятого этажа сталинской высотки Инзов сбежал, не дождавшись лифта. Вслед ему гремело: «Стой! Стой! Стой!» В свете уличного фонаря Инзов посчитал деньги, не хватало пятидесяти пяти рублей. Поехал к родной тётке. Просидел час с лишним. Тётка Виктория работала в издательстве, Иосиф спрашивал её о книге Пушкина, где всё в одном томе. Ему пришла в голову мысль: а что если достать этот том, не дожидаясь третьего мая, и преподнести Мари Мориссо? Тётка Виктория глубоко вздохнула и сказала: эта книга, изданная в 1937 году, в столетие гибели Пушкина, очень редкая.

- А у кого-нибудь она есть?

– У Евтушенко видела в Переделкино. Зачем ищешь?

...Иосиф Инзов в час ночи приехал на электричке в Переделкино. Продрался сквозь бурьян и вышел к тёмному дому Евтушенко. В одном окне увидел открытую форточку. Вполз змеей в форточку и повис вниз головой, услышав чьи-то шаги. Мимо него в темноте прошёл поэт Евтушенко. В трусах, он спросонья не заметил вытянутую мужскую фигуру. Иосиф решил: раз его не заметили, пока хозяин не вернётся в спальню – не шевелиться. Евтушенко вышел, проходя в шаге от Иосифа, вдруг со всей силой ударил его скалкой. Удары посыпались градом. Иосиф упал на пол.

- Ты кто, гад?

Евгений Александрович продолжал неистово колошматить непрошеного гостя.

– Бриллианты у меня не здесь... Сука! – Удар, удар, удар.

- Не бриллианты! Пушкин!

- Пушкин?!

Иосиф, как смог, объяснил поэту цель своего ночного нашествия. Поэт стал хохотать.

- Ты сумасшедший!

– Пушкина моего не получишь! Да ещё из него страницу вырвать! (Выматерился.) Но, может, я помогу тебе. Который час?

- Два часа.

– Директор «Букиниста» у «Парка культуры» – мой приятель, Марк Александрович Суров, чудо человек, но кто звонит в два ночи?

И всё же позвонил Сузову. Тот спокойно выслушал странную просьбу, сказал: «Пусть твой меджун (с персидского «сошедший с ума от любви») придёт третьего в девять утра».

Утро. Метро «Парк культуры». Бородатый продавец впустил в магазин Инзова, у которого на лице следы евтушенковской скалки. Достал с витрины книгу «Пушкин» и протянул Иосифу. Тот, схватив книгу, бросив на прилавок деньги, выбежал из «Букиниста». В вестибюле «Интуриста» – канадская группа туристов с чемоданами, среди них Мари Мориссо. Иосиф Инзов, практикант школы КГБ, вбежав в гостиницу, летит к Мари, шепча на ходу: «Фор ю презент», – и протягивает тяжеленный том Александра Сергеевича Пушкина.

Много лет я не видел третьего Инзова. Неожиданно четыре дня назад он появился на презентации моей книги «Мальчик, идущий за дикой уткой» в «Библио-Глобусе». Пришёл получить автограф автора. Мы оказались в грузинском ресторане, что в подвале Зала имени Чайковского. Иосиф рассказал о своей сумасшедшей жизни. Воевал во всех горячих точках планеты Земля. Сербия, Африка, Латинская Америка, полгода провёл на подводной лодке, бездвижно лежавшей на дне Гудзонова залива, смотрел в перископ на Нью-Йорк. Мы вспомнили «Интурист». Я мог бы рассказать любую его сумасшедшую историю, например, как он искал тайную дверь пирамиды Хеопса. Но выбрал простенькую первомайскую хронику 1980 года. Знаете, почему? Слушайте.

«Ираклий, я искал много лет Мари Мориссо, знал о ней всё. Но не мог найти. Всё что-то мешало. Только однажды мне показалось, что вот она! Я слышал, вроде бы Мари переехала в Нью-Йорк... Наша подлодка лежала под статуей Свободы, выполняла сверхсекретное задание, и вдруг вижу в перископе – по нью-йоркской набережной бежит девушка, как две капли воды Мари Мориссо. Вижу – и что?! Открыть люк лодки, поплыть, выбраться из воды у нью-йоркской набережной, побежать за Мари Мориссо с криком «Люблю тебя!» я не мог. Поэтому молча следил в перископ за девушкой в спортивной форме и думал, сколько еще нам лежать на дне Гудзона». ☉

5

ГЛАВА

ЛЮДИ & ВЕЩИ

*В которой Марии Арбатовой
за участие в политических интригах
отрубают голову французы **с.130***

.....
*а Виссариона Белинского
выгоняют из университета свои
же соотечественники **с.140***

—❖— ВЕЩЬ —❖—

Путник из страны «Театр»

*Роберт Стуруа, художественный руководитель
Театра имени Шота Руставели и главный режиссёр
Et Cetera, – о том, как он раздарил свои дома, едва не продал
работу Пикассо и заполучил футболку Марадоны,
воспользовавшись служебным положением*

НАТАЛЬЯ ДЬЯЧКОВА

– Я очень люблю Москву. Когда работаю здесь, живу в квартире, которую мне предоставил театр Et Cetera. А когда надолго уезжаю – скучаю. Но мой дом – в Тбилиси. Я отдал его старшему сыну Георгию, а квартиру – младшему, Михаилу. Дом у меня появился в 1981 году,

после успехов зарубежных гастролей Театра Шота Руставели. Эдуард Шеварднадзе фактически мне его подарил. Дом стоит прямо напротив церкви, и окна моей спальни как раз на неё и выходят. Мне так нравилось просыпаться под колокольный звон! Но перед тем, как подойти к окну, я всегда брюки надевал, потому что как в трусах выглядывать в окно с таким величественным видом? А последние

семь лет мы с женой живём в мастерской. Это такая пристройка к зданию Театра Руставели, с отдельным входом. Там репетиционный зал, спальня и кухня. Это очень удобно. Проснулся – и ты на работе. Но если меня выгонят из театра (а такое уже бывало), мы снова окажемся на улице. Дети примут, конечно, но без особой радости...

Когда появился дом-подарок, я первым делом купил туда кабинетный рояль. Дело шло к развалу СССР, музыкальные школы спросом не пользовались, инструменты отдавали почти даром. Азам игры на фортепьяно меня научила двоюродная бабушка, она была оперной певицей. Но терпения у меня хватило лишь на первый класс музыкальной школы, я заленился и бросил. Потом подростком увлёкся джазом и учился сам. И я хорошо играю, всё серьёзно. Партитуры пытаюсь даже читать. Было время, когда я каждое утро исполнял на рояле что-нибудь из Баха. А потом перестал. Родились внуки, и утром я не мог играть, потому что они ещё спали. И вечером снова не мог, потому что они уже спали. На рояле теперь учится играть моя внучка Елена, а я в Москве купил себе синтезатор, довольно дорогой, потому что у него нажим пальцев соответствует нажиму на фортепьяно. Но сейчас я опять без инструмента – его забрал внук. В нашей семье у всех такая тяга к музыке! Михаилу было года четыре, когда он заявил, что хочет играть на скрипке. Несколько месяцев настойчиво требовал скрипку. Мы с женой обегали все музыкальные магазины и нашли-таки скрипочку для совсем маленьких. Купили. Я уже всем рассказал, что у нас в семье растёт Паганини! А сын осмотрел инструмент и озадачил меня вопросом: «Пап, а где инструкция?» Он думал, что это игрушка такая и по инструкции он сможет на ней играть.

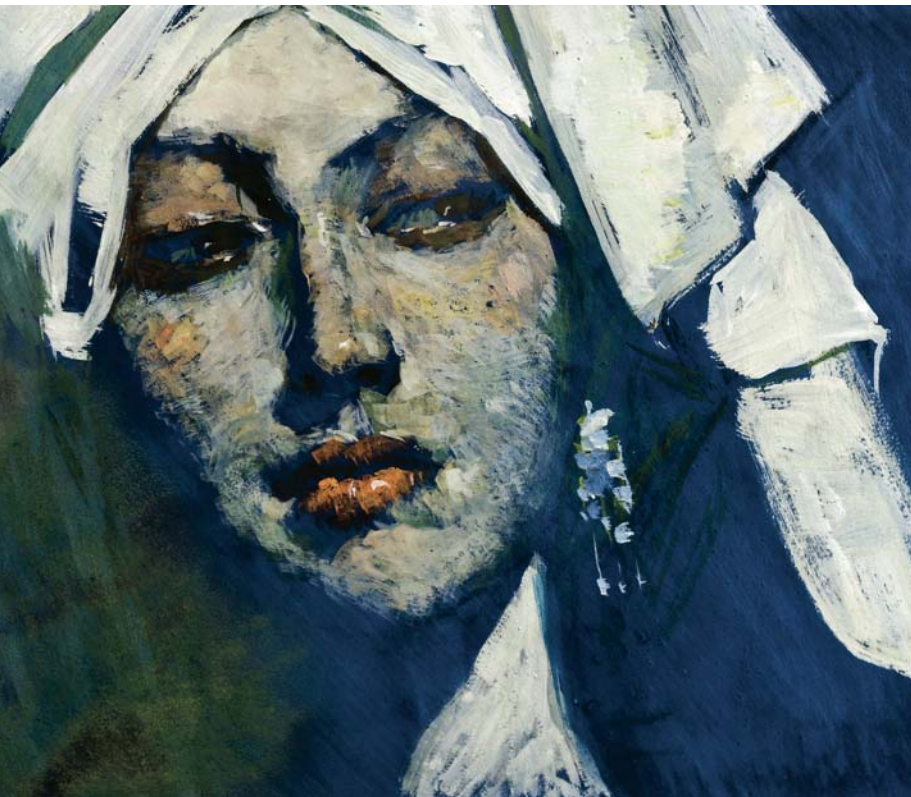
Учиться не собирался! Он её так и не освоил, это в его планы не входило.

Фонарики

Когда развалился Советский Союз, наступил кризис. В 1992 году началась война Грузии с Абхазией. Помню, мы с женой уехали в Финляндию – я там ставил Шекспира – и отсутствовали четыре месяца. А когда вернулись, окунулись в новую реальность. У меня была собака, французский бульдог Чико, очаровательный пёс. Жена его кормила только отварным мясом, давала скорлупу для костей, витамины. Пока мы отсутствовали, Чико жил с тёщей. И вот возвращаемся мы в Тбилиси, а в городе темно, в домах нет электричества. Перепуганные и ошеломлённые, поднимаемся на свой седьмой этаж. И уже на пятом слышим радостный лай Чико. Открывается дверь – на пороге тёща со свечой, собака бросается мне на грудь – и я вижу, что из пасти пса, который ничего, кроме отборного мяса, не ел, торчат грязно-серые макароны. Именно в тот момент я понял, что жизнь изменилась и никогда не станет прежней. А актёр Кахи Кавсадзе рассказывал, как в два часа ночи он проснулся от холода. Встал, надел тёплые носки, пальто, шапку. Его жена испуганно спрашивает: «Кахи, ты куда собрался?» «Спать иду!» – отвечает. В квартирах было холодно, а интеллигентные женщины продавали на рынке утварь и книги, чтоб купить еды. Но хотя всем было понятно, что произошла катастрофа, переход в нищету народ воспринял довольно легко. У меня, худрука, зарплата в театре составляла 1 доллар 80 центов. Актёры получали и того меньше. Но я продолжал работать за границей, меня звали в Лондон, можно было на год-два там остаться. Но я не мог! Как бы высокопарно это ни звучало, я не могу

уехать в лучшую жизнь, пока в моей стране всё плохо. Хочу дождаться, чтобы здесь стало хорошо. Есть такая латинская поговорка: «Когда говорят пушки, музы молчат». Она не подтвердилась. Мы в театре работали, как одержимые. Незадолго до распада Союза в театр

что света не будет. Объявили зрителям: «Мы вынуждены закончить спектакль, электричество в ближайшее время не дадут». Кто-то из зала крикнул: «А мы поможем!» Поскольку перебои со светом случались часто, люди ходили по городу с фонариками или свечками.

пришла большая группа молодых артистов. Когда началась вся эта катавасия, я в их глазах увидел такую тоску и безнадёгу... Они думали – ну кто будет ставить спектакли, когда нечего есть? И я позвал молодых режиссёров, сам много ставил, погрузился в работу и актёров втянул. Когда работаешь, реальность не кажется такой страшной. За семь-восемь военных лет мы сделали больше новых спектаклей, чем в мирное время. Помню, играли премьеру «Добрый человек из Сезуана». Оставалось минут десять до конца спектакля, когда вдруг в зале погас свет. Директор куда-то позвонил, выяснилось,

Те, у кого были мощные фонари, пустили их по рукам вперёд. Зрители первых рядов направили их на сцену, и актёры доиграли в лучах фонарей. В слезах были все: артисты, зрители. Искусство – всё-таки великая объединяющая сила, особенно в трудные времена.

Фруктовая водка

У меня были друзья – супруги-французы. Они театроведы, вместе с Жераром Филипом и Жаном Виларом основали Авиньонский театральный фестиваль. Приезжали в Грузию, бывали у меня в гостях. Я подарил им редкий альбом Пиромани – они были счастливы!

Потом пригласили меня в Авиньон на театральный семинар. Разумеется, после него был банкет. И мы с Олегом Ефремовым там сильно напились. Obviously я пью только вино, но в тот раз смешал его с водкой. Водка оказалась фантастическая – фруктовая, из груш. Утром просыпаюсь и не понимаю, где нахожусь. Ничего не помню! Стены без окон, только одно окно очень высоко, под потолком. Думаю – наверное, я что-то натворил и меня арестовали. Решил, что я в камере, в тюрьме. Потом подошёл к двери, а на ней листок, на котором написаны расценки за услуги. И тут до меня доходит, что я в гостиничном номере, куда меня, видимо, привели в бессознательном состоянии. Рядом с кроватью обнаружил тубус. Мне это не понравилось. Подумал – может, я его стянул? Потому что если вижу что-то интересное и «плохо лежит», то могу и взять. Книгу, к примеру, или пластинку. Открыл тубус, там внутри – серая вата и свёрнутое что-то. Достаяю, разворачиваю – это литография Пикассо, на ней его подпись и номер из серии «Художник и его натура». Тут у меня руки затряслись! Не дай бог такое украсть! А потом нашёл в тубусе письмо, в котором супруги-театроведы сообщали, что дарят мне эту литографию. Когда в Грузии было тяжёлое время, я позвонил в Тбилисский музей искусств и поинтересовался, за сколько могу продать им литографию Пикассо с его подписью. В музее растерялись – у них не было картин Пикассо! – и попросили перезвонить через два часа. А потом назвали такую цену, что я решил не продавать. Хотя, наверное, и не продал бы... Да и у музея, скорей всего, таких денег не было.

Колокольчик Сандро

После Октябрьской революции был в Театре Руставели главный режиссёр – Сандро Ахметели.

Смелый, талантливый, ничего не боялся. В годы сталинских репрессий был арестован как враг народа. Его жену Тамару Цулукидзе, актрису, тоже обвинили и сослали. В 37-м году Ахметели расстреляли, Тамара узнала об этом уже в ссылке. Перед расстрелом Сандро про-

вели на машине мимо театра, сказали: «Вот, посмотри на свой театр, ты видишь его в последний раз». Его вещи и рукописи было приказано уничтожить. Но один человек, простой рабочий сцены, сымитировал это аутодафе, спалив старые газеты, а вещи и записи Ахметели унёс домой и зашил в матрас. Вдова Сандро в 55-м году вернулась в Тбилиси, и ей передали вещи и бумаги покойного мужа. Когда мы отмечали 100-летний юбилей театра, пригласили её на празднование. Много было гостей: Любимов приехал, актёры, иностранцы. Тамара поднялась на сцену и сказала: «Я хочу подарить Роберту колокольчик.

Сандро звонил в него, когда начинал репетицию и заканчивал её...» Я его взял, позвонил. Удивительно – человека нет, а звуки живы! Помните, у Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» герои на границе Ледовитого океана услышали какие-то голоса, конское ржание, но, сколько ни озирались по сторонам, никого не увидели. Панург спросил: «Что это такое?» А Лоцман объяснил, что тут минувшей зимой произошло сражение. Слова и крики, звон оружия и конское ржание замёрзли в воздухе, а когда зима прошла, оттаяли и стали слышны. Вот и звуки этого колокольчика – привет от погибшего Сандро.

Застолье

Для чужестранцев грузинское застолье – что-то чудовищное. Когда по шесть – восемь часов за столом сидят люди, которые говорят и говорят одно и то же по кругу, – со стороны этого не понять. Но это традиция, у неё корни есть. Ведь грузины не раз оказывались под игмом римлян, арабов, турок. И я думаю, они так крепко держались друг за друга, потому что это была единственная возможность сблизить нацию, язык и песни. Они собирались не ради выпивки и не потому, что любят побездельничать. Нет! Многие старинные песни сохранились как раз благодаря застолью. Мы не только много разговариваем и любим поесть и выпить, но и поём. Многоголосное грузинское пение – очень сложное, но, если в семье хорошо поют, дети это впитывают рано. В нашей семье никто не обладает певческим талантом. Я, конечно, пытаюсь петь, я же грузин! Но у меня гнусный голос, я всем только мешаю. Между прочим, я сделал в театре десять оперных постановок и всегда удивлялся некоторому тугодумию певцов. И вот однажды на празднике я начал петь во весь голос. Друзья изумлялись – пел я громко,

самозабвенно и долго. А к концу почувствовал, что голова у меня закружилась и она какая-то пустая. Возникло ощущение, что я оступел. Правда. Тогда я понял, в чём причина странного тугодумия певцов. Когда поёшь, голова превращается в своеобразный резонатор и словно пустеет.

► Роберт Стура не только режиссёр. Картины – его кисти

Крест

Я страшный транжира. Спускаю деньги на всякую ерунду, покупаю всё, что под руку попадётся. Мне интересно знакомиться с новыми дурацкими предметами. Из Израиля зачем-то привёз машинку для выдавливания зубной пасты. Жена, когда мы путешествуем, на досмотре делает вид, что мы незнакомы. Ей стыдно! У меня много что напихано по карманам, начиная с точилки для ножей странного вида и заканчивая магнетиками. Правда, у вещей есть одна особенность – они становятся

частью твоей жизни. И тогда они не только память. Они заменяют любимых иногда! Бывает, что какая-то вещь не на месте и ты теряешь покой, не можешь сосредоточиться, не можешь работать. Нельзя становиться рабом предметов, это нелепо! Если мы слишком большое значение им придаём, они над нами посмеиваются. Я стараюсь к вещам не привязываться. Поскольку жизнь у меня кочевая, мне достаточно ноутбука и телефона с выходом в Интернет.

И ещё со мной всегда крестик. Я ставил в Греции спектакль по трагедии «Царь Эдип», и мы репетировали прямо в античном театре. Там умиротворяющая аура, ты отдаляешься от суеты, медитируешь. Актёры хоть и не те греки, что жили во времена Софокла, но связь с античностью ощущалась. Они подарили мне крест, очень простой, из ниток. Его специально сплёл отшельник, который жил на острове в Эгейском море, а ког-

да умер, был причислен к лику святых. Для меня этот крестик был очень дорогой и ценной вещью. Но однажды он потерялся. Я, конечно, не настолько суеверен, чтобы ждать несчастья, но всё равно переживал. Даже спросил об этом одного верующего человека. Тот ответил: «Даже если потеряешь свой крестильный крест, а уж тем более любой другой, ничего страшного. Значит, так тому и быть. Забудь!» Он меня совершенно не успокоил, но я со своим крестиком внутренне попрощался. Сказал себе: «Ну сколько можно страдать? Хватит уже!» И тот вдруг нашёлся! Как ни странно – когда я успокоился. Обнаружил его дома, в шкафу, он прятался за вещами. С тех пор ношу его не снимая.

Футболка

У меня есть футболка с автографом Диего Марадоны. Футбольные болельщики, когда её видят, просят продать за любые

деньги. Но она мне самому нравится. Я обожаю Аргентину и всё, что с ней связано. Поставил там шесть спектаклей и собираюсь ставить седьмой. В 2007 году в Буэнос-Айресе, в Национальном театре «Сан-Мартин», мы репетировали спектакль по пьесе Брехта «Карьера Артура Уи». Один из актёров, участвовавших в массовке, оказался бойфрендом дочки Марадоны. Ну, я и воспользовался служебным положением! Попросил парня: «Сделай мне подарок! Пусть Марадона подпишет мне майку». А тот неожиданно привёз на премьеру самого Диего. По-моему, на сцену тогда никто не смотрел – только на футболиста в зале! А после спектакля Марадона подарил мне футболку, а на ней фломастером испански написано: «Роберто Стуруа и его ребятам! Диего Марадона», и на спине его номер – 10. Я оформил её в рамку и повесил на стену.

Я вообще-то человек щедрый, и это не хвастовство. Для меня большее удовольствие отдавать, чем хранить у себя. Друзья говорят: «Я у тебя эту вещь не возьму, потому что она тебе дорога». А я отвечаю: «Если я тебе дарю то, что дорого, отрываю от сердца, значит, подарок имеет ценность. А если я тебе отдаю какую-то глупость, то, что мне не нужно, это уже не подарок, а ерунда».

Кисти и краски

Тонино Гуэрра в семнадцать лет выпустил первый сборник стихов. Его за эти стихи сильно ругали, а знаменитый художник Моранди, наоборот, позвонил и пригласил к себе на виллу. На лужайке перед домом Тонино заметил какие-то бугорки. Спросил, что это. «Кладбище кистей», – ответил Моранди. Он так любил свои кисти, что

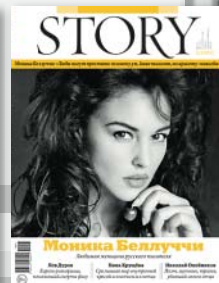
исписывал их до последнего волоска. И не мог выбросить, хоронил в земле, как друзей... А я люблю актёров. Они – мои инструменты, мои кисти и краски. Пока мы вместе работаем – становимся друзьями. Хотя говорят, что так нельзя – режиссёр должен держать дистанцию. Но у меня почти все друзья – актёры. Они представители одного из лучших сортов человечества. Они свободные, хотя некоторым почему-то кажется, что безнравственные. Я, например, считаю, что репетиция должна заканчиваться застольем, где возникают споры и обсуждения. Как-то в деревне один старик сказал мне: «Злые говорят на одном языке. У добрых – много языков. Оттого они никак не могут договориться». Актёры – люди добрые и спорят постоянно. А если нет посиделок за стаканом вина, они вянут

и грустят. Я поэтому часть зарубежных гонораров всегда тратил на застолье. В конце концов, откуда у артиста деньги? И они меня после репетиций всегда ждали, чтобы я их накормил.

Люди, работающие в театре, часто говорят, что театр для них второй дом. Поскольку я работал в разных театрах, у меня нет любимого. Каждый люблю по-своему. И получается, что у меня очень много домов! Я олигарх театральный. С актёрами мне хорошо и комфортно в любой стране, в любом театре. Потому что люди, которые посвятили жизнь театральному искусству, едины, это каста неприкаянных. Между ними нет границ и барьеров – ни языковых, ни национальных. Будь то русский актёр, итальянский или грузинский – все они граждане одной страны, имя которой «Театр». ◉

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
**ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
 НА ВАШ ЛЮБИМЫЙ ЖУРНАЛ STORY ТОЛЬКО НА САЙТЕ**
www.story.ru

Стоимость полугодовой подписки
 с доставкой в ваш почтовый ящик
 всего 900 рублей

Доставка производится только на территории России

Место силы

*Мария Арбатова категорически заявляет:
«Если вы не побываете в деревне Окунёво, что под Омском,
и на Тарском увале, считайте, что жизнь прошла стороной».
Что же это за места такие загадочные?*

В юности я, как многие в моём поколении, интересовалась экзотерикой. Возможностей для этого было мало, литература – самиздатская, а гуру – из старших товарищей, прочитавших эту самиздатскую литературу на пару лет раньше. Но мы бойко переписывали в общую тетрадь абзацы из Кастанеды и спорили о местах входа в Шамбалу. Повзрослев, я не остыла к регионам, называемым «местами силы», и посещаю их по мере возможности. В этих местах такая энергетика, что сознание начинает работать в новом режиме, а человек

мгновенно понимает о себе и мире больше, чем за годы размышлений, и отшелушивает смыслы от ерунды, которой занят в повседневной жизни. В Москве тоже есть такие места, самые известные из них – возле Тайницкой и Водовзводной башен Кремля, в Александровском саду, у Новодевичьего монастыря, в Донском монастыре и на Воробьёвых горах. Экстрасенсы отправляют туда больных, обессиленных и депрессивных.

Я вдоволь попутешествовала, была и у Гроба Господня, и у замка Габсбургов, где хранится

Копьё Святого Маврикия, которым убит на кресте Христос, и в Акрополе, и в Помпеях, и в Тадж-Махале, и в пустыне Гоби... Но самыми яркими местами мне всё-таки показались российские, ещё не превратившиеся в туристические объекты, не вытоптаные и не распроданные по кусочкам.

Это и танцующий лес на Куршской косе, деревья которого изломаны необъяснимой силой. Это, конечно, северные места – Кижы, которые по красоте и уникальности не уступают Тадж-Махалу, признанному самым красивым дворцом на планете, Соловки и Валаам. Россия до Уральского хребта великолепна, особенно если смотреть её с воды круизного лайнера, но при этом спокойна и пресновата, а чудеса начинаются за Уральским хребтом.

Например, Кунгурская пещера в Пермском крае – одна из самых больших в России. Внутри неё настоящий театр, водопады, озёра, горы, сталактиты, впадины и природные залы для мероприятий. И всё это подсвечено, безопасно и живёт как огромный гостеприимный организм. К тому же является терапией, там лечат не только астму, сердечно-сосудистые, кожные и другие заболевания, но и омолаживаются, благодаря естественной креотерапии. В первую секунду, когда заходишь, запакованный в тёплую куртку, становится не по себе, думаешь, а вдруг всё это великолепие рухнет на голову, но это секунда, потому что энергетика пещеры тут же принимает тебя и даёт ощущение полёта.

Недалеко от Кунгура – Белогорский монастырь, он на горе, и карабкаться на него – как на гору Синай. Тем более когда поднимается ветер, пытаются снести пешехода. Но если забрался наверх, под тобой весь Пермский край до горизонта, ошеломляющее зрелище. А ещё возле подножия горы, согласно исследованиям двух британских историков, родился и ушёл в мир иной основатель зороастризма Заратустра. В священной книге «Авеста» написано: пророк родился на территории туранских племён, но, не найдя признания, отправился на территорию современного Ирана.

Восточнее Пермского края – Челябинская область и Аркаим, в который я, к сожалению, до сих пор не попала. Он состоит из останков укрепленной крепости, некрополей и пастбищ. И всё это построено из брёвен и глиняных кирпичей в III–II тыс. до н.э., а потом он был сожжён. То есть, по сути, это наши Помпеи.

Восточнее Челябинска – Омск, и под ним деревня Окунёво, считающаяся «пупом земли». Все видели водку «Пять озёр», но не все знают, что возле деревни Окунёво и есть пять озёр с разным составом воды, возникших после падения метеорита. Водой из одного можно мыться, в воде другого можно заваривать лечебные травы, вода из озёр не портится и не цветёт. Одно из них, Шайтан-озеро, лечебно, но опасно, и в плохую погоду

местные обходят его стороной. Там аномальная зона, и там, как в Бермудском треугольнике, пропадают то люди, то животные. Кстати, животные никогда не пьют из Шайтан-озера воду. И существует легенда, что, когда человечество окажется бессильным против новых вирусов, вылечить его сможет только вода пяти озёр. А ещё в Окунёво

► Жители деревни Окунёво

бесконечно летают какие-то белые шары, призраки, столбы света, тарелки – уфологи бегают за ними с фотоаппаратами, а местные привыкли. Возле деревни – Тарский увал, в котором археологи местного университета годами копают, и, чем дальше копают, тем меньше им понятно. Я слышала от этих учёных мужей, что Тарский увал не поддается исторической логике и может трактоваться как некая заветная дверь в космос, – святое место. И потому туда в течение столетий свозили хоронить издалека. Хоронили слоями, иногда отодвигали кости старого захоронения и новые укладывали рядом. В захоронениях оказались предметы, которых в момент похорон не водилось в тысяче километров отсюда. То есть специально везли сюда месяцами. Именно в Тарском увале были найдены знаменитые женские черепа удлинённой формы. Девочкам с рождения бинтовали головы, чтобы

череп рос в длину и «ловил некий сигнал сверху». Девочка росла, голова вытягивалась, как дыня. Такие же черепа обнаружены в Египте, Мексике, Перу, Ираке, Сирии, на Мальте, в Южной Америке. Считается, что головы вытягивали младенцам высокого сословия и что это меняет развитие психики и даёт сверхспособности.

Деревня Окунёво находится вблизи Иртыша, Тары и Оми. Тара – имя богини, одного из воплощений жены Шивы, и переводится как «спасительница». В 1989 году последовательница индийского гуру Шри Бабаджи по завету учителя поехала в Россию искать храм обезьянобога Ханумана. Звали её Расма Роозитис, и была она литовкой из Германии, поехавшей за смыслами сперва в Индию, а потом в Россию. Шри Бабаджи послал её искать храм-обсерваторию Ханумана, который построили в Сибири внеземные цивилизации вокруг магического кристалла. Расма Роозитис нашла Омск, созвучный священному слогу «Ом», приехала в Окунёво к реке Таре, в которую впадает речушка Кайласка, а гималайский «Олимп» тоже называется Кайлас, и поселилась в палатке. Она постилась и медитировала, пока не увидела в воздухе город, находящийся под землёй возле Шайтан-озера. И тогда основала в Окунёво бабаджистский ашрам, уверяя, что со временем здесь появится просветительский центр для всей планеты, объединяющий все конфессии и прекращающий все войны. Короче, начнётся золотой век человечества под покровительством «пупа земли» – подземного храма Ханумана, описанного в индуистских священных книгах. С того момента в Окунёво рванули экстрасенсы, дауншифтеры и просветлённые всех мастей. Они настроили домов и насоздавали общин. Там и неоязычники, и кришнаиты, и буддисты, и староверы, и «рехинутые», и «индианутые». Местные деревенские ласково называют всех их одним словом «богомолы». В Окунёво стали проводить фестиваль солнцестояния, куда приезжает до 50 тысяч человек.

А в 2012 году, когда ждали конца света, в Окунёво безумным образом скакнули цены на дома – прошёл слух, что люди спасутся только там, под покровительством храма Ханумана. Новосёлы накануне «конца света» забились в свои дома с продуктами, батарейками, мылом и спичками. К ним стучались какие-то новые безумцы с рюкзаками, приехавшие спасаться. Армагеддона не случилось, и все они были страшно разочарованы.

А мы с мужем поехали туда как в место силы, посмотреть на бабаджистский ашрам и подкормиться энергией. К тому же у меня была травма колена и хотелось её вылечить. Любезные проводники привели нас в излучину реки Тары, называющуюся Ведьмин круг. Это невероятное место окружено геометрически ровным кругом вытоптанной земли, хотя трактором туда не заедешь, –

круг вытаптывает скот, а внутрь круга не заходит. Так же как деревья в этом кругу чёрные, словно обугленные, искорёженные и голые, хотя вокруг зелёная листва. А когда заходишь в Ведьмин круг, поднимается ветер, хотя вокруг всё спокойно, – не поверила бы, если бы не увидела собственными глазами. Но когда стоишь внутри, ощущение полного счастья, да и травма колена почти прошла. В этом кругу совершаются обряды, проходят медитации и подпитываются энергией экстрасенсы.

Потом нас повезли на Тарский увал, символизирующий будущее человечества, – там рядом стоят часовня, «дхунья» – алтарь, в котором бабаджисты после медитации зажигают огонь и приносят «жертвы» в виде риса и фруктов, колдоврат неоязычников, кресты всех мастей. Жившая в Окунёво французская ясновидящая поставила там железное сердце на столбике, на ветки люди привязывают на счастье полоски яркой материи и т.д. А что касается научной составляющей этого места, то физики намерили там электрическую частоту в 127 Гц, соответствующую активной жизнедеятельности под землёй, словно там индустриальный город.

После Тарского увала мы с мужем отправились в бабаджистский ашрам, и, увидев физиономию моего Шумита, российские бабаджисты чуть не попадали на колени, считая его «посланником». В ашраме изумительная атмосфера, все живут одной семьёй, дети растут счастливыми, на одиннадцать детей деревни Окунёво построена среднеобразовательная школа, какой позавидует любая сельская местность. Поразило, что в ашраме живёт умственно отсталый немолодой инвалид, и, пожалуй, нигде в мире он не получил бы такого равного и уважительного отношения – он полноценный член общины с чёткими обязанностями. Центральная улица Окунёво выглядит феерически – на деревенских избах нарисованы «Омы», а люди на улице одеты с элементами индийских нарядов. Прежде это была глухая деревня, а теперь уже туристическая Мекка. Я спросила мужа, как ему просветлённые бабаджисты, и он посмеялся: «Представь, приезжаешь в Индию. Жара плюс пятьдесят. Приводят тебя в дом, а там люди в ватниках, пьют водку, едят квашеную капусту и говорят о русской идее! Что будешь делать? Ржать...» Пути Господни неисповедимы, но просветление и очищение требует внутренней работы, и наивно рассчитывать, что ты окунешься в Ганг или в пять озёр и тут же станешь ближе к истине.

Восточнее Омска – Байкал. Человек должен хоть раз в жизни окупаться в его воды. Мне это посчастливилось сделать в составе международного каравана культуры, когда молодые западники раздевались догола и бросались в холодную воду. Для них Байкал – одно из чудес света.

Теперь об Алтае. Все знают, что там находится «русский вход в Шамбалу». А я прилежная фанат-

ка курорта Белокуриха. Сквозь него течёт река, которая кипит радоновыми родничками и не замерзает. В воздухе в четыре раза больше аэронов, чем в Давосе. До революции тибетцы сдавали эти роднички европейцам, поскольку уникальная вода лечит и сердечно-сосудистые заболевания, и желудочно-кишечные, и остеохондрозы, которые не лечит никто. Сейчас вся модная тусовка

► Фестиваль солнцестояния в Окунёво

раскусила Белокуриху, ездит туда на недельку – возвращается как новая. Но Алтай – это не только лечение, это и просветление, это немислимая красота. И не важно, приехали вы в пятизвёздочный отель или разбили палатку на пленэре.

В нашей семье любят путешествовать не только по городам и странам, но и по жизни – в поисках себя... Мой сын Павел – психотерапевт, он владеет уникальной психотехникой «регрессионная терапия». Клиент регрессионного терапевта на сеансе без транса и гипноза вспоминает и просматривает свои прошлые воплощения. Это помогает увидеть системные ошибки каждого воплощения и понять, откуда растут ноги проблем в этой жизни. Если упрощать, то, например, вам мешает аэрофобия. Чтобы избавиться, нужно понять её происхождение.

С помощью психоанализа надо полтора года копать ход – от вашего рождения, а с помощью регрессионной терапии достаточно увидеть, как вас в прошлом воплощении сбрасывают со скалы или с парашютом, который не раскрывается. Я проходила регрессию у учителя моего сына Павла Гынгазова и на первом же сеансе увидела, как мне где-то на юге Франции рубят башку за участие в мелких политических интригах. И действующие лица регрессии, по сути, те же, что в моей тяжёлой выборной кампании в Госдуму 1999 года. Я и до того не любила Францию, а тут поняла почему. Ведь когда я приехала в Париж и в первый день приятельница, родившаяся там, не могла найти, где запарковаться, я мгновенно объяснила ей, как устроены набережные и где стоит машина – «я их помнила». Но главное, после регрессии мне словно сняли с затылка гирию, которая тяжестью висела там всю жизнь. Многие ведь идут на регрессионную терапию, чтобы вылечить физический недуг, и считают, что это что-то типа экстрасенсорики. Например, человек мучается от болей в спине, а после регрессии оказывается, что в прошлой жизни ему всадили в спину нож. И после сеанса спина загадочным образом проходит. Из других регрессионных сеансов я узнала о других сюжетах своей жизни и в конечном итоге поняла, что мне необходимо уйти из политики, иначе это плохо закончится. Но одним из самых ярких ощущений для меня была экскурсия в древний индийский форт Амбер на вершине горы – это мини-город, который невозможно было завоевать. Он обеспечивал себя всем, даже водой, собирая дождевую в сложные инженерные сооружения, а стены были неприступны. И, разгуливая по бывшим комнатам дворца, от которых остались только стены, я прислонилась к одной из них и словно провалилась в прошлое. И не столько увидела, сколько почувствовала, как уже была здесь, жила, ходила по этим комнатам – помнила их на ощупь. И стало ясно, откуда у меня муж – индийский принц, почему я с юности буддистка, с чего в моём детстве на стене висел портрет Индиры Ганди и т.д. А муж, пройдя регрессионную терапию, видел себя где-то в Малороссии, и объяснить его жизнь в России можно только этим. Но психотерапевта не волнует, откуда человек достаёт это «кино» о прошлой жизни, его интересует терапевтический эффект. Хотя я как буддистка не сомневаюсь в том, что увиденное во время сеанса – именно воспоминания о прошлых жизнях.

Каждый из нас чувствует, что его непонятым образом волнуют некоторые страны, их музыка, их история и литература. И, приезжая туда, он понимает, что это его воздух, его стены, его деревья. Не надо этого бояться, это всегда несёт разгадку проблем, путь к гармонии и возможность задышать полной грудью. ☉

Порядок вещей

На носу лето, а значит, жизнь станет динамичной

Не требует жертв

В 1788 году в Лондоне появился странный маньяк – он не причинял дамам особого вреда, но, подкараулив в парке, втыкал в зад булавку. Все его жертвы, как и положено, имели общий признак: они были стройными. Когда их число перевалило за сотню, злодея поймали. Ринвик Уильямс запирается не стал, но клялся, что напал только на десяток дам, и лишь в одном парке. Длинный список жертв его сильно удивил: по всему выходило, что «работал» он без сна и отдыха. Полиция долго не могла понять, в чём дело. Но всё оказалось просто: узнав, что маньяк предпочитает дам с хорошей фигурой, жительницы Лондона начали массово симулировать нападения, опасаясь прослыть недостаточно стройными.

Современная косметология изобрела немало средств для того, чтобы красота не требовала жертв. Антицеллюлитный моделирующий крем для тела CELLUSCULT™ легендарной линии HOUSE CALLS от DR. BRANDT позволяет справиться с локальными жировыми отложениями и неровностью кожи тела. Крем для тела Celluscult™ – это аналог революционной безоперационной салонной процедуры Coolsculpting® – одной из самых эффективных для похудения. Он способствует гибели клеток подкожной жировой ткани без повреждения рельефа кожи, благодаря чему удаётся добиться идеального силуэта. А уникальный роликовый массажный аппликатор, состоящий из пяти роликов из нержавеющей стали, усиливает действие формулы с помощью механической стимуляции.

Часы для победителей

В Византийской империи особенно буйным нравом отличались фанаты гонок на колесницах. В 532 году их баталии едва не привели к государственному перевороту. В ту пору два самых мощных атлета ездили на зелёной и голубой колесницах. Недурно вооруженные «зелёные» и «голубые» болельщики были реальной политической силой. На главных гонках года дошло до того, что «зелёные»

потребовали от императора Юстиниана отречься от престола, мотивируя тем, что его поддержка «голубых» ставит возникших в неравные условия. Юстиниан ответил репрессиями. Главарей «зелёных» приговорили к казни, но тут за вечных соперников вступились «голубые». Болельщики вынудили императора отменить приказ о казни. Их восстание, ставшее первым задокументированным фактом спортивной солидарности, получили название «Ника» в честь богини победы, покровительствовавшей спортсменам.

Имя крылатой богини нередко приносило удачу тем, кто не боится идти вперёд и побеждать. Специально для таких мужчин российский часовой бренд НИКА разработал кол-

лекцию разноцветных хронографов Ego. Обтекаемые формы, спортивная цветовая палитра, удобный интерфейс и оригинальное решение для секундной стрелки идеально подходят для активных людей. С такими часами спортивный образ жизни будет приносить ещё больше удовольствия.

История о потерянной обуви

Однажды во время тренировки «Зенита» форвард команды Халк забил хитрый гол в ворота Юрия Лодыгина. Незаметно стянув бутсу, Халк сделал ложный удар по мячу. Обувь резво полетела в ворота, голкипер рванул наперерез и в великолепном прыжке словил бутсу форварда, который тем временем направил мяч в противоположный угол ворот. Итог – вратарь, обнимающий бутсу, мяч в воротах и хохочущая команда. Это был, конечно, розыгрыш, но он ещё раз подтвердил железное правило любого спортсмена: главное – это обувь! Правильно подобранные кроссовки защищают суставы и помогают улучшать результаты.

Для этого спортивная обувь должна быть надёжной и качественной. Особенно важны удобная колодка и «дышащие» материалы. Сегодня не только в спорте, но и в повседневной жизни сникеры – это незаменимая обувь. Сникеры сочных цветов с металлизированными элементами и необычными

деталiami от CARLO PAZOLINI сочетают в себе удобство повседневной носки и невероятно стильный дизайн. Яркие оттенки солнечного лета, необычные комбинации стилей и фактур добавляют нотку лёгкости в ваш повседневный образ.

Легенда мыса Горн

Мыс Горн, крайняя южная точка архипелага Огненная Земля, был открыт в погоне за наживой. Проще говоря, из жадности. В 1616 году голландские мореплаватели Якоб Лемер и Виллем Схаутен отправились искать путь к Островам пряностей, который позволил бы обойти Магелланов пролив, контролируемый Ост-Индской компанией. За проход через него драли такие деньги, что купцам дешевле было спонсировать экспедицию. В её успехе сомневались – считалось, что пролив разделяет Южную Америку и гигантский южный материк. Однако Лемер и Схаутен, обогнув Огненную Землю, доказали, что это всего лишь большой остров. Открытый ими пролив до сих пор считается своего рода Эверестом для яхтсменов всего мира.

Мыс Горн вдохновил дизайнеров MY MACROLOGO на создание спортивной части новой летней коллекции. Модели выполнены из высокотехнологичных дышащих тканей. Отличительной чертой коллекции стали графические детали в морском стиле, а двухцветный фон: чёрный цвет сочетается с белым и жёлтым,

а синий – с белым и оранжевым, – напомнит об океанских закатах и белой пене на гребнях бушующих волн.

Секрет бегуна

Эфиопский легкоатлет Хайле Гебреселассие дважды брал олимпийское золото на дистанции 10 000 метров. Спортивные комментаторы признавали его технику безукоризненной. Смущало их лишь одно – во время бега Хайле изгибал левую руку под странным углом и прижимал очень близко к телу. В этом пытались разглядеть какой-то особый секрет. Секрет был, только не спортивный. Позже Хайле признался, что в детстве каждое утро пробегал десять километров по пути в школу, а вечером столько же домой.

При этом сумки у него не было, и учебники он держал в руке, прижимая к телу. Так и привык.

Ну не водилось в их эфиопском селении такой простой вещи, как рюкзак! Он точно освободил бы руки, улучшил осанку, распределил нагрузку и сделал всё то, чем славятся грамотно подобранные рюкзаки, которые давно уже перестали быть только спортивным аксессуаром. Стильный и вместительный текстильный рюкзак DARIA от Tamaris с отделкой из высококачественной экокожи станет отличным дополнением к любому образу в стиле casual. На работе, в спортзале, на прогулке или в супермаркете рюкзак DARIA будет весьма кстати.

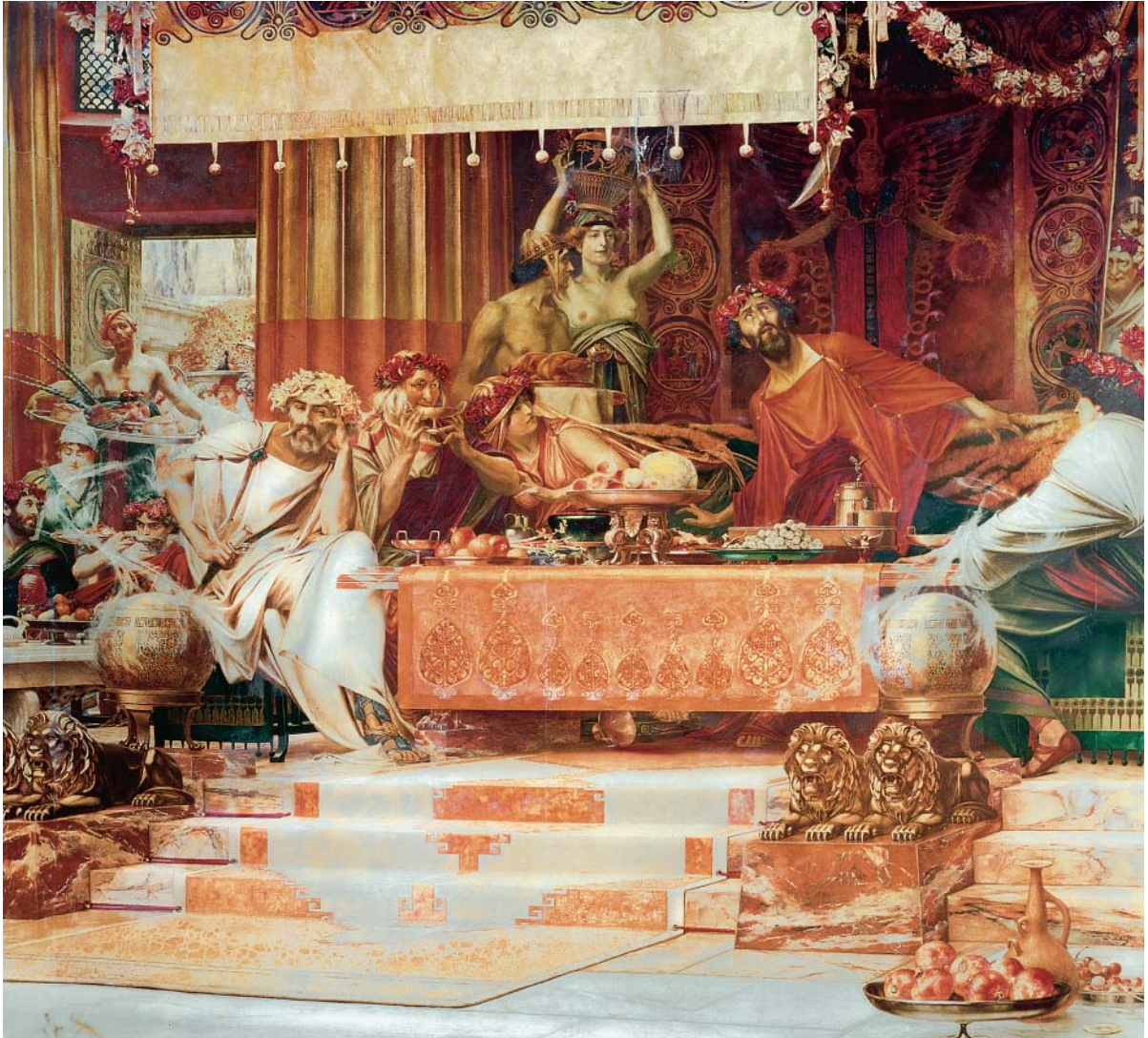
Конь для вождя

Чтобы стать вождём индейского племени кроу, нужно было пройти четыре испытания: дотронуться до врага, не убивая его, завладеть его оружием, украсть его коня и возглавить успешную военную операцию.

Последним вождём кроу, выдержавшим испытания, был Джо Мэдисин Кроу, причём свои подвиги он совершил на полях Второй мировой. Джо служил в дивизионной армейской разведке, но традиции соблюдал исправно. Под форму наносил боевую раскраску, а под каску надевал убор из орлиных перьев. С первыми тремя пунктами «экзамена в вожди» Джо справился легко, но вот с лошадьми у фашистов было туговато. Однако Кроу был парнем настойчивым, и всё-таки обнаружил в немецком обозе свой трофей.

Хотя лошадей в Новый Свет завезли европейцы, однако индейцы нашли с ними общий язык. Заботились о лошадях лучше, чем о собственных скво – после долгой скачки непременно растирали и наносили на суставы мазь из лекарственных трав. Эти рецепты, адаптированные для человека, легли в основу бальзам-геля для суставов «Лошадина сила» – эффективного средства при болях в спине, мышцах, связках и суставах. Средство может использоваться и для профилактики мышечного перенапряжения, и после интенсивных физических нагрузок. При этом действует бальзам очень быстро: его охлаждающе-разогревающий эффект способствует расслаблению и оказывает обезболивающее действие. ☉

Гладиатор, борщ и сало

Свободолюбивый фракиец Спартак, чьё имя означает «предводитель копьеносцев», в 74 году до нашей эры сплотил беглых гладиаторов и рабов, поднял восстание и дал легионам римским. Предводитель при своём богатырском телосложении на еду и питьё не налегал, считая, что во всём, кроме борьбы за свободу, надо соблюдать меру

Бунтарь был рождён на земле племени медов, в самом центре Фракии, на территории нынешней Болгарии. Благословенная земля его предков колосилась пшеницей, ячменём и рожью. Смоква, шелковица, груши и яблоки сами падали в руки, а виноградные кисти так и призывали вознести хвалу Дионису. Молока и вина было вдоволь, по лугам ходили тучные стада коров и коз, по обочинам дорог валялись огромные свиньи. Фракию недаром называли «страной овец», с мясом тут был полный порядок. С вином – тоже. Фракийцы считались записными выпивохами и даже на надгробиях любили изображать пиршества. Счастливейшим из смертных здесь называли того, кому удавалось отдать концы прямо посреди застолья, уткнувшись головой в блюдо со свиной, клёцками из муки, сыра, мёда, мака и пирогами с тёртым сыром. Однако бедный фракийский люд и рабы не шиковали, ели что боги пошлют. Боги делали акцент на пшеничной каше. Пшеницу очищали, толкли в ступке, мыли, опять толкли, чтобы отбить кожицу, снова мыли, добавляли воды и варили в горшке. В готовую пшеницу доливали молока. Кроме каш в ходу были овощные, гороховые и мучные похлёбки с солью, мёдом и оливковым маслом. А вот семья бунтаря была сплошь из знати и питалась дай бог каждому. На столе не переводились цыплята, гуси, журавли, кабанятина и свинина. Спартак с молодых лет обучался, как всякий благородный юноша – вникал в сочинения философов, – и в восемнадцать лет задумал продолжить династию и сделать военную карьеру. Ради этого он пошёл служить в римские войска, где пользовался уважением за храбрость. Но как только будущий гроза римских легионов узнал, что римляне рубятся с его племенем медов, то дезертировал

и десять лет состоял на службе у понтийского царя Митридата, пока однажды не был взят в плен и не продан в рабство в Риме на невольничьем рынке.

Рабы – не мы!

Римляне, кто позажиточней, совсем в те поры потеряли совесть, с головой окунувшись в роскошь. Так, например, Лукулл, римский полководец, купил виллу за десять тысяч талантов, что равнялось чёртовой пропасти килограммов серебра, с рыбными прудами, пастбищами, кучей дворовой челяди и закатывал там пиры, на которых объедался и обпивался чуть не до смерти. Рабы, выполнявшие самую чёрную работу и сидевшие на лепёшках, каше, маслинах и капусте, вида, как знать валяется у столов и щекочет себе небо пёрышками, чтобы вызвать рвоту и опять налопаться до отвала, затаивали обиду. А когда их распоясавшиеся хозяева давали волю рукам, лупили почём зря, выкидывали из дома старых и больных, убивали в запале, то вообще задумывали побеги или мятежи. «Сколько рабов – столько врагов!» – повторяли римляне, но выводов не делали.

Могучего Спартака хоть и кормили сытнее, и вообще он был в авторитете, но жизнью своей тоже рисковал регулярно, пройдя школу гладиаторов в Капуе, и постоянно выступал на арене, сражаясь, как лев. Такое положение дел свободолобивого фракийца не устраивало, и он, собрав единомышленников, задумал поднять мятеж и показать зажавшимся римлянам, где раки зимуют. Единомышленники, все как на подбор гладиаторы, захватили оружие и с боями вырвались на свободу. «Лучше пойти на крайний риск ради свободы, чем рисковать своей жизнью на арене для потехи зрителей», – сказал как отрезал Спартак и повёл сподвижников к Везувью. Тот пока

ещё извергаться не собирался, выглядел потухшим и мирным и был отличным укреплением с крутыми склонами и единственным проходом на вершину. На Везувии повстанцы раз-

били лагерь, куда стекались все обиженные и униженные людьми римскими рабовладельцами. В лагере горели костры, в горшках кипели бобы и горох, варились ячменная каша и свекольная похлёбка. Римские полководцы регулярно подходили к Везувью, надеясь заморить повстанцев голодом, но Спартак был не промах. Со сподвижниками он спускался в тыл врага с кручи по сплетён-

ным из виноградных лоз лестницам, разбивая легионы в пух и прах. Войско Спартака росло и уже насчитывало более ста тысяч пехотинцев и восемь тысяч конников. Повстанцы тоже были не рахат-лукум и, хоть их предводитель выступал против бесчинств, едва только прорывались в городок или деревушку, жгли, грабили и убивали со всей широтой обиженной рабской природы. Самых активных суровый Спартак отдавал под повстанческий суд, где их присуждали к забиванию камнями.

блюдах раскладывали лепёшки, овощи и зелень, в чаши наливали муть – вино с мёдом – и ставили кувшинчики с соусами из инжира и винограда. Одним из обязательных был соус гарун (гарум), «сукровица разлагающихся рыб», как презрительно отзывался о нём Сенека. Для соуса ловили хамсу или анчоусы, а лучше всего – макрель, насыпали в каменные ванны или глиняные сосуды, вбухивали девять частей соли на одну часть рыбы и оставляли на пару месяцев на солнце. В готовый соус

тывать пиры не хуже, чем те, с кем они так упорно сражались. Спартак, у которого скулы сводило от такой распушенности, сначала запретил пользоваться золотой и серебряной посудой, а потом вообще упразднил драгметаллы в пределах лагеря. Сам предводитель, хоть и получал свою долю добычи, предпочитал спать на земле, завернувшись в простецкий плащ, в походах шёл пешком и ел из одного котла с воинами. Только в исключительных случаях он позволял накрыть пиршественный стол с жареной говядиной, кабанятиной, рыбой, птицей и козлятами, «не знавшими ещё травы», варёными яйцами, оливками, овощами, мясными пирогами, сотовым мёдом, виноградом, яблоками и винами.

Находились среди соратников те, кто упрекал Спартака, что вождь хочет посадить армию на невкусную пищу и загнать в спартанские условия. Не за такое, мол, сражались. Но Спартак настаивал, что «богатством надо пользоваться не становясь его рабом». Он призывал сподвижников ограничивать желания, употреблять простую пищу, которая не только способствует улучшению здоровья, но и делает человека энергичным, неустранимым и приводит в лучшее расположение духа. Спартак считал, что погрязший в удовольствиях, изнеженный роскошью и пиршествами воин не имеет сил сражаться и становится для врага лёгкой добычей. Для того чтобы достойно жить, говорил предводитель, достаточно служить правому делу, иметь мудрость, которая не позволяет совершать житейские ошибки и быть ближе к природе. А для мужчины не менее важно ещё и достойно умереть. «Злодею подобает смерть по приговору суда, а полководцу – в бою с врагами», – утверждал Спартак, закончивший жизнь именно так, как хотел, – в бою, не повернувшись спиной к врагу. ☉

РЕЦЕПТ

Чтобы почувствовать себя гладиатором, не обязательно метаться в поисках копья и щита. Достаточно сварить борщ. То есть похлёбку на свёкольном квасе. Именно она с почти не изменённым рецептом перекечевала из Фракии и Рима сначала в Крым, а оттуда распространилась на территории современных России, Белоруссии и Украины. Для кваса фракийцы тёрли свёклу, заливали подогретой водой и оставляли в тёплом месте дня на три. В похлёбку добавляли поджаренную на жире свёклу, лук, мясо, сало и капусту. Сало фракийцы нежно любили, заготавливали впрок, коптили и солили. Иногда в похлёбке свежую капусту заменяли квашеной, которую хранили в глиняных чанах и ели с оливковым маслом. Морковь соплеменники Спартака в супы не клали, предпочитая употреблять её на десерт с мёдом, орехами и изюмом. Фракийское варево надо есть, закусывая чесноком и вспоминая о том, что ещё древние считали капусту отличным афродизиак, а лук с чесноком – кладезя-ми витаминов.

Спартаку верили и признавали его лидерство.

В редкие дни отдыха от борьбы за свободу предводитель ездил на охоту. Его обоз с палатками для ночлега, рогатинами, копьями, котлами и провизией охраняла сотня конников. Особой доблестью считалось выйти один на один с огромным кабаном-секачом и точным ударом заколоть его в шею. Потом со зверя снимали шкуру, срезали филейные части и окорока, растилали войлок для сидения и скатерти для пирушки. Кабанятину жарили, нанизывая куски на вертела, на деревянных

добавляли уксус, перец, оливковое масло или доливали вина.

Живи проще

Римские полководцы, хоть и бывали постоянно биты Спартаком, пыла и военной хитрости не теряли, а иногда и шли другим путём, делая ставку на алчность повстанцев и желание раба непременно пожить как рабовладелец. План потихоньку осуществлялся: командиры повстанцев нахватали роскошной одежды, завели стаи породистых собак для охоты, экспроприировали у богачей дорогое оружие, утварь и стали зака-

ВЛАДИМИР МАШКОВ

И ЕГО ЛУЧШИЕ РОЛИ

«Охота на пиранию»

«Ликвидация»

16+

РЕКЛАМА

ТЕЛЕКАНАЛ

**РУССКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР**

Шедевры, созданные
лучшими режиссерами

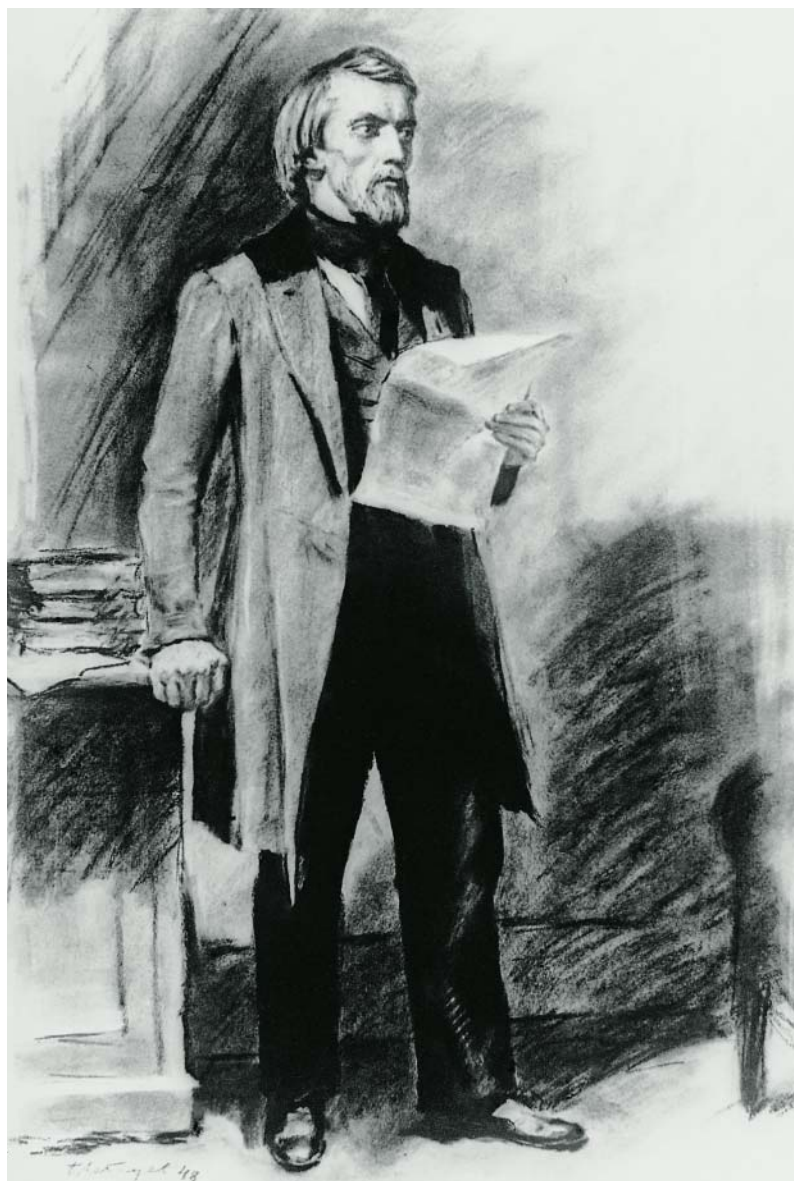
СПРАШИВАЙТЕ У ВАШЕГО ОПЕРАТОРА КАБЕЛЬНОГО И СПУТНИКОВОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Правдоруб

Близнецы умеют пригвоздить словом и выбором выражений себя особо не утруждают. Одним из таких рубивших правду-матку был критик и публицист Виссарион Григорьевич Белинский. В XIX веке он вовсю громил фальшь, ниспровергал старые авторитеты и возводил на пьедестал новые имена

ИННА САДОВСКАЯ

Родился 11 июня 1811 года в крепости Свеаборг, в Великом княжестве Финляндском Российской империи, на территории нынешнего Хельсинки. При рождении получил фамилию Бельнский, но то ли в метрическое свидетельство вкралась ошибка, то ли сам Виссарион Григорьевич позже смягчил звук – доподлинно неизвестно. В 9 лет поступил в уездное училище города Чембара, позже учился в пензенской гимназии, которую не закончил. В 17 лет поступил в Московский университет на словесное отделение философского факультета. Был исключён в 1832 году. Работал в литературных журналах Москвы и Санкт-Петербурга, куда помещал переводы, статьи о театре, литературные портреты писателей и хлёсткий разбор их произведений. Умер от чахотки 26 мая 1848 года.

Карьера

В подавляющем большинстве близнецы воспитывают и образуют себя сами. Главное – им не мешать. Виссариона, Висяшу, как звали его в семье, домашние заставляли с книжкой в обнимку и в доме, и в огороде. Любознательный мальчик читал Вольтера, записывал в тетрадь стихи Карамзина и Державина, был влюблён

в театр и пробовал сочинять пьесы, повести и баллады. Пока, наконец, на свет не появилась трагедия «Дмитрий Калинин». В ней двадцатидвухлетний автор уже клеймил крепостничество и угнетателей и прямо спрашивал у Бога – доколе?

Оставшись после исключения из университета без средств к существованию, Белинский взялся переводить французский роман, но и тут оказался в пролёте – с переводом его опередили. Денег не было вообще, надежд – тоже. Жизнь потянулась чёрной полосой. Родным, которые сами едва сводили концы с концами, он признался в исключении спустя почти год и вёл нищенское существование, пока не напечатали его небольшую заметку и не пригласили на работу в журналы.

То было урожайное на писательские имена время. И именно тогда должен был найтись тот, кто отделит зёрна от плевел, правдиво высветит таланты, укажет на слабые стороны и сметёт бездарность на обочину литературы. В «Телескопе» и «Молве» Белинский разгулялся, излагая собственный критический взгляд на русскую литературу, которой, по его мнению, ещё далековато было до истинно народной. «Надо сперва, чтобы у нас образовалось общество, в котором бы выразилась физиономия могучего русского народа; надобно, чтобы у нас было просвещение, созданное нашими трудами, возвращённое на родной почве. Придёт время, просвещение разольётся в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа», – горячился молодой критик. С ним многие не соглашались и, кипя негодованием, отстаивали свои пристрастия, но он был пылок, убедителен, с таким азартом срывал мишуру и требовал от литературы

только правды, и ничего, кроме правды, что о нём заговорили все пишущие и читающие.

Его статьями проникся тогда ещё юный Тургенев и заинтересовался Пушкин, высылая Белинскому номера своего «Современника». А когда Белинский опять оказался не у дел, Пушкин даже собрался предложить ему работу, но так и не успел. Выстрел Дантеса не дал им поработать вместе. Спустя годы после смерти поэта Белинский написал Гоголю: «Я не заношусь слишком высоко, но, признаюсь, и не думаю о себе слишком мало; я слышал похвалы себе от умных людей и, что ещё лестнее, имел счастье приобрести себе ожесточённых врагов; и всё-таки больше всего этого меня радует доселе и всегда будет радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников, и я чувствую, что это не мелкое самолюбие с моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человек, как Пушкин, и что такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин».

А до Петербурга Белинский всё-таки доехал. Уже по приглашению издателя «Отечественных записок». В журнале он взял на себя библиографический и критический отделы. Издатель Краевский человеком был неплохим, но, по меткому выражению критика, всегда был готов высосать из человека кровь и душу, а потом бросить его за окно, как выжатый лимон. Срочная журнальная работа выкачивала из Белинского последние силы, когда появилась мысль создать альманах, куда готовы были писать Панаев, Герцен, Тургенев, Некрасов, Достоевский, Гончаров и Григорович. Он писал статьи, собирался работать и работать, ему было что сказать людям, но здоровье уже не давало дышать полной грудью.

РЕКОМЕНДАЦИИ

◎ БЛИЗНЕЦЫ

Накопившиеся дела и нерешённые вопросы могут вырасти в крутую гору и перекрыть дорогу в светлое будущее. Прорубайте туннели или, в крайнем случае, идите в обход.

◎ РАК

Шеф нынче потребует бережного обращения, поэтому лучше всего не провоцировать его опозданиями и пререканиями. Нервную систему лучше всего восстанавливать в согласии с природой.

◎ ЛЕВ

Самые отчаянные представители знака раздухарятся и решат проверить на прочность семейные узы. Рекомендуются не будить лихо, пока оно тихо. Примите как факт, что узы крепче каната.

◎ ДЕВА

Не исключено, что конец месяца закипит интригами. Поскольку вы не сильны в плетении прочных и ажурных сетей, то постарайтесь держаться подальше от эпицентра и от мастеров хитросплетений. Займитесь своей жизнью.

◎ ВЕСЫ

Перевоспитывать кого-то именно сейчас – себе дороже. Поэтому оставьте попытки наставить на путь истинный распоясавшихся домочадцев и сошедших с рельсов сослуживцев. Убеждайте силой личного примера и праведностью поступков.

☉ СКОРПИОН

Месяц богат на контакты с любителями чужого имущества. Вешайте крепкие замки на сундуки со золотом. Настороженное отношение к личностям с цепким взглядом и широкой улыбкой сохраните до конца месяца.

☉ СТРЕЛЕЦ

Призвав в союзники трезвый расчёт, можно значительно поправить финансовое положение. Месяц намерен закончиться триумфальным маршем и приездом дальних родственников. Демонстрируйте гостеприимство.

☉ КОЗЕРОГ

Не принимайте близко к сердцу воз проблем, въехавший в распашные ворота месяца. Проблемы легко поддадутся решению и ненадолго закроют собой въезд.

☉ ВОДОЛЕЙ

Если возникло чувство, что терпение вот-вот выйдет из берегов, немедленно окунайтесь в море положительных эмоций. Или просто в море, выбив из шефа краткосрочный отпуск.

☉ РЫБЫ

Пучина страсти, куда рождённые под этим знаком с таким удовольствием готовы нырять, в этот раз может поглотить не без последствий. Если вы готовы жертвовать километрами нервов – дерзайте.

☉ ОВЕН

В ближайшее время нелишним будет вспомнить, что небольшие уступки помогают добиться своего. Отсидитесь пока в окопе, репетируя примирительную речь и не попадаясь на глаза шефу и дражайшей половине.

☉ ТЕЛЕЦ

Вам рекомендуется почаще выкраивать время для себя, отправляться на отдых, беря с собой домочадцев, и рационально распределять работу, не оставляя её на самый последний день.

Характер

Едва открыв глаза, Близнецы начинают бороться с несправедливостью. Виссарион бледнел и хмурился, когда один из преподавателей уездного училища брался за розги просто так, в профилактических целях. Хоть самому Висяше ни разу не пришлось попасть под горячую руку, но молчать он не собирался, поднял на ноги училищное начальство и добился, чтобы розги применялись лишь в исключительных случаях. Сострадательностью Виссарион пошёл в отца. Тот, уездный штабс-лекарь, чем мог помогал бедным пациентам, даря лекарства и подкидывая денег. Хотя иногда нервы и у Белинского-старшего сдавали. Особенно в подпитии. Был случай, когда он дал непокорному Висяше пощёчину. После неё мальчик много думал. В итоге отношение к отцу стало прохладным, но связи с семьёй юный Белинский не утратил и письма домой, будучи в отлучке, писал регулярно.

Кроме сострадательности к малоимущим папа одарил сына резкостью суждений, прямодушием и нежеланием пресмыкаться перед вышестоящими. С папиным багажом бастовать, восставать и добиваться справедливости Виссарион продолжил и в университете, несмотря на то что его, сидевшего на казённом довольствии, в любой момент могли выкинуть за дверь. Вот, например, однажды во время эпидемии холеры студентам запретили покидать общежитие, а когда один из них срочно отлучился, то угодил за нарушение в карцер. Белинский был тут как тут и срочно собрал протестующих. Наказанного выпустили, а Белинского, «неистового Виссариона», как прозвали его товарищи, взяли на заметку. Потом в университетском литературном кружке поспело чтение той самой вольнодумной трагедии, от которой цензурный комитет из универ-

ситетской профессуры вообще ахнул и предложил донельзя прыткому студенту покинуть учебное заведение. Вольнодумец не внял, но потом разболелся и был отчислен с оскорбительными формулировками: за «бессилие для продолжения наук» и «ограниченные способности». Гордому, но совершенно нищему Белинскому перепугавшееся университетское начальство даже не посчитало нужным оставить казённую одежду. «Я нигде и никогда не пропаду, несмотря на все гонения жестокой судьбы: чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твёрдость в характере не дадут мне погибнуть, – бодрясь, писал он родителям. – Не только не жалею на свои несчастья, но ещё радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастья есть самая лучшая школа». После этого урока Белинский, который и так внимательно присматривался к людям, прежде чем сойтись с ними ближе, вообще стал пропускать через личный слагбаум единицы. Современники называли его «одной из высших философских организаций» и признавались, что при «неистовом Виссарионе» все подтягивались и даже, бывало, побаивались его, неказистого, покашливающего, бледного и худого.

А побаиваться было чего. Ещё с гимназии Белинский славился остроумием и мог так «отхлестать» противника словами, сложенными в стихи или меткую фразу, что хохотала вся гимназия. И дистанцию он умел устанавливать сразу. Такую, что никто не смел переступить черту и подойти ближе. Как-то писатель Иван Панаев прибыл к Белинскому с приглашением на работу в петербургский журнал. Писатель, одетый по последней столичной моде, лихо подлетел на шикарном экипаже

к вросшему в землю домику, желая произвести впечатление на уже тогда известного критика. Критик от такой помпезности в благоговейный обморок не упал, глядел исподлобья, разговаривать по душам отказался и быстро выпроводил франтоватого писателя. Панаев почувствовал себя глупо, скис и потом корил себя и сокрушался в своих воспоминаниях. Впрочем, вскоре они нашли общий язык и долго были дружны.

Близнецы – люди застенчивые. Как бы они ни хорохорились, как бы ни ерепенились, а скопление людей для них – испытание. Был случай, когда критика пригласил в гости князь Одоевский. Белинского князь любил, восхищался его талантом и жаждал видеть у себя в доме. Критик упирался руками и ногами и честно предупреждал, что от неловкости обязательно что-нибудь учудит. И как в воду глядел. Присев в уголке, он так увлёкся разговором, что нечаянно перевернул столик, уставленный бутылками с вином. Вином оказались залиты брюки Жуковского, а сам критик в довершение всего ещё и свалился на пол. Именитое общество бросилось поднимать и утешать сконфуженного Белинского, который повторял, что всё вышло именно так, как он и предполагал. Но если дело касалось споров, затрагивающих его убеждения, то тогда от застенчивости не оставалось и следа: плечи расправлялись, глаза загорались, и оппонент был изорван в клочья мощными аргументами. «Я рождён, чтобы называть вещи их настоящими именами; я в мире боец», – рубил правду Белинский, у которого после самых ожесточённых споров шла горлом кровь.

К чужой точке зрения Близнецы относятся весьма придиристо и не спешат соглашаться с ней ни из вежливости, ни тем более в случае, если давят авторитетом. «Надо подумать», – го-

ворил Белинский самым настойчивым и составлял своё мнение о предмете спора. Собственным мнением он поступаться не собирался. Как-то раз ему, живущему в гнилых трущобах и сидевшему на хлебе и воде, предложили работу домашнего секретаря у некоего толстосума. Пока дело не коснулось личных убеждений, которые требовалось подстричь под вкус работодателя, Белинский нарадоваться не мог хорошей кухне и светлой комнате. А потом ушёл, оставив хозяину записку с извинением. «Лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свету, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свои убеждения», – говорил он и тогда, когда отказывался от работы у издателей, чья позиция по тому или иному вопросу его не устраивала. Он дорожил мнением своих друзей и «людей развитых», все прочие были ему неинтересны. Он был готов умирать с голоду, но не продавать себя и не унижаться перед кем бы то ни было.

Представителей знака Близнецов не сдвинуть, если они уверены в своей правоте. Но и они иногда способны переступить через себя и искренне восхищаться талантами тех, с кем им бывает не по пути. Белинский был в восторге от лермонтовской «Песни про купца Калашникова», хотя с автором поначалу был в расприх и предпочитал сохранять дистанцию. Он считал Лермонтова желчным и едким после одного случая, когда Михаил Юрьевич язвительно высказался о провинциальном обществе. Впрочем, отношения со временем наладились, Белинский каялся, что был излишне суров к приятелю и, когда Лермонтов погиб на дуэли, тяжело переживал потерю.

В письме к Гоголю, встречи с которым Белинский называл «отдыхом и отрадой», он тоже не изменил себе, горячо потребовал от власти освобождения крестьян, соблюдения закон-

ности в стране и так рубанул самодержавие, что цензура схватилась за голову, а смелого критика от заключения в крепость спасла только смерть от чахотки.

Личное

Близнецы – люди семейные и в семье ищут спасения от одиночества. Первой любовью Белинского стала Александра Бакунина, сестра анархиста Михаила Бакунина. Любовь оказалась неразделённой, но молодой критик духом не упал и восторженно описал свои чувства. Однако к женщинам с тех пор относился с опаской, вблизи робел и считал, что холостая жизнь для него то, что надо. Пока на его жизненном пути во второй раз не встретилась Мария Васильевна Орлова, классная дама Екатерининского женского института. В первый раз дама прошла по краешку судьбы Белинского, а потом скромно сидела одна-одинёшенька в тени его первой любви, но потом переписка с Марией Васильевной увлекла критика. Да так, что вспыхнуло нежное чувство. Объяснение с дамой прошло успешно, сроки свадьбы были обозначены, и «неистовый Виссарион», засучив рукава, стал работать над статьями ещё неистовой. Жила семья в крайней бедности, но молодая оказалась нетребовательна, крупных скандалов не устраивала, хотя колочки показывала. «Странные мы с тобою, братец ты мой, люди: живём вместе – не уживаемся, а врозь – скучаем. Думаю, что для поддержания супружеского благосостояния необходимы частые разлуки», – шутил Белинский в письмах к жене. Мария Васильевна родила Белинскому дочь и сына. Но сын прожил всего несколько месяцев, и его смерть совсем подкосила слабого здоровьем Белинского. Спустя год Виссарион Григорьевич умер и был похоронен на средства друзей в Петербурге на Волковом кладбище. ☉

Архивности

«В Пекине борются с курением опиума должностными лицами. Все чиновники, невзирая на ранги, подвергаются заключению под наблюдением врача. Изобличённые в курении увольняются».

«Русь», 1913

«Товарно-пассажирский поезд у станции Петровско-Разумовское наскочил на стадо быков, лежащих на полотне. Повреждены семь вагонов, ранены два кондуктора, путь испорчен».

«Московский листок», 1903

«Ялтинскими проводниками лошадей подана жалоба на запрещение стоянок. Между прочим, в ней говорится: «Злоязычие газетных строчителей создало из единичных случаев несколько вольных отношений между обездоленными проводниками и богатыми дамами целые легенды». К слову, один из этих «обездоленных» проводников купал на днях свою лошадь в шампанском в одном из местных ресторанов».

«Губернские ведомости», 1906

«Заграничные гастролёрки, выступающие на наших сценах, не интересуются изучением русского языка и знают по именам лишь ювелиров, антрепренёров и рестораторов. Даже Мариус Петипа, проживший в России чуть ли не сто лет, не научился говорить по-русски. А вот танцующая сейчас в Лондоне г-жа Павлова свободно объясняется по-английски и легко может поддерживать разговор».

«Новая жизнь», 1912

«В саду «Эрмитаж» только завтра и только для взрослой публики. «Гибель аристократки в угаре страсти», захватывающая драма современной жизни в исполнении лучших артистов Копенгагенского королевского театра. Исключительная по сюжету картина в трёх отделениях».

«Московский листок», 1912

«Баронесса Грасс, упав нынче на ипподроме, не могла подняться без участия кавалеров – до того была затянута её фигура. Таких модниц нынче зовут «преступницами», потому что они связаны по рукам и ногам. Смешнее их только поклонницы шаровар, напоминающие украинских плясунюв».

«Речь», 1915

«Между кадетами Пажеского корпуса и кронштадтскими матросами произошло побоище. Повод – спор о причинах поражения в Крымской войне. Есть раненые».

«Русский инвалид», 1911

«Совесть нынче непозволительная роскошь, какую разрешают себе очень и очень немногие лица. Справедливость требует, чтобы все они платили в пользу города налог. Налог этот должен взиматься в четвертном размере против собачьего».

«Новое время», 1901

«Ровно полвека назад, 21 мая 1861 года, вышел в свет «Подарок молодым хозяйкам» г-жи Молоховец, вспоившей и вскормившей 250 000 наших мужей, – именно таков разошедшийся тираж книги».

«Русское слово», 1911

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

ПРОГРАММА СПАСЕНИЯ ТЯЖЕЛОБОЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

САМОЕ ВРЕМЯ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА!

ОТПРАВЬ **SMS** НА НОМЕР **3242**

УКАЖИ СУММУ ПОЖЕРТВОВАНИЯ

например: **100**

СПАСИ РЕБЁНКА!

Все собранные средства поступают на оплату высокотехнологичных операций детям с опасными для жизни заболеваниями сердца, головного мозга и позвоночника. Подробнее на www.life-line.ru

0+

Сервис доступен только с авансовых и некорпоративных счетов, минимальный платеж — 10 рублей, максимальный — 15 000 рублей.
*life — жизнь.

певица Лика Стар

СТВОЛОВЫЕ КЛЕТКИ РАСТЕНИЙ

«В Италии мне всегда говорят:

- Lika! Sei sempre giovane e bella. Qual'e il tuo segreto? Лика! Ты всегда отлично выглядишь, в чем твой секрет?
- Мой секрет? Либридерм Стволовые клетки растений и пептиды. Будь хитрее возраста!»

Средства коллекции Либридерм Стволовые клетки растений придут на помощь, когда цвет лица становится не таким ярким и сияющим, а отражение в зеркале радует не так сильно, как хотелось бы. Крем-эксперт и лифтинг-сыворотка укрепляют каркас дермы, уменьшают провисание и морщины, повышают упругость и эластичность кожи, придают коже сияние. Вакуумный дозатор обеспечит расходование крема без остатка, а отсутствие воздуха позволит дольше хранить крем после вскрытия. Покупайте в аптеках!

www.librederm.ru
8-800-234-8228, будни 10:00 - 19:00 (время московское)

ТОЛЬКО ТО, ЧТО НУЖНО ТВОЕЙ КОЖЕ

**LIBRE
DERM®** БРЕНД
№1